

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1981 (II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 14

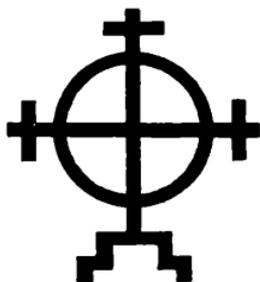
1981

№ 14

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1981 (II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 14

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A.

New York, N.Y.

Редакция: проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада), Г.А. Хомяков (Г. Андреев, главный редактор, США).

Члены редакционного совещания: прот. А. Трубников (Франция), свящ. А. Лебедев (США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США). А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), свящ. В. Потапов (США), Г.А. Рар (ФРГ), Т.А. Родзянко (США), Н.Г. Семенова (Франция), А.Н. Федоров (Франция).

Писать по делам журнала по адресу издательства. Рукописи посылать по адресу:

**G. Homjakow, 39 Drake Drive
Bayville, New Jersey 08721, USA**

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

**Rev. A. KISELEV
1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, USA. tel.: (212) 663-9093**

Copyright by the Preparatory Committee for the One Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West 108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека — Гарнизон 297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия — Кадетское Объединение — Комитет защиты гонимых православных христиан — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Конгресс русских американцев — Национальная Организация Витязей — Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) — Национальная Организация Русских Скаутов (НОРС) — Общество «Отрада» — Организация российских юных разведчиков (ОРЮР) — Обще-Монархическое Объединение в Монреале — Общество «Икона» в Париже — Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской — «Православное дело» — Русско-американское просветительное общество в Детройте — Российский Имперский Союз-Орден — Русский центр в Сан-Франциско — Св. Серафимовский Фонд — Св. Троицкий Монастырь — Северо-американский отдел Русского Общевоинского Союза — Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвилль) — Союз русских инженеров — Союз офицеров Русского Экспедиционного Корпуса — Союз ревнителей памяти Императора Николая II — Российское национальное объединение в Германии — Братство Святого Креста в Австралии — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция — Православный русский очаг в Аргентине — Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США — Фонд Царя-Мученика — Православное братство всех Святых, США — Восточно-Американская и Ньюйоркская Епархия — Владимирское братство, США — «Русский очаг», Аргентина — Союз дворян в Париже.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

А. Солженицын

ИЗ УЗЛА III "МАРТ СЕМНАДЦАТОГО"

(Двадцать седьмое февраля)

5*

В ночь на 27-е Государя не тревожили новыми сведениями из Петрограда, так что он покойно спал, как обычно.

Первая тревога была — утром доложенная дворцовым комендантом Воейковым вчерашняя вечерняя телеграмма Протопопова. Верней, и она была не такой уж тревожной: сообщала, что почти весь прошлый день порядок в Петрограде не нарушался. Только к концу дня пришлось рассеивать скопища и то сперва холостыми патронами. Но такая стрельба вызывала лишь насмешки над войсками, толпа вела себя вызывающе, бросала в войска камни и куски льда — и пришлось прибегнуть к стрельбе боевыми патронами, в результате которой оказались и убитые. И все толпы были рассеяны, лишь отдельные участники беспорядков обстреливали воинские разъезды из-за углов. Войска действовали ревностно. Лишь 4-я рота Павловского полка совершила самостоятельный выход. (Непонятное выражение: какой выход? куда? зачем? Самостоятельное выдвижение без приказа свыше? Невоенный термин.) Но большой успех у Охранного отделения: арестовало почти 170 партийных деятелей. (Что-то даже слишком грандиозно, неужели столько их было

© Copyright 1981 by A. Solzhenitsyn

* Места глав автором еще не определены окончательно, поставленные здесь цифры предварительны (Ред).

в Петрограде?) Контроль над хлебом и мукой установлен. С понедельника ожидается возврат части рабочих на заводы.

А в Москве — так и вообще всё время спокойно. Нет, ничего серьёзного.

Протопопов — счастливая находка. Какой деятельный, неутомимый, находчивый, умница, сколько идей выдвинул за свои немногие министерские месяцы. Правда, по связанности общего положения мало что мог осуществить. И какой милый, простой в обращении. И как его любит Аликс! Да просто не бывало ещё такого удачного министра. Большое облегчение, что он сейчас там, на этом посту, — он не упустит сделать всё, что нужно, и душевно поддержит Аликс.

Его телеграмма — скорее успокоительная. Только что это за самостоятельный выход павловцев? Не совершили ли они чего-нибудь недостойного? — и как тогда Павловский полк отмоеет свой позор?

И камня толпы в войска?.. Представить нельзя.

После раннего завтрака собирался Государь, как всегда, выслушивать доклад Алексева, — тут поднёс ему штабной офицер две телеграммы.

Одна была — от князя Голицына, поданная сегодня в 2 часа ночи. Что с сего числа, как и даны были ему полномочия, занятия Думы и Государственного Совета прерваны до апреля месяца.

Вот и хорошо. Во время беспорядков Думе лучше не действовать. Она-то всю обстановку и раскаляет. Удивительное сборище! — не просто врагов трона, но врагов Российского государства: во время войны шатают, взрывают, не считаются ни с чем.

А вторая телеграмма — совсем странная, чуть не пьяная.

Подписал её какой-то полковник Павленков, кото-

рого Государь при его обширной военной памяти даже и не помнил, — а оказался он почему-то сейчас временно исправляющим должность начальника гвардейских запасных частей в Петрограде. (А где же генерал Чебыкин? Ах, да, он, кажется, в Кисловодске.) А вся телеграмма была: что ранены из толпы командир Павловского запасного батальона и прапорщик его. И — всё. И — никаких сведений об остальной гвардии, если Павленков действительно ею заведовал, ни — обо всей петроградской обстановке, ни — о чём другом.

Странно. Только ёкнуло, что — опять павловцы. Не было ли это в связи с тем выходом роты?..

В половине одиннадцатого, как всегда, Государь проследовал в здание штаба на очередной доклад генерала Алексеева о боевых действиях войск.

Несколько опасливо он окинул взглядом привычное грубовато-фельдфебельское лицо Алексеева, ожидая, не имеет ли тот чего тревожного о Петрограде. Но не сказал, нет, слава Богу.

Спросил о его здоровья. Хотя Алексей и ответил положительно, но по лицу и по плечам видно было, что — неважно, держался как-то зябко.

А общий военный обзор прошёл гладко, не содержал ничего нового.

Тем отчётливей увидел Государь, что Алексей после болезни уже нагнал пропущенное, и значит дальнейшее присутствие Верховного в Ставке уже не так обязательно, можно пока возвращаться к одинокой бедняжке Аликс.

В конце же доклада Алексей подал во-первых телеграмму от Хабалова на своё имя и извинился, что не доложил её прежде: она была — вчерашняя дневная, но пришла уже после вчерашнего доклада. По случаю воскресенья не хотелось беспокоить его Величество, да

и к вечеру вчера нездоровилось, пришлось прилечь.

О, конечно, сразу же и простил, не упрекнул его Государь: можно понять, когда человек и не молод, и болен.

Телеграмма была подана почти сутки назад: вчера в час дня. А всё содержание её относилось ещё к позавчерашнему дню, ко второй половине субботы. Что всяческие толпы неоднократно разгонялись полицией и воинскими чинами. У Гостиного двора выкинули красные флаги с надписями "долой войну" и из толпы стреляли в драгун из револьверов. Пришлось открыть огонь по толпе, убито трое, ранено десять человек — и толпа рассеялась мгновенно. Затем ещё: подорвали конного жандарма гранатой. Но вечер субботы прошёл относительно спокойно. Бастовало же — 240 тысяч рабочих.

Государь потирал, разглаживал усы большим и средним пальцем. Не упрекнул Алексева и прочтя, не имел духу. Но и всё-таки — бастующих слишком много. И все эти случаи, постепенно открываясь, как-то накоплялись. Впрочем, покрывались спокойствием других телеграмм, Протопопова. Впрочем, всё это было уже — давнее, позавчера — и с тех пор ничего худшего не случилось.

Да и кончалась телеграмма Хабалова, что с утра 26-го в городе всё спокойно.

Но нездоровый Алексеев хмурей обычного шурил щёлки своих глаз. Тут вот ещё что придумал — Родзянко: вчера вечером послал Алексеву, а выясняется, что также — и главнокомандующим фронтами, втягивая в обсуждения и их, какую-то взбудораженную, даже паническую телеграмму: что волнения в Петрограде принимают угрожающие размеры. Что правительство в полном параличе и неспособно восстановить порядок. Что России грозит позор, война не может быть выиграна,

если (как всегда у него и у всей Думы) не поручить правительство лицу, которому может верить вся страна. (Читай: самому Родзянке.)

О, этот всполошливый, наседливый, самоуверенный толстяк! Как он надоел Государю своими всегдашними бесцеремонными поучениями. Да почему нужно слушать его сбивчивые, суматошные и явно небескорыстные советы, а не внимать успокоительным телеграммам поставленных властей?

И за все прошлые месяцы, сколько ни слышал Государь Родзянку, всегда положение было "тяжёлое и острое, как никогда".

Но тут был новый неожиданный ход, что телеграмма Родзянки предназначалась не прямо Государю, и не одному Алексееву, а сразу — всем главнокомандующим фронтами — "в ваших руках, ваше Высокопревосходительство, судьба славы и победы России" — и чтобы все высокопревосходительства теперь спасли Россию тем, что поддержали бы глубокое убеждение Родзянки перед его величеством. Станный и дерзкий обход. Почему — не прямо? Почему — через генералов?

Николай в раздражении теребил ус.

От него не укрылось смущение прихмуроватого Алексеева. Уже не косясь на развешенные в маленькой комнате карты фронтов, он неловко усмехался пиковатыми усами. Неловко — за себя, как невольного адресата (всегда почему-то адресата для общественных лиц, вспоминался заклятый Гучков), — а ещё неловче, кажется, — за Брусилова. Брусиллов, получивший эту телеграмму, — этой же ночью, в час ночи, даже не ложась спать, даже не отложив обдумать до утра, — тут же рикошетом пересылал родзянковскую телеграмму в Ставку, да не просто, чтобы доложить Государю, — но

с решительным добавлением, что по долгу и по присяге не видит иного выхода, как тот, что предлагает Родзянко! (А что можно видеть или не видеть с Юго-Западного фронта?)

Государь закурил из пенкового своего коленчатого мундштучка. И как могли быть из одного и того же города, в один и тот же день и даже в один и тот же час столь разные известия? Правительство уверенно управляет, даже не просит помощи, — а Барабан уверяет, что оно в параличе?

Да если было бы что-нибудь по-настоящему тревожное — предупредила бы его Аликс в каких-нибудь час-два. Но сегодня — не было от неё телеграмм.

Государь всё более удивлялся смущённому уклончивому виду Алексева, не возразившему ни против Родзянки, ни против Брусилова. Так и он — присоединяется к ним?

Стоять против шумных общественных горланов — Государь привык. Но необычное и опасное было ощущение — что его собственные генералы за его спиной тоже завлечены теми, как бы ударили в спину своему Верховному.

О, что́ они понимали в этом вопросе — Верховная Власть России, её неделимость или разделение, над чем Государь трудно мучился головою уже два десятка лет? И — как легко все брались советовать!

Нет, смущённый Алексеев не смел советовать, он только подал все бумаги по должности, честный старик.

Доклад был исчерпан, Государь ушёл.

В 12 часов с половиною имел место, как всегда, регулярный высочайший завтрак с военными представителями союзников и чинами Ставки — и, разумеется, ни слова никем не было обронено о петроградских событиях, поскольку о том не заговаривал

Государь.

Из главных достоинств монарха считал Николай: никогда не разговаривать ни о чём серьёзном в неподобающее время, в неподобающих обстоятельствах и не с теми лицами, кто компетентен и призван того касаться. Самообладание и бесстрастность он понимал как лучшую часть этикета монарха, который ведь управляет вполне самостоятельно, неся своё божественное бремя и не завися от советов случайных людей.

И если перешёптывалась свита, может быть и более знавшая что-то о Петрограде, то никто не смел возвысить голос или высказать Государю прямо. Были, пожалуй, и взволнованные, если не испуганные лица.

Так же неуклонно дальше должна была следовать царская прогулка на моторах за город — стояла отличная солнечная погода без ветра. Подали два автомобиля, уже близкая свита выходила к ним, — тут Государю, в шинели, застёгнутому, принесли из штаба и подали новую телеграмму.

Эта была — от Хабалова, и совершенно свежая, час назад поданная. Прошлая от него была на имя Алексеева, а эта — прямо его императорскому величеству. Государь развернул её — стоя, у лестницы, и читал, а на него смотрели. И оттого, что смотрели — не только лицо его было невозмутимым, но он как-то не вполне внимательно читал, хотелось скорее положить её в карман и ехать.

Вот когда всё объяснилось: доносил Хабалов о той самой роте павловцев: она объявила командиру роты, что не будет стрелять в толпу! Рота обезоружена и арестована. (Позор какой для павловцев!) И, очевидно, в этом инциденте и ранен командир Павловского батальона, о чём было от Павленкова.

Но не кончалась на этом телеграмма Хабалова. Сегодня учебная команда волынцев также отказалась выйти против бунтующих, вследствие чего начальник её застрелился, команда же, увлекая роту запасных, направилась в расположение Литовского и Преображенского батальонов, где к ним ещё присоединялись другие запасные.

Уже много он строчек прочёл. Длинна показалась недлинная телеграмма, оттого что содержание её уже вышло за пределы всякого ожидаемого. Не подготовленный к тому и уже в наклоне двигаться дальше, спускаться с лестницы, Государь дочитывал уже бегло, не полностью вникая в смысл. Да там и шло заверение: что генерал Хабалов принимает все доступные меры для подавления бунта, но полагает необходимым прислать надёжные части с фронта.

Может надо было задержаться, перечесть? Вообще — вернуться, пойти поговорить с Алексеевым? Но всё это досадно происходило на глазах приготовленных к прогулке — и такой возврат, отмена прогулки выглядели бы слишком чрезвычайно.

Государь вложил телеграмму во внутренний карман шинели и спускался к автомобилям.

Выехали по оршанскому шоссе. Погода стояла дивная, весело слепило солнце, но не настолько, чтобы таял снег. Обилие света и высота солнца были уже весенние. Николай оглядывался и радовался, и пересиливал какое-то поднимавшееся недоумение сердца.

Уже когда доехали и там гуляли, — захотелось ему вынуть телеграмму и ещё раз перечитать, не всё он в ней уловил. Но опять-таки это выглядело бы чрезвычайно, напугало бы свиту, нарушило бы этикет прогулки.

Ничего, даст Бог, всё кончится хорошо.

Разговоры на прогулке текли будничные, обычные.

На виду у всех Государь был загадочно спокоен, будто не знал ничего тревожного, либо, напротив, уже всё решил и принял все достаточные меры.

.....

6

Воротясь с прогулки и оставшись у себя один, Николай тотчас перечитал телеграмму Хабалова. Да, волынцы взбунтовались в составе более чем одной роты — и им удалось увлечь ещё какую-то одну роту, лишь неясно: Литовского или Преображенского батальона. Не так много, три роты запасных, — но какой несмываемый позор для гвардии! Но вот что: Хабалов просил прислать надёжные части с фронта — *немедленно*. "Немедленно" — это словцо как-то скользнуло мимо глаз, когда Государь читал телеграмму в первый раз, на лестнице.

Но три роты запасных, — настолько ли дело серьёзно, чтобы снимать войска с фронта?

Государь замялся. Собственно, он совсем не знал этого генерала Хабалова, не знал его качеств. Этот генерал был не фронтовой, он состоял последнее время военным губернатором Уральской области и атаманом уральского казачества, и запомнилось, как приезжал приветствовать Государя во главе уральских казаков, а уральцев Николай очень любил, да ещё они привозили всегда в дар вкуснейшие икры и балыки. Так при этих огромных балыках ему только и помнился Хабалов. А затем как-то полуслучайно, по чьей-то рекомендации, он был переназначен на Петроградский военный округ, да округ был несамостоятелен, лишь вот недавно

выделился из Северного фронта. Что сейчас надо было думать о его "немедленно" — такая ли острая нужда? или растерялся?

Всё стало бы ясно Николаю, если была бы свежая телеграмма от верной Аликс. Но — не было ничего, это успокаивало: милая жёнушка всегда на страже и не пропустит опасного. Уже сколько раз всегда и обо всём она предупреждала его вовремя, её письма никогда не были женской болтовнёй, — но со многими деловыми сведениями и энергичными советами.

Впрочем, последняя её вчерашняя телеграмма и была такова: "очень беспокоюсь насчет города".

Однако, если б стало хуже, она прислала бы сегодня ещё.

Конечно, хотелось бы хоть строку успокаивающую от надежи-Протопопова. Но не было. Впрочем, при его находчивости и проницательности это могло быть как раз свидетельством благополучия.

Что же: надо что-то предпринять или нет? Мучительный как всегда вопрос, — но при всей большой свите не было у Николая ни одного делового советчика, светлой головы. Всего истомительней сердцу и было, что в эти дни Николай не мог быть вместе с Аликс, а всё переживать и решать самому.

Только — начальник штаба. Но — служебный человек. Хотя и хорошая душа, и благочестивая, — а всё-таки не свой.

Да вот он и спешил в царский дом, трудолюбивый старательный Алексеев. И нёс свежие телеграммы.

Первую подал — от Беляева. Ага! Она была часом позже хабаловской и совсем короткая. Сообщал военный министр, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твёрдо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и

батальонами. Подавить бунт ещё не удалось, но твёрдо уверен в скором наступлении спокойствия. Принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие.

Тут было противоречие с Хабаловым: никаких войск на помощь не просилось, справятся сами и быстро. А Беляев занимал пост выше, обзор имел лучше, да и телеграмма часом позже. И если сопоставить, что в эти же часы Дума, главная подстрекательница, уже прервана в занятиях, — то скорей всего и можно было ожидать спокойствия.

Только что-то процарапало. Да, вот: "оставшиеся верными роты и батальоны". Странно выражено, если гарнизон почти весь в руках.

По характеру своему, по складу, по отношениям с Алексеевым не мог Государь запросто сказать ему: "Михал Васильич, что-то очень тревожно на душе и неясно. Что ж нам делать?"

Он только посмотрел на генерала открытыми глазами с молчаливым вопросом.

Но глаза Алексева самим устройством век постоянно были прищурены, полузакрыты, нельзя было досмотреться до душевного состояния.

А ещё же — он держал вторую телеграмму и с неизменным, кислотовато-занятым выражением подавал теперь её.

Как, опять от злосчастливого толстяка Родзянки? Но в этот раз без манёвра с главнокомандующими, прямо на имя Государя. А по времени — как раз между теми двумя, между хабаловской и беляевской, тоже сегодняшняя полуденная.

Но — что? но какую невообразятицу он нёс?! Опять: что правительство — бессильно. (Но это и

всегда они уже кричали, много лет.) Что на войска — надежды нет. (Как будто он ими командовал и хорошо знал.) Что началась и разгорается — гражданская война! В запасных батальонах убивают офицеров и идут, видимо, громить министерство внутренних дел и Государственную Думу!

Картина была, однако, значительная.

А дальше — дальше не докладывал, не просил, а приказывал, сумасшедший Самовар, приказывал своему Государю: повелите немедленно то-то и то-то. Немедленно восстановить занятия Думы. Немедленно создать новое правительство — такое, как он настаивал во вчерашней телеграмме, — и безотлагательно возвестить эти решения манифестом, иначе движение перебросится в армию, и неминуемо крушение России и династии. Час, решающий судьбу вашу...

Эк, куда хватил! Когда с такими угрозами и требовали возвещения манифеста о сдаче власти, — слишком болезненно это напомнило Николаю другую обстановку, другого Манифеста — и данного тогда совершенно зря, по испугу.

Не только тоном своим, но этим требованием немедленного манифеста — окончательно отвергал Родзянко государево сердце от своей телеграммы.

А что ещё в конце? Толстяк, конечно, просил "от имени всей России" (он же всегда носил в себе всю Россию) — и настал-де час, решающий судьбу и родины и самого императора, а завтра может оказаться уже поздно.

Что он, с ума сошёл? Откуда это бралось в его медвежьей голове, ни у кого больше? Рёв отчаяния и страха, как защемили бы лапу его. Крик — не по мере.

Своим напором, тоном он окончательно отвращал от себя. А ещё же подразумевалось, что в главу нового

правительства он навязывает самого себя. И при этом дерзал угрожать, что решается личная судьба Государя!

Это закрывало путь какого-нибудь отзыва.

Ещё — и третья телеграмма, от Эверта. И больше половины — повторение вчерашней родзянковской, — повторялся всё тот же обходный манёвр. А от самого Эверта: он — солдат, в политику не мешается, но не может не видеть крайнего расстройств транспорта и недовоза продовольствия. Надо принять военные меры для обеспечения железнодорожного движения.

Это он мог и просто по службе донести. Ни при чём тут Родзянко.

Посмотрел на Алексева. В его остробровом, остроусом прихмуренном лице знал он это не жалобное, не жалостливое выражение, а какую-то кислотоватую, косоватую пробранность, задетость.

— Вы хотите мне что-то сказать, Михаил Васильич?

Вдруг почему-то в этот момент, никогда раньше не приходило в голову, показался ему Алексеев чеховским человеком в фуляре: в своём мундире, в фуражке, за усами, за очками скрывался осторожно, без надобности сам не высовывался — и по спросу тоже с осторожностью, фразами лишь предположительными:

— Ваше Величество... Быть может, обстоятельства этого момента... Быть может, разумно было бы уступить настояниям общественности? И общественность наилучшим образом нашла бы выход из всех кризисных положений? Сразу все бы успокоились...

И без помех продолжалась бы тут штабная работа.

Простяга Алексеев и отдалённо не понимал, какой величины вопроса касался! — и какой продолжительности. Он служил полтора года начальником штаба

Верховного, но никогда костями своего черепа не ощущал на себе обручного давления и тяжести шапки Мономаха. На его плечах двумя дланями не тяготела традиция столетий — и он сам два десятка лет не измучивался вопросом: о смысле, пределах и долготе Самодержавия, об ответственности перед предками, перед потомками, перед народом. И — о неготовности народа ко всякой иной форме правления.

”Требования общественности”! Настроение крикливых, беспочвенных, безответственных интеллигентов, сошедшихся в кружок в Таврическом дворце или на московском съезде. Им казалось это доступной прихотью: взять и ввести, чтобы министры отчитывались не перед Государем, а перед Думой. А это была — переломка всей государственной жизни и отставка Государя: на коронации клявшийся нести бремя своих предков — он бы вдруг легко передал его теперь кучке каких-то случайных людей.

Разлаживать всякий привычный порядок — всегда опасно. Легкомысленное новаторство может в недели развалить вековое здание. Уже один раз, в октябре Девятьсот Пятого, Николай поддался — и непростительно. Теперь он этой ошибки не повторит.

Но всё это — как было высказывать Алексееву? И зачем? Он должен бы — из вида Государя, из глаз его понять.

Промолчал.

Поняв молчание, тогда Алексей высказал буркотным своим голоском:

— Но дозвольте, ваше величество. Если не давать ответственное министерство, то тем более необходимо назначить диктатора тыла.

Ну, да, это было его предложение прошлого лета — единого верховного министра — по вопросам

топлива, транспорта, продовольствия, военных заводов, по всему хозяйству, как Верховного Главнокомандующего на фронте. Но отвергнув его в своё время, — теперь ли было его принимать в таких необычных обстоятельствах? Тем более надо было подумать.

Промолчал.

Государь бы думал скорей: не послать ли на помощь сколько-то войск, как просил Хабалов? Но Алексеев не выказывал такой взволнованности и не предлагал сам. Да и, зная его: он, конечно, против такой меры — ослаблять фронт, снимать полки.

И неудобно было первому высказать, как будто бы испугался свыше меры. Алексеев — об ответственном министерстве, а Государь — о подавительных войсках?

Но и чувствовало сердце, что что-то надо предпринять.

Со стеснением перед щёлками глаз начальника штаба Государь вымолвил:

— Михаил Васильич... А может быть, всё-таки... подослать кого-нибудь? В Петроград. Конную часть какую-нибудь.

Готов был и отступить. Но Алексеев не слишком удивился. Морщил лоб.

— Можно. Например, из Селищенских казарм, конную бригаду.

— Подумайте, Михаил Васильич, — сразу полегчало Николаю. — Распорядитесь. А сегодня вечером ещё посоветуемся, какие-нибудь известия добавятся.

Полегчало. Нельзя было ничего не сделать!

Алексеев ушёл, головой уёженный в плечи, нездоровится.

Пора была идти к вечернему чаю.

Тут и почту принесли с поезда, от Аликс письмо —

вчерашнее, да большое! (В этот раз не надушенное, не до того.)

Николай поцеловал его и стал читать.

.....

7

Перечитывал, вчитывался в письмо Аликс — и как сразу растеплилось, согрелось, породнело всё вокруг! Как сразу не одинок!

Большое письмо — и одну за другой каждую милую подробность прошедшего дня мог представить. И — она покрывала и ещё будет покрывать поцелуями пришедшие два письма мужа. И — она одинока, не с кем поговорить, и всё время в уходе, Аня больна и капризничает, слава Богу две младших держатся и помогают. События в городе — не так страшны, совсем не Девятьсот Пятый, вся беда от этой зевающей публики, хорошо одетых людей, курсисток и прочих, которые и подстрекают к волнениям. И — ещё о детях (готов перечитывать без конца): у кого какая температура, у кого как болит. Ездили на могилу нашего Друга — и вот тебе кусочек дерева с Его могилы, где я стояла на коленях. Солнце светило так ярко — и я ощущала спокойствие и мир на его дорогой могиле. Вера и упование! Так спокойно, что и ты был у дорогого образа Пречистой Девы. Но твоё одиночество должно быть ужасно — окружающая тебя тишина подавляет моего любимого! Навеки твоя старая — Солнышко.

Кусочек щепы — уж вовсе лишней, поклонение Аликс Григорию был просто культ, — но слава Богу душа её мирна, и мир обнимал Николая. Распечатывая письмо жены, он всегда мог ждать и строгости, и

упрёков, и выговора — и растеснялась его душа, когда ничего этого не было.

Даром ответным сейчас же хотелось и поблагодарить. И — тотчас же, отчётливо, крупно на телеграфном бланке: сердечно благодарю за письмо! Выезжаю завтра днём в 2.30. (Теперь уже скоро свидимся, недолго ждать! Но чтоб ещё успокоить:) Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в Петроград. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены. Всегда с тобой...

Но телеграмма так мало выражает! А если тотчас отправить и письмо с вечерним поездом — оно почти на сутки опередит самого. Моё сокровище! Нежно благодарю тебя за твоё милое письмо. Как я счастлив при мысли, что через два дня мы увидимся! После вчерашних известий из Петрограда я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен. Он полагает, необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить всех министров работать. (Хотя и отвергнутая, мысль зависла в Государе.) Беспорядки в войсках — удивляюсь, что делает Павел, он должен был бы держать гвардию в руках. Благослови тебя Бог, моё дорогое Солнышко, крепко целую тебя и детей...

Едва отправил — а вот и опять Алексеев. А вид-то больной, один сплошной сохмур, глаз совсем не видно, плечи поджаты, на щеках красные пятна.

— Ах, достаётся вам, Михал Васильич! Зря, наверно, вы приехали, ещё бы в Крыму пожили.

Хотя и сам желал его возврата, для подготовки весеннего наступления.

А пришёл Алексеев, опять держа в руках голубые бланки телеграмм, две.

И обе от военного министра. Совсем свежие,

поданные 20 минут назад.

И, странно: между их подачей был перерыв всего в семь минут — за 7 минут происходило новое событие?

И Алексеев, на этот раз, поспешил с ними тотчас.

— Ну, сядьте, ради Бога!

В первой докладывал Беляев, в противоречие со своей сегодняшней дневной телеграммой, что военный мятеж погасить пока не удаётся, напротив — многие части присоединяются к мятежникам. Ещё начались пожары, и нет средств борьбы с ними. И, чёго не просил за 7 часов до того: что необходимо спешное прибытие действительно надёжных частей — и притом в достаточном количестве, для одновременных действий в разных частях города.

Вот так-так. Николай кинул испытующий взгляд на собранную хмурость севшего Алексеева.

Во второй Беляев сообщал, что правительство объявило Петроград на осадном положении, а Хабалов проявил растерянность.

Но Хабалов — и просил войск на семь часов раньше, когда Беляев успокаивал. Что же воистину творилось в Петрограде и с людскими мозгами?

И больше — не было телеграмм в руках Алексеева. Ах, как бы прояснила и помогла телеграмма от Протопопова! Но — ни слова от Протопопова.

Защемило-защемило сердце. Как тяжело — ничего не понимать, быть в отдалении, а семья — там рядом, может быть в угрозе?.. И некому открыться в зашемлённой тревоге, и нельзя посоветоваться с Аликс!

Но разговор с Алексеевым теперь был уже прост, нечего стесняться. Ясно, Михаил Васильевич, что надо посылать в Петроград войска. И срочно. И много. И немедленно.

Сжатый, серый, неподвижный Алексеев был вполне

согласен.

Полков несколько? Пять, шесть?

Да, и с разных фронтов, чтобы не ослаблять никакого.

И конницу, и пехоту?

Да.

Так займитесь этим, Михаил Васильевич.

Алексеев поднялся.

По крайней мере главный вопрос был решён сразу и без колебаний. Стало сразу и легче.

Да, но вопрос: кого же поставить во главе посылаемых войск?

Кого бы? Ну уж, генералов ли не было в русской императорской армии! Генералов долгой, сплошной, блистательной службы, столько раз облагодарённых на манёврах и смотрах, осыпанных орденами, потом и за бои! Но так сразу решительного, опытного, умелого — вот и не назовёшь. Надо признать, Суворова между ними всё-таки нет. Да разве на такое неблагородное дело, разгонять тыловую банду, — Суворова? даже стыдно и подумать. Как там ни серьёзно в Петрограде, — но не настолько же. Да вот хоть Гурко вызвать, Гурко на близкой памяти, но и его жалко отрывать от гвардейской армии, да и пока приедет.

— А вот что! вот что! — вдруг осенило Государя. — Может быть, Николая Иудовича?

Действительно, ближе и быстрее назначить было некого.

Алексеев кисло морщился, от недомогания?

Вот мысль! Вот замечательная мысль! Государь был очень доволен своей находкой. Ведь Иванов сохранил ранг главнокомандующего фронтом, и генерал-адъютант, и крупный опытный полководец, и бесконечно предан. Георгий трёх степеней, золотое оружие с

бриллиантовыми украшениями. И — свободен сейчас от должности. И — под рукой (в вагоне на Могилёвском вокзале), — просто ждущий "распоряжений" при Ставке, но никаких распоряжений он до сих пор не получал, а жил для почёта, некуда было его деть после отставки с Юго-Западного. Да позвольте, да он приглашён к моему обеду, сейчас будет здесь! Так я ему и объявлю. (Удовольствие первому объявить приятную весть.) А вы уже затем введёте его в детали.

С Николаем Иудовичем было связано ещё одно затаённо-приятное воспоминание: это именно его фронтовая Георгиевская дума наградила Государя, и сам Иудович преподнёс. И Государю было невыразимо приятно: он сам никогда бы не решился намекнуть, попросить, — а как же водителю русской армии и без георгиевского креста? Не то, чтоб сию минуту он это вспомнил, нет, но приятная благодарная память всегда присутствовала в нём.

А — в качестве кого мы его назначим? — предусмотрительно осведомлялся Алексеев. — В какой должности?

Подумали. Если ему действовать в Петрограде, — то не может существовать в Петрограде сразу две военных власти. Да и Хабалов осрамился. Значит: Главнокомандующим Петроградским военным округом.

Но войска будут с разных фронтов, собирать их надо где-то под Петроградом, где назначит Иванов, — соображал Алексеев. — А сам он с чем поедет? Какие-то хоть малые силы надо послать при нём отсюда.

Верно.

Соображал Алексеев, съёженный болезнью:

— Батальон георгиевских кавалеров?

Опять прекрасная мысль! Храбрецы на подбор, ни у кого не меньше двух крестов, и тоже — рядом. (Симво-

лично охраняют Ставку.)

Алексеев, бережно переступая, пошёл распоряжаться, — как всегда свободный от обязанности быть на высочайшем обеде.

А уже — и время обеда. И выйдя к собравшимся, откуда начинали закусывать и пить по рюмке стоя, — увидел Государь и самого Иванова, простого, немудрёного, утопающего в лопатной бороде, — а что за молодец: с вереницей крестов, георгиевским оружием, в ремнях и при шашке — очень воиственен! И не стар: 65 лет — разве это для генерала старый?

Но неприлично было тут же, при всех, объявить ему о назначении. И невозможно было, нарушая распорядок, остановить обед, а Иванова увести к себе. Этикет есть этикет, и ближайшие полтора часа должны были быть отданы обеду.

И только мог Государь — выделить Иванова своим вниманием, усадить его близ себя и навести расспросом — как Николай Иудович давил бунты в Девятьсот Пятом.

Чрезвычайно польщённый, сияющий генерал стал рассказывать, а рассказчик он был знатный! И все слушали с поглощающим вниманием, угадывая как бы намёк и надежду.

Широко, добротнo рассказывал Николай Иудович, как он давил бунты без единого выстрела, лишь умением обращаться с солдатами. Знаменитые случаи в Харбине, в Кронштадте. Николай Иудович был сторонник мягких действий — не расстрелы, не военно-полевые суды (он не утвердил ни одной казни), а — поставить на колени, образумить, применить розги.

От всего простонародного, простосолдатского, бородатого, приземистого вида генерала Иванова исходило надёжное успокоение. Вся свита повеселела, и

Государю тоже стало намного легче.

Генерал сиял от необычного общего внимания, — а ещё не знал он, какая ждала его радость, какое почётное назначение.

Даже хотелось Государю послать Иванова прямо сегодня же, до полуночи, не дожидаясь завтрашнего утра, — но так быстро было бы безжалостно требовать от старика. Да и — разная подготовка.

Тянуло позывною тоской и самого Государя: как ещё долго-долго он не поедет в Царское, только завтра днём. Уже так увядал он быть без Аликс и без детей!

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.
Основан Братством преп. Иова Почаевского в 1928

году

Подписная плата на год 20. -

Отдельный номер 1. -

Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361

А. Климов

СВОЕВОЛЬНЫЙ ЛАЗАРЬ

Чудо воскресения нам сделано нарочно для того, чтоб оно впоследствии соблазняло, но верить должно, так как этот соблазн... и будет мерою веры.

— Ф.М. Достоевский.

(Зап. книжка 1860-62 гг.)¹

“Записки из подполья” Ф.М. Достоевского уже давно привлекают внимание литературоведов, философов и историков культуры. Составленная в 1975 г. библиография вторичной литературы, посвященной повести, насчитывает более 180 названий²; к списку следует добавить еще не менее десятка специальных исследований, появившихся за последние пять лет. Можно поражаться великому разнообразию критических подходов к произведению Достоевского — тут представлены почти все известные литературно-критические, философские и психологические школы анализа — причем нередко разборы выполнены с блеском и огромной эрудицией. Но несмотря на всё богатство научного наследия, одна важная, и, как мне кажется,

1. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., Л., 1972., т. 20, стр. 152. Ссылки на это издание будут приводиться, как правило, только в случае дневниковых или черновых записей.

2. “Retrospective Bibliography: Zapiski iz podpol'ia,” Bulletin of the International Dostoevsky Society. No. 5 (1975).

ся, глубоко поучительная, сторона повести до сих пор не получила освещения.

При разработке этой темы я начинаю с некоторых общих замечаний о "Записках из подполья", тем самым отчасти рискуя повторить широко известные факты. Однако без чувства контекста все последующие соображения могли бы показаться чересчур отвлеченными.

* * *

Что такое подполье? Понятие это раскрывается в повести лишь постепенно, и само слово использовано сперва в физическом смысле. Повествователь "Записок" сравнивает себя с постоянно оскорбляемой мышью, которая неспособна мстить за обиды, ибо вследствие своего "усиленного сознания" вообще не может оправдать какой-либо решительный поступок. Запутавшись в своих сомнениях и лишь умножив этим свое чувство обиды, мыши этой ничего другого не остается, как

"махнуть на всё своей лапкой и с улыбкой напускного презрения, которому и сама она не верит, постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость. Сорок лет сряду будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду и при этом каждый раз прибавлять от себя подробности еще постыднейшие, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазией. Сама будет стыдиться своей фантазии, но все-таки всё припомнит, всё переберет, навдумает на себя небывальщины, под предлогом, что она тоже могла случиться, и ничего не простит".

Образ "болезненно развитой" мыши служит введением в психологию подпольного "антигероя", человека патологически раздвоенного и столь же неспособного

овладеть своими противоречивыми чувствами. Воспалённое самолюбие переплетается с мучительно ярким сознанием собственной неполноценности, искренние порывы к добру чередуются с глумливым неверием в свои нравственные силы. Пребывая в состоянии "полуотчаяния, полуверы", до малейших подробностей зафиксированном его неусыпным сознанием, подпольный человек оказывается как бы в безнадежном тупике, в то же время не веря полностью в безвыходность своего положения и во всяком случае ни с чем не примиряясь. Из этого болезненного сгустка противоречий у подпольного человека тем не менее есть своя "лазейка" — его пресловутое "наслаждение отчаяния", которое возникает с жгучей остротой в минуты, когда он наиболее отчётливо сознаёт огромный разрыв между идеалом и глубиной своего нравственного падения. В этом чувстве есть, как неоднократно отмечалось в критике, элемент любования пределом душевного безобразия, некое эстетическое упоение нравственной категорией, доведенной до крайней степени. Думается, однако, что для подпольного человека бóльший вес имеет другая психологическая мотивировка. Устраивая безжалостный суд над самим собой, он мысленно перебирает все свои грехи и недостатки, каждым примером доказывая себе моральную безнадежность своей жизни. В рвении, с которым он сам себя бичует и следует искать главный источник наслаждения: вопреки кажущейся "безвыходности", он утверждает свою независимость и свободу действия *намеренным* участием в наказании самого себя.³ Противоестественность поступ-

3. Эта точка зрения разработана в известной статье А.П. Скафтымова, " 'Записки из подполья' среди публицистики Достоевского" (1929). Перепечатано в сб. статей Скафтымова, "Нравственные искания русских писателей", М. 1972.

ка, согласно этой логике, как раз яснее всего свидетельствует о неподчинённости волевого акта, что одно только и способно утолять его самолюбие. Вообще жажда самоутверждения *любой ценой* является главной пружиной поведения подпольного человека. Это он сам, впрочем, прекрасно понимает, как доказывает его горячая защита "хотенья" и каприза, как "самой выгодной выгоды". "Человеку надо, — говорит он, — одного только *самостоятельного хотенья*, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела..." Тем же самым неутолимым стремлением к независимости объясняются попытки подпольного человека придавать событиям своей жизни "литературную" форму: роль "сочинителя" представляет ему возможность как бы преобразовать действительность по своей воле.

Таковы главные психологические признаки подпольного состояния. Об исторических причинах, которые, по убеждению Достоевского, способствовали развитию этого душевного строя, будет сказано ниже. Сейчас же хочу обратиться к некоторым символическим ассоциациям, вложенным Достоевским в понятие "подполья", которые непосредственным образом связаны с отмеченными выше чертами.

Начнём с того, что существование подпольного человека многократно противопоставляется настоящей жизни. Он не живёт, а "доживает в углу", от "живой жизни" он отвык, и в конце повести он даже утверждает, что жизнь давит его, не даёт дышать. Он предпочитает "прятаться от человечества" в свое подполье, где он "упражняется в мышлении" и "жизнь сочиняет", хоть и понимает, что таким образом "манкирует свою жизнь". Себя он сравнивает с существом, вышедшим "не из лона природы, а из реторты", а подобных себе людей называет "мертворождёнными". Если добавить к

этому еще чтение Псалтыри, которым занимается за перегородкой его слуга Аполлон ("тихим, ровным голосом, нараспев, точно как по мертвом") и уличные фонари, напоминающие ему "факелы на похоронах", то в плане символическом достаточно ясно намекается на истинное духовное состояние подпольного человека: он — живой мертвец.

Такое сближение получает зловещее развитие в могильной и кладбищенской тематике, которой насыщена повесть. Настойчивее всего эти мотивы звучат в разговоре между подпольным человеком и проституткой Лизой:

— Сегодня гроб выносили и чуть не уронили, — вдруг проговорил я вслух, совсем и не желая начинать разговора, а так, почти нечаянно.

— Гроб?

— Да, на Сенной; выносили из подвала.

— Из подвала?

— Не из подвала, а из подвального этажа... ну знаешь... там внизу... из дурного дома... Грязь такая была кругом... Скорлупа, сор... пахло... мерзко было.

Молчание.

— Скверно сегодня хоронить! — начал я опять, чтобы только не молчать.

— Чем скверно?

— Снег, мокрять... (Я зевнул.)

— Всё равно, — вдруг сказала она после некоторого молчания.

— Нет, гадко... (Я опять зевнул.). Могильщики, верно, ругались, оттого что снег мочил. А в могиле, верно, была вода.

— Отчего в могиле вода? — спросила она с каким-то любопытством, но выговаривая еще грубее и отрывочнее, чем прежде. Меня вдруг что-то начало подзадоривать.

— Как же, вода, на дне, вершков на шесть. Тут ни одной могилы, на Волковом, сухой не выраешь.

— Отчего?

— Как отчего? Место водяное такое. Здесь везде болото. Так в воду и кладут. Я видел сам... много раз...

(Ни одного разу я не видал, да и на Волковом никогда не был, а только слышал, как рассказывали.)”

Несколько позже, увлечённый своим планом поразить чувства Лизы, подпольный человек сначала рисует умилительные картины счастливой семейной жизни, а затем с еще более вдохновенным пафосом (“у меня самого горловая спазма приготовлялась”) переходит к описанию сцен из её будущего: за неминуемой болезнью он предвидит унижительную смерть (“сунут тебя, издыхающую, в самый смрадный угол в подвале, — темень, сырость...”), и всё кончится поспешными похоронами под циничский комментарий могильщиков.

”И ругаться-то из-за тебя долго не захотят. Засыплют поскорей мокрой синей глиной и уйдут в кабак... Тут и конец твоей памяти на земле; к другим дети на могилу ходят, отцы, мужья, а у тебя — ни слезы, ни вздоха, ни поминания, и никто-то, никто-то, никогда в целом мире не придет к тебе; имя твое исчезнет с лица земли — так, как бы совсем тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себе там по ночам, когда мертвецы встают, в гробовую крышу: ”Пустите, добрые люди, на свет пожить! Я жила — жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее в кабаке на Сенной пропили; пустите, добрые люди, еще раз на свете пожить!...”

На этом обрывается тирада, произведшая на Лизу ошеломляющее впечатление. Но эти слова и образы приобретают новый смысл, если сопоставить их с выведенными выше символическими штрихами. Не случайно же этот живой мертвец возвращается к темам смерти и погребения: не следует ли усматривать в словах, обращённых к Лизе, первым делом отражение *его* душевного состояния? При такой постановке вопроса бросается в глаза соотношение между образом стука в гробовую крышку и одним из первых определений под-

поля, которое приводит сам подпольный человек: *сознательное погребение самого себя заживо с горя.*⁴

Смысл этого мотива проясняется при сравнении его с родственными примерами из других произведений Достоевского, написанных в те же годы. В "Зимних заметках о летних впечатлениях" (серии очерков о путешествии по Европе в 1862 г.), Достоевский с особым вниманием останавливается на Лондоне, более других городов поразившем его воображение. Он описывает толпы мрачных работников, "этих париев общества", которые в ночь с субботы на воскресенье неисчислимыми тысячами высыпают на улицы города, торопясь джином заглушить чувство обиды и обездоленности. Они почти уже потеряли надежду и "покамест отмщают за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками..." Нетрудно узнать здесь разработанную в "Записках из подполья" мысль о жажде самоутверждения вопреки здравому смыслу. (Достоевский видел в сектантстве явление болезненное.) Эпитет же "подземный", семантически близкий слову "подпольный", Достоевский развивает в следующем образе:

"Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ошупью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтоб не задохнуться в темном подвале".

4. т. 5, стр. 105. М.М. Бахтин проникательно заметил о подпольном человеке, что "нам буквально нечего сказать, чего он не знал бы уже сам". Однако из этого не следует, что подпольный человек в своих "Записках" всё наглядно сформулировал. Некоторые стороны подполья проявляются лишь при структурном анализе всего произведения.

В "Записках из Мёртвого дома" (1860-62 гг.), встречаем образ, лежащий еще ближе к "могильному" мотиву "Записок из подполья". Сравнение острога со склепом присутствует уже в самом заглавии Достоевского, и тема противоестественного погребения заживо несколько раз звучит на страницах произведения и в личных высказываниях писателя. Острог изображён как "заживо Мертвый дом", где так много "погребено напрасно молодости", и по выходе из которого можно воскликнуть: "Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых..." А в письме 1854 г. к брату Андрею, Достоевский так охарактеризовал свое пребывание в омском остроге: "Те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и зарыт в гробу".

В своих наблюдениях над психологией попавших в этот особый мир людей, Достоевский отмечает, что иногда самые "смирные" и неприметные арестанты вдруг, без видимой причины, начинали буянить или даже совершали убийства, своим неожиданным бунтом вызывая изумление начальников. А между тем, пишет Достоевский,

"может быть, вся-то причина этого внезапного взрыва в том человеке, от которого всего менее можно было ожидать его, — это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог".

Такое объяснение мотивировки совпадает почти дословно с мыслями, высказанными в "Записках из подполья". Тем более существенно использование следующего образа, которым Достоевский иллюстрирует свои слова:

"Так, может быть, заживо схороненный в гробу и проснувшийся в

нем, колотит в свою крышу и силится сбросить ее, хотя, разумеется, рассудок мог бы убедить его, что все его усилия останутся тщетными. Но в том-то и дело, что тут уж не до рассудка: тут судороги”.

Здесь так же, как в примере из ”Зимних заметок”, Достоевский даёт образ смертельно гнетущей силы, доводящей человеческую личность до глубоко инстинктивного протеста.

Нетрудно в этих двух примерах увидеть сходство с образом действия подпольного человека, в своих поступках стремящегося идти ”рассудку вопреки, наперекор стихиям”. Но в отличие от озлобленных рабочих в Лондоне или арестантов в Сибири, у подпольного человека нет реального внешнего врага. Весь его бунт поэтому направлен внутрь, против силы менее осязаемой, но не менее тиранической — против того, что он называет ”законами сознания”.

Многое в поведении подпольного парадоксалиста можно понять только в свете этого бурного желания оставаться вне категорий логики и предсказуемости, от демонстративного пренебрежения своим здоровьем (хотя он ”лучше всякого” знает, что отказом от лечения он ”единственно только себе навредит”) до склонности делать гадости именно тогда, когда он ”наиболее сознавал, что их совсем не надо делать”. Но как показывают уже эти примеры, бунт против сознания сам принял формы сознательные, тем самым ввергая весь процесс в логический тупик. Сознание пытается овладеть всеми силами души: всякое намерение, в том числе и намерение бунтовать, превращается в предмет анатомирования, всякое чувство подолгу взвешивается, лишаясь цельности и внутреннего оправдания. Как писал Достоевский в объявлении на журнал ”Время” на 1862 год, такого рода ”скептический взгляд убивает всё, даже и самый взгляд наконец, и граничит с полной апатией и

мертвенным сном”.

Даже злоба, характернейший признак подпольной психологии, ”вследствии этих проклятых законов сознания химическому разложению подвергается”. Логический результат — паралич, ибо ”прямой, законный, непосредственный плод сознания — это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сидение”. Но именно против такого заключения и восстаёт подпольный человек. Его лихорадочная деятельность в повести уже служит вызовом инерции, которая его ”задавила”. Вообще можно сказать, что эмоциональный ключ ”Записок” — иступление, и в этом отношении подпольный человек напоминает образ ”заживо схороненного”, для которого выводы разума потеряли всякий вес: ”тут уж не до рассудка: тут судороги” (”Записки из Мёртвого дома”). Подпольный человек так же бьётся и корчится вопреки доводам рассудка. Он бледнеет, обливается потом, ”бесится”, ”неестественно рывкает”, кричит, ”трясаясь от злобы” или ”задыхаясь от бешенства”, ”визжит в иступлении”, доходит ”до истерики”, ”до болезни” и ”до конвульсий”, ”почти без памяти... стучит в дверь руками и ногами”, впадает в ”лихорадку”, в ”бред”, ”чуть не в судороги” и т.д. Здесь приложимы слова Достоевского из статьи 1861 г.: ”Чем уродливее проявляется жизнь, чем судорожнее, чем безобразнее, чем неустаннее это проявление, тем больше, значит, жизнь хочет заявить себя”.

Необходимо подчеркнуть, что ненавистные подпольному человеку ”законы сознания” отождествлены с сугубо логическим анализом, опирающимся на ряд таких понятий, как ”законы природы, выводы естественных наук, математику”, в совокупности именуемых ”каменной стеной” и ”дважды два четыре”. Отсюда знаменитое неприятие арифметики: ”Дважды

два пять — премилая иногда вещица”, потому что “дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти”. Отсюда также знаменательный для нашей темы образ стены — символ душевной стесненности. Обращает на себя внимание связь этого образа с давящей теснотой, характерной для многих описаний пространства в повести, начиная с самого подполья. Подпольный человек живет, “всё более и более забываясь в свой угол”, в квартире, которую он называет “норой”, “скорлупой”, “футляром”. Комната в доме, где он очутился с Лизой, тоже “узкая, тесная и низкая”, и часы там “хрипят”, “будто кто-то их душит”. К этому ряду следует отнести тематику подвалов и гробов, которая всплывает в разговоре с Лизой. Поэтому не удивительно, что ранние мечты подпольного человека об изменении образа жизни принимали форму освобождения из гнетуще-тесного подземелья: “Я верил тогда, что каким-то чудом... всё это вдруг *раздвинется, расширится...* и вот я *выступлю* вдруг на свет Божий...” (Курсив в цитатах здесь и далее мой. — А.К.).

Все затронутые нами мотивы — символика смерти, кладбищенская тема и вызванный давящей теснотой бунт — взаимосвязаны и подкрепляют друг друга: в символическом плане, подпольный человек замурован или погребен заживо. Этот же образ составляет одновременно и художественный центр повести, определяя главные композиционные линии всего произведения.

Как сложилась подпольная психология? В вступительном примечении к “Запискам из подполья”, Достоевский ясно указывает, что корень этой болезни следует искать в русской истории:

“Такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но

даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество”.

В своих произведениях и журнальных статьях тех же лет, писатель многократно возвращался к этому вопросу. По его убеждению, насаждённая Петром европеизация внесла пагубный перелом во всю русскую культурную традицию. Это было “колоссальное потрясение, — и всё прерывается, падает, отрицается, как бы не существовало”. В частности, было положено начало тому роковому отчуждению высших классов от народа, которое Достоевский называл “отрывом от почвы” и “отрывом от народных начал”. Возникла “беспочвенная” интеллигенция, утратившая всякое понимание народных чаяний и ушедшая с головой в кабинетные теории, далёкие от жизни или даже откровенно враждебные ей. Пример тому — такая уродливая, фантастическая личность, как подпольный человек.

До болезненности развитое сознание, которым мучается подпольный человек, — прямое следствие европеизации и цивилизации вообще. “Человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений...” (т. 20, стр. 192). Процесс этот доходит до того, что сознание “хочет заменить жизнь теориями о ней, основанными на знании, прямо вытекшими из знания...”. Такое сознание — болезнь, которая “убивает жизнь” (т. 20, стр. 196-7). Повышенное сознание характерно для всякого человека “нашего несчастного девятнадцатого столетия”. Тем более подвержен этой болезни русский интеллигент, “имеющий сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всём земном шаре”.

Среди историософских предпосылок, составляющих фон повести, следует упомянуть ещё спор Достоевского с теориями Чернышевского и его единомышленников. В критике уже давно отмечалось, что "Записки из подполья" содержат ряд полемических откликов на роман "Что делать?" Интереснее всего эту точку зрения развил Дж. Франк,⁵ увидевший в действиях подпольного человека пародию на детерминистические теории Чернышевского. По мысли Франка, подпольный человек принимает предпосылки детерминизма, но приходит отсюда к выводам, против которых восстает вся его сущность. Детерминизм таким образом опровергается изнутри, как идеология, неприложимая к реальной человеческой личности.

Таковы главные исторические и социальные причины возникновения подпольного типа. На этом, однако, Достоевский не останавливается, и остановиться не может. В самом деле: если правда, что подпольный человек не более чем продукт исторических условий, то, следовательно, он является лишь невинной жертвой внешних обстоятельств. Но такого рода социальный детерминизм — по осмеянной Достоевским формуле "среда заела" — был писателю всегда чужд и в корне неприемлем. Тем более не могла такая мысль лечь в основу повести, столь явно направленной против всякого детерминизма вообще. Нет, подпольный человек соучаствует в формировании своей исковерканной души, и он несёт большую долю ответственности за свою уродливую жизнь. На это указывает хотя бы уже ранее приводившееся определение подполья:

5. Joseph Frank, "Nihilism and Notes from Underground", *Sewanee Review*, vol. 69 (1961).

”сознательное погребение самого себя заживо с горя”.

Вопрос этот чрезвычайно важен для понимания повести, и на нем следует остановиться подробнее. В начале статьи было уже вкратце отмечено, что подпольный человек научился радикальным образом переосмысливать кажущуюся безвыходность своего положения. По его словам, он был способен ощущать

”какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротить, и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том”.

В противоестественности этого психологического процесса и заключается весь его смысл: личность бунтует против сознания своей беспросветной нравственной низости и ищет *”выхода”* в нарочито нерациональной переоценке, этим актом воли провозглашая свою независимость от категорий разума. Беда в том, однако (и это тоже отмечалось выше), что *”защитная реакция”* личности в свою очередь становится сознательной. *”Своевольное”* наслаждение, которое подпольный человек извлекает из сознания безвыходности, и которое поэтому становится неким символом его личной свободы, перерождается у него чуть ли не в самостоятельную цель, достигаемую искусственным преувеличением своей беспомощности. Во всяком случае бесспорно, что во многих нареканиях подпольного человека на самого себя отчетливо звучит нота самовнушения. Вот как он, например, комментирует приведенные только что слова о наслаждении:

”Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком...”

В другом месте он излагает, как мысли о высоком идеале могут, в силу контраста с его жизнью, послужить дополнительным доказательством его безнадежного нравственного падения, а следовательно — поводом к ”наслаждению отчаяния”. Довольно ясно, что мысли об идеале возникают не без расчёта на такой результат, т.к. посещали они его как раз

”во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самом дне находился, приходили так, отдельными вспышками, как будто напоминая о себе, но не истребляли, однако ж, развратика своим появлением; напротив, как будто подживляли его контрастом и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошего соуса. Соус тут состоял из противоречия и страдания, из мучительного внутреннего анализа, и все эти мученья и мученьица и придавали какую-то пикантность, даже смысл моему разврату, — одним словом, исполняли вполне должность хорошего соуса”.

Вопрос осложняется еще тем, что подпольный человек сознаёт ту степень искусственности, которая присутствует в его попытках доказать собственную низость. Он многократно обвиняет себя во лжи и преувеличении, говорит об ”усиленно созданной и всё-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения” и видит характерную черту подпольной психологии в склонности ”навыдумать на себя небывальщины”.⁶ В этом отношении многозначительно также заме-

6. Много материала по этому вопросу собрано у James Lethcoe, ”Self-Deception in Dostoevskij's Notes from the Underground”, Slavic and E. European Journal, vol. X, No. 1 (1966). Выводы исследователя, однако, не совпадают с нашими.

чание об "Исповеди" Руссо. Подпольный человек приводит мнение Гейне, что Руссо

"неприменно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия. Я уверен, что Гейне прав; я очень хорошо понимаю, как иногда можно единственно из одного тщеславия наклепать на себя целые преступления, и даже очень хорошо постигаю, какого рода может быть это тщеславие. Но Гейне судил о человеке, исповедовавшемся перед публикой. Я же пишу для одного себя..."

Несмотря на оговорку, мысль Гейне явно приложима к запискам подпольного человека, причем даже с чисто формальной точки зрения: если Руссо сознательно обманывал читающую публику, то подпольный человек столь же сознательно старается обмануть самого себя. Впрочем, иронический тон его слов не позволяет сомневаться, что подпольный человек эту связь тоже прекрасно понимает. Но и без этого, конечно, наличие умышленного самообмана подтверждается множеством примеров из жизни подпольного человека, начиная с его обид, слез и умилений, которые он сам считает напускными, и кончая его непомерно "романтическими" мечтаниями, над которыми он сам издевается. Мечтательство в духе "Белых ночей" чередуется с отвращением к режущей фальши этих грёз.

Всё вместе взятое следует охарактеризовать, как *сознательный самообман*. Явление это противоречиво в буквальном смысле слова, ибо самообман логически несовместим с сознанием. Однако как раз по этой причине сама попытка вступить на такой путь является уже многозначительной: в ней открываются главные причины, побуждающие подпольного человека добровольно избрать свою судьбу.

Таких причин можно указать три. *Во-первых*, путь сознательного самообмана представляет возможность разыгрывать роль творца или сочинителя, способного

"приключения выдумывать", "самого себя надувать" и "поддразнивать себя собственной фантазией". Это — своевольный акт личности, которая бунтует против "безвыходности" и "инерции" ("скучно уж очень было сложа руки сидеть; вот и пускался на выверты"), и которая чувствует острую потребность "жизнь сочинять, чтоб хоть как-нибудь да пожить". Самообман есть одновременно и проявление воли и попытка создать видимость жизни. С точки зрения ценностей подпольного человека, такой шаг может быть оправдан уверенностью, что в его реальной судьбе невозможны перемены к лучшему.

Однако мы знаем, что у подпольного человека такой уверенности как раз нет, и что он нарочно преувеличивает "безвыходность" своей жизни. Сознание же необоснованности своих действий позволяет ему, *во-вторых*, выступать и в роли судьи, выносящего самому себе приговор за обман. Здесь проявляется "способность к самым противоречивейшим ощущениям" и возникают безграничные возможности углубляться в сознание ("упражняться в мышлении", как говорит подпольный человек), в то же время сохраняя чувство личной независимости. (Это — путь тех "широких натур", "которые даже при самом последнем падении никогда не теряют своего идеала".)

В-третьих, он может исполнять и роль палача, казнящего себя усиленным сознанием своей порочности. Отчасти здесь сказывается всё то же стремление инсценировать жизнь в отсутствии жизни настоящей ("по крайней мере самого себя иногда можно посечь, а это всё-таки подживляет"). Но намного существеннее наслаждение, которое подпольный человек извлекает из самоказни. Как мы знаем, достигается оно актом своевольного переосмысления. А это возвращает нас к пер-

вому этапу схемы, с возможностью повторить весь процесс сначала. Своеволие, сознание и наслаждение замыкаются в порочный круг.

Создается закрытый мир, отрезанный от "живой жизни" и наполненный бурной — но холостой — умственной деятельностью. Подпольный человек всё это ясно сознаёт, он "и трепещет и проклинает и горько жалуется", но от своего образа жизни и мысли он, в конечном итоге, отказаться не хочет. Он не только "во вкус вошел", но он и не верит, что ему вообще возможно еще изменить свою судьбу:

"Чувствуешь... что если б даже и оставалось ещё время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться, а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что".

В особенности же не желает он расстаться с мучающим его сознанием:

"Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения".

Этот парадокс, всю жизнь интересовавший Достоевского, получил еще более заостренную формулировку в рассказе "Сон смешного человека" ("Дневник писателя" за апрель 1877 г.). Повествователю — "современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу" — снится, что он после самоубийства перенесен на другую планету, где попадает в общество людей, не ведающих сознания в современном смысле слова и невинных, как дети.

"Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у

нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания."

Но повествователь "заразил собой" и развратил всю эту счастливую, безгрешную до него землю. Появилась ложь, а затем злоба, жестокость, разъединение и скорбь. Но тем не менее обитатели планеты оправдывали его, говоря, что "получили лишь то, чего сами желали". При всей их тоске они "наверно отказались бы" вернуться в то невинное состояние, которое они утратили.

"Они отвечали мне: "Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом, и мучим себя за это сами ... Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем истину... Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни... сознание законов счастья — выше счастья".

Трудно найти более разительную аналогию с иерархией ценностей подпольного человека. То же самое можно сказать и о радикальном маловерии, которым страдают эти люди: они обоготворили свое желание вновь обрести невинность, в то же время "вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость" этого желания.

"Трагизм подполья", писал Достоевский в 1875 г., состоит "в страдании, в самоказни, в *сознании лучшего* и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!" (т. 16, стр. 329). Это и есть, конечно, "сознательное погребение самого себя заживо с горя"...

Но Достоевский вложил в этот образ еще совершенно другой смысл, озаряющий всю приведенную выше картину по-новому и возводящий идейно-образное единство повести до гениальной высоты.

Легко, почти пунктиром, намечено сходство между жизнью подпольного человека и состоянием евангельского Лазаря до воскресения.

Это неожиданное сопоставление проступает более рельефно, если сначала обратиться к сходному использованию той же темы в "Преступлении и наказании", следующем после "Записок из подполья" крупном произведении Достоевского. Все читатели Достоевского помнят исполненную драматизма сцену, когда Соня Мармеладова читает Раскольникову евангельское повествование о Лазаре. Евангельский рассказ ближайшим образом связан с символическим планом романа. Совершая убийство, Раскольников губит сам себя духовно, и именно такая постановка вопроса есть первое, что приходит в голову Соне, когда она догадывается, что Раскольников — убийца: "Что вы, что вы это над собой сделали!" — восклицает она в отчаянии. Чтение Евангелия происходит на четвертый день после убийства, и Соня особенно выделяет то место в евангельском тексте, где говорится о воскресении на четвертый день:

"Иисус говорит: Отнимите камень. Сестра умершего Марфа говорит: Господи! уже смердит: ибо *четыре* дни, как он во гробе".

Она энергично ударила на слово: *четыре*.

7. Источником этой мысли является, конечно, Новый Завет, где грех многократно отождествляется с духовной смертью. (См. Лук. 15, 24; 1 Посл. Иоан. 3, 4; Рим. 7, 8-9 и т.д.) Это сравнение широко используется церковными писателями. См. например известную книгу Архиеп. Иннокентия, Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа (1828): "Многие из *живых мертвецов*, как бы одушевленные любвеобильным дыханием Человеколюбца, *восставали из гробов* — совершенно переменяли свою злую жизнь..." (Курсив мой. — А.К.).

Соня хочет верить, что в душе Раскольникова произойдет нравственное воскресение, подобное воскресению Лазаря из мертвых. Как известно, ее чаяния в конце концов оправдываются, но только после длительной и тяжелой внутренней борьбы. Деятельная и жертвенная любовь Сони торжествует над гордостью Раскольникова. В эпилоге к роману мы читаем:

”Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их *воскресила любовь*, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого”.

Следует еще добавить, что в романе несколько раз упоминается тесная, ”шкафоподобная” каморка Раскольникова, которая, как он сам считает, способствовала созреванию его плана. Физическое состояние тут соответствует состоянию нравственному: Раскольников символически зарыт в могилу, из которой он воскресает в новую жизнь, освобождается силой любви.

”Записки из подполья” представляют собой другую — беспросветную — вариацию на ту же тему, ибо в повести показан сознательный отказ от такого возрождения.

Тема Лазаря проявляется в ”Записках” главным образом в эпизоде с Лизой. При первой встрече с ней в доме терпимости, подпольный человек красноречиво говорит об ужасном будущем, которое ожидает Лизу, и о высоком идеале любви, которого она лишается. (Полное несоответствие между этим идеалом и образом жизни самого человека из подполья — типичный пример ”широты”). Неожиданно для него самого, эта страстная проповедь производит на Лизу ошеломляющее впечатление; она истерически рыдает и высказывает намерение бросить свою профессию. Подполь-

ный человек спешно уходит — ему тяжело видеть, какое глубокое и искреннее чувство вызвано его риторикой — но напоследок оставляет Лизе свой адрес. Почти сразу, однако, он начинает терзаться мыслью, что Лиза теперь сможет навестить его и увидеть его жалкую квартиру.

Проходит день, другой, третий, и подпольный человек начинает успокаиваться, надеясь, что Лиза теперь уже оставит его в покое. Но на *четвертый* день Лиза всё же появляется, причем как раз в самый разгар безобразной ссоры между подпольным человеком и его слугой. В припадке злобы подпольный человек решает выместить на Лизе всю свою обиду. Он издевается над целью ее прихода ("ты пришла потому, что... опять тебе 'жалких слов' захотелось"), утверждает, что он раньше цинически играл ее чувствами ("власти, власти мне надо было тогда, игры было надо, слез твоих надо было добиться, унижения, истерики твоей"), и кончает оплевыванием самого себя, ее "воскресителя" ("я самый гадкий, самый смешной, самый мелочный, самый глупый, самый завистливый из всех на земле червяков").

Обидная, испуганная жёлчь долго изливается на безответную Лизу. Но тут, как говорит повествователь, "случилось вдруг странное обстоятельство". Лиза чутьем постигает, что подпольный человек глубоко несчастен.

"Она вдруг вскочила со стула в каком-то неудержимом порыве и, вся стремясь ко мне, но всё еще робея и не смея сойти с места, протянула ко мне руки..."

В этом жесте самоотверженной и самозабвенной любви заключается чудо, способное освободить подпольного человека из его гробницы, подобно тому, как столь же бескорыстная любовь воскресила Раскольников. На это подпольный человек сам указывает, через

двадцать лет вспоминая о Лизе. Он понял теперь, пишет он,

“что она пришла вовсе не для того, чтоб жалкие слова слушать, а чтоб любить меня, потому что для женщины в любви-то и заключается всё *воскресение*, всё спасение от какой бы то ни было гибели и всё возрождение, да иначе и проявиться не может, как в этом”.

Нет сомнения, впрочем, что он понимал это и раньше. От жеста Лизы у него тогда “сердце перевернулось” и он четверть часа рыдал в наступившей истерике. Но это не стало оздоровительным кризисом, т.к. сознание сделало свое обычное дело:

“Но все-таки штука была в том, что истерика должна же была пройти. И вот (я ведь омерзительную правду пишу), лежа ничком на диване, накрепко, и уткнув лицо в дрянную кожаную подушку мою, я начал помаленьку, издалека, невольно, но неудержимо ощущать, что ведь мне теперь неловко будет поднять голову и посмотреть Лизе прямо в глаза. Чего мне было стыдно? — не знаю, но мне было стыдно. Пришло мне тоже в взбудораженную мою голову, что роли ведь теперь окончательно переменялись, что героиня теперь она, а я точно такое же униженное и раздавленное создание, каким она была передо мной в ту ночь, — четыре дня назад...”

Такого “унижения” подпольный человек допустить не желает; чтобы доказать свое превосходство, он чудовищным образом оскорбляет Лизу, сперва обнимая ее в страстном порыве, а затем вручая ей пять рублей за любовь. (Он сам отлично понимает “напускной”, “нарочно подсочиненный” характер этого акта и даже стыдится его). Лиза, раздавленная этим подлым поступком, уходит навсегда.

— Лиза! Лиза! — крикнул я на лестницу, но несмело, вполголоса...

Ответа не было, мне показалось, что я слышу ее шаги на нижних ступеньках.

— Лиза! — крикнул я громче.

Нет ответа. Но в ту же минуту я услышал снизу, как тяжело, с визгом отворилась тугая наружная стеклянная дверь на улицу и туго захопнулась. Гул поднялся по лестнице”.

Тут как бы захлопнулась навсегда крышка гроба, привален снова камень к гробнице подпольного Лазаря. Отвергнув любовь Лизы, он утратил последнюю возможность вырваться из своего подполья, и ”сознательное погребение самого себя заживо” раскрывается, как отказ от воскресения.⁸ К настоящей жизни он, по сути дела, и не способен:

”невыносимо тяжело было, что она здесь. Я хотел, чтоб она исчезла. ”Спокойствия” я желал, остаться один в подполье желал. ”Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно”.

Мрачная картина была бы неполной, если не отметить еще, как подпольный человек в дальнейшем оценивает свою встречу с Лизой. Почти сразу после ее ухода, он начинает дразнить себя заведомо ложной мыслью (”заглушая фантазиями живую сердечную боль”), что всё происшедшее с Лизой принесет ей прямую пользу. ”Оскорбление — да ведь это очищение”, рассуждает он. Однако он отлично сознает вопиющую фальшь такой мысли, и тут же укоряет себя за то, что ”манкировал свою жизнь нравственным растлением в углу”. Таким образом эпизод с Лизой превращается у него в очередной материал для внутреннего анализа, в лишнее доказательство собственной обреченности, и в повод для ”наслаждения отчаяния”... О такого рода дурной бесконечности сказано в черновых записях Достоев-

8. В экземпляре Евангелия, принадлежавшем Достоевскому, особо отмечены знаменитые слова из Первого послания Ап. Иоанна: ”Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь” (гл. 4, ст. 8).

ского, отражающих работу писателя над "Беседами и поучениями" старца Зосимы. Для гордых, читаем там, существует ад "добровольный и ненасытимый... Злобные отчаянием своим насыщаются, как если бы голодный кровь свою сосать начал, — и не насытятся во веки веков" (т. 15, стр. 252).

* * *

"Записки из подполья" — произведение заостренно идеологическое. В образе подпольного человека доведены до предела те разрушительные тенденции, которые Достоевский с тревогой замечал вокруг себя. Писатель хотел продемонстрировать, к чему приводит погружение в рационалистические схемы, столь заманчивые для части русской интеллигенции. В этом смысле Достоевский мог бы повторить слова Лермонтова о Печорине: "Это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии".

Но сознательный отказ от спасения, составляющий суть повести, чрезвычайно поучителен и в наше время. Чудо возрождения не может произойти само собой; необходимо согласие и деятельное участие индивидуальной личности. И если Россия — Лазарь, как приходится читать в высказываниях о национально-религиозном возрождении на родине, то тем тяжелее лежит ответственность на каждом из нас сердцем и сознанием участвовать в этом процессе. Глубоко прав акад. И. Шафаревич, когда на вопрос, "жива ли еще Россия?", он отвечает словами Ап. Павла: "Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение".⁹

Об альтернативе предупреждает Достоевский.

9. Сб. Из-под глыб. Париж, 1974, стр. 261, 264.

Н. В. Первушин

ЗАХОД СОЛНЦА

(Рассуждения о смерти Ф. М. Достоевского)

Косые лучи заходящего солнца осветили Петербург и скользнули по фронтону дома номер 5 Кузнечного переулка. Там в квартире на втором этаже умирал Федор Михайлович Достоевский, 28 января 1881 г. Ему трудно было дышать, шла горлом кровь и с ней уходила жизнь. Последний отблеск зимнего солнца, как тогда, много лет назад, когда с Выборгской стороны он спешил к себе домой.

”Дымная морозно-мутная даль вдруг заалела последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне. Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр игlistого инея. Становился мороз в двадцать градусов... Мерзлый пар валил с усталых лошадей и бегущих людей. Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель обеих набережных подымались и неслись вверх по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставляли над старыми, новый город складывался в воздухе... Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, уютившими нищих или раззолоченными палатами, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу... Я вздрогнул, и сердце мое как будто облилось в

это мгновение горячим ключом крови... Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно новый мир, мне не знакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам..."

"Вечером началось новое кровотечение, — писала его дочь, — и он стал терять сознание... Странное клочкотание слышалось в горле умирающего, его грудь вздымалась, он говорил быстро и тихо, но слов нельзя было понять. Постепенно дыхание становилось тише, слова стали реже. Наконец он умолк..."

Утром в этот день Достоевский попросил жену прочитать из Евангелия и там были слова: "Не удержи-вай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду".

Может быть это "новое", этот "совершенно новый мир", эта — "великая правда" открылась ему и озарила его в предсмертную минуту, как бывало перед эпилептическим припадком, когда "на несколько моментов он испытывал такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии... полную гармонию в себе и во всем мире ... такое сладкое чувство, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь..." (слова Достоевского Страхову).

А вот другой случай, описанный Достоевским С. Ковалевской, когда "я почувствовал, что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникся им. Да, есть Бог, закричал я... и не помню больше ничего... вы все, здоровые люди, и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое мы... испытываем перед припадком..."

Ушла жизнь, та жизнь, о которой он написал в самую трагическую минуту своей жизни в день

гражданской смерти через несколько часов после эшафота на Семеновском плацу, потрясающие строки в письме к брату: "Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть, — вот в чем жизнь, в чем задача ее, Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою... Та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая создала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Остались образы, созданные и еще не воплощенные мною... Во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая может и любить, и страдать, и жалеть, и помнить.

Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь... но вынесет ли тело, не знаю... Боже мой, сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове, или отравой в крови разольется... жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья”...

Прошло 32 года после того, как написаны были эти замечательные слова, а жизненной и писательской воли в нем было не меньше и в ноябре 1880 г., когда он писал своему знакомому о желании жить и писать: "Позвольте мне не сказать Вам "прощайте". Я намерен жить и писать еще лет двадцать...”

Большой роман, началом которого были "Братья Карамазовы", был уже почти готов в его голове. Книга о Христе была задумана. Писалась очередная книжка "Дневника писателя", первый выпуск которого был исправлен за два дня до смерти для печатания (этот выпуск вышел единственным за 1881 г.) и кроме того, в декабре 1877 г. он думал написать еще книгу о русском

Кандиде, свои воспоминания и поэму "Сороковины" (запись в записной книжке).

Есть указания на то, что должно было быть написано в следующем томе "Братьев Карамазовых", полностью посвященном Алеше (он оказывается революционером, переживает душевный перелом и т.д.). Насчет книги об Иисусе Христе, помимо кратких указаний на ее основную мысль, найти ничего не удалось, но тема ее волновала писателя всю его сознательную жизнь и многие герои его романов носят в себе какие-то черты Христа в понимании Достоевского.

24 декабря 64 г. Достоевский записал, что хотел бы написать книгу об Иисусе Христе, в которой он намерен был показать, что Он был чудом истории и что появление идеала среди человечества, этого грязного и презренного человечества — еще большее чудо. "Я хотел бы доказать, что от этого нравственного образа Христа всё человечество, как дерево своими корнями, питалось и будет ими жить еще сотни лет".

Один из глубоких современных европейских исследователей христианского мировоззрения Достоевского, проф. К. Онаш (из Галле, Вост. Германия), описал эволюцию этого мировоззрения с детских впечатлений от "Начатков" Филарета, библейских рассказов немецкого просветителя Иоганнеса Гюбнера и сентиментального рационалиста Цшокке, к человеческому не мистическому Христу в понимании Достоевского семидесятых годов ("Великое дело любви и настоящего просвещения — вот моя утопия". 1876-77, Зап. тетрадь), к его "символу веры" 1854 г. от христианского социализма эпохи увлечения соц. утопизмом, к "появлению Христа, идеала человека во плоти" в 1864 г.

Это вполне совпадает с его "символом веры", как он описал его в знаменитом письме 1854 г. к Н. Д. Фон

Визиной: "Этот символ веры очень прост; вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше бы хотелось оставаться с Христом, нежели с истиной".

Онаш делает по этому поводу два интересных замечания, как будто вносящих новое в эту, казалось бы исчерпывающим образом исследованную и обсужденную область. Классические филологи нашли в этом тексте риторическую фигуру, подобную двум высказываниям Цицерона (о Платоне и пифагорейцах и о Катоне и бессмертии души). Другое касается понятия "правды" и "истины". Достоевский искал и ценил не столько истину, как правду. Недаром он был поражен евангельским текстом, прочитанным наугад Анной Григорьевной в утро его кончины ("великую правду"). Недаром в эскизе продолжения "Братьев Карамазовых", по проекту Достоевского Алеша умирает смертью революционера не за "истину", а за "правду"; писатель расходился со славянофилами (Хомяков), предпочитавшими "истину" ("дикайозине", по-гречески) — "правде" ("алетеиа").

В творчестве Достоевского герои его романов чем-то как будто напоминают Христа в разных периодах Его понимания писателем: Ордынов из "Хозяйки" — неудавшийся спаситель Катерины, человек со слабым сердцем, работающий над "историей религии" (эзоповской маски социализма); князь — Христос-Мышкин, — вполне прекрасный человек: попытки спасения людей его вмешательством кончаются поражением и гибелью. И только Алеша, хотя и не имеющий намеков на Христа в своем образе, поступает по христиански и

олицетворяет ту "живую жизнь" с перспективами на будущее, которая была так дорога Достоевскому.

"Косые лучи заходящего солнца" мы встречаем очень часто в произведениях писателя: в "Белых ночах", в "Неточке Незвановой", в "Униженных и оскорбленных", в "Идиоте", "Преступлении и наказании", "Подростке", "Братьях Карамазовых", "Снежного человека" и т.д.

В "Белых ночах" герой описывает впечатление от потухающего солнца: "...Вечерняя заря медленно гаснет на холодном петербургском небе.. прощальный луч потухающего солнца не напрасно так весело сверкнул перед ним и вызвал из согретого сердца целый рой впечатлений..."

В "Униженных и оскорбленных" герой признается: "Люблю... в Петербурге закат, в ясный морозный вечер. Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают... потеряют свою угрюмость; как будто на душе прояснеет... новые мысли; удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека..."

Когда заходящее солнце освещает подростков в романе этого названия, им хочется стать лучше, прекраснее. Алеша Карамазов вспоминает "один вечер, летний тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, перед ним зажжённую лампадку, а перед образом на коленях рыдающую... мать свою, схватившую его в обе руки... и молящую за него Богородицу... Может быть подействовали на Алешу (заставили его уверовать) и косые лучи заходящего солнца перед образом..."

В лучах заходящего солнца умирают многие персонажи романов и повестей Достоевского: Нелли из

”Униженных и оскорбленных”, Крафт в ”Подростке”, Мария в ”Идиоте”, Лиза в ”Вечном муже” и др. Другие возрождаются к новой жизни (Раскольников). В ”Подростке” один из персонажей называет солнце — божьей мыслью.

Можно было бы думать, что эти картины в произведениях Достоевского сближают нас с мифологией солнцепоклонников. Однако и в ”Идиоте” и в ”Братьях Карамазовых” Христос ассоциируется с заходящим солнцем. Алеша Карамазов записал предсмертную беседу старца Зосимы, в ней читаем: ”Благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему, но уже более люблю закат его, длинные лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания... долгой и благословенной жизни..”

Старец Зосима, как и Достоевский, любил закатное солнце. Автор представляет его как провозвестника нового духовного сознания русского народа (Мочульский) с восторженным чувством божественности и богоподобия человека и осиянности его Святым Духом (Красотой). Он верил, что творение вернется к Творцу. Он говорил: ”Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и возрастил свой сад, и взошло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным...”

”Вращенное” Достоевским его литературное наследство живет и каждое поколение по-своему берет от него самое нужное для жизни и ее понимания. На его могиле слова Евангелия от Иоанна:

”Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плодов”. ”Зерно” Достоевского продолжает плодоносить и через сто лет после его смерти.

А. Натов

ИСТОРИЯ ДВУХ ПОРТРЕТОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(К столетию со дня смерти писателя)

Есть всего два портрета Федора Михайловича Достоевского работы крупных русских художников. Это — портрет писателя, созданный в 1872 году талантливым живописцем и портретистом Василием Григорьевичем Перовым, единственный прижизненный портрет Достоевского, выполненный³ масляными красками. Второй портрет был написан другим художником, Иваном Николаевичем Крамским, 29 января 1881 года, с покоящегося на смертном одре Достоевского.

Мы здесь не останавливаемся на эскизных набросках облика писателя, — такие были. Первым известным изображением писателя считается рисунок карандашом, выполненный К.А. Трутовским в 1847 г. с писателя, которому пошел 26-й год, чей роман "Бедные люди" принес ему всероссийскую известность. Был еще эскизный портрет Достоевского, который набросал в 1880 г. карандашом и пером художник Л.Е. Дмитриев Кавказский. Настоящих же портретов, снятых с натуры, портретов-первоисточников, только два названных выше: кисти Перова и Крамского.

Современники, видевшие и лично знавшие Достоевского, единодушно называют портрет-картину В.С. Перова шедевром воспроизводства духовного и физического облика величайшего русского писателя. И.Н. Крамской так отозвался об этом портрете писателя: "Портрет этот не только лучший портрет Перова,

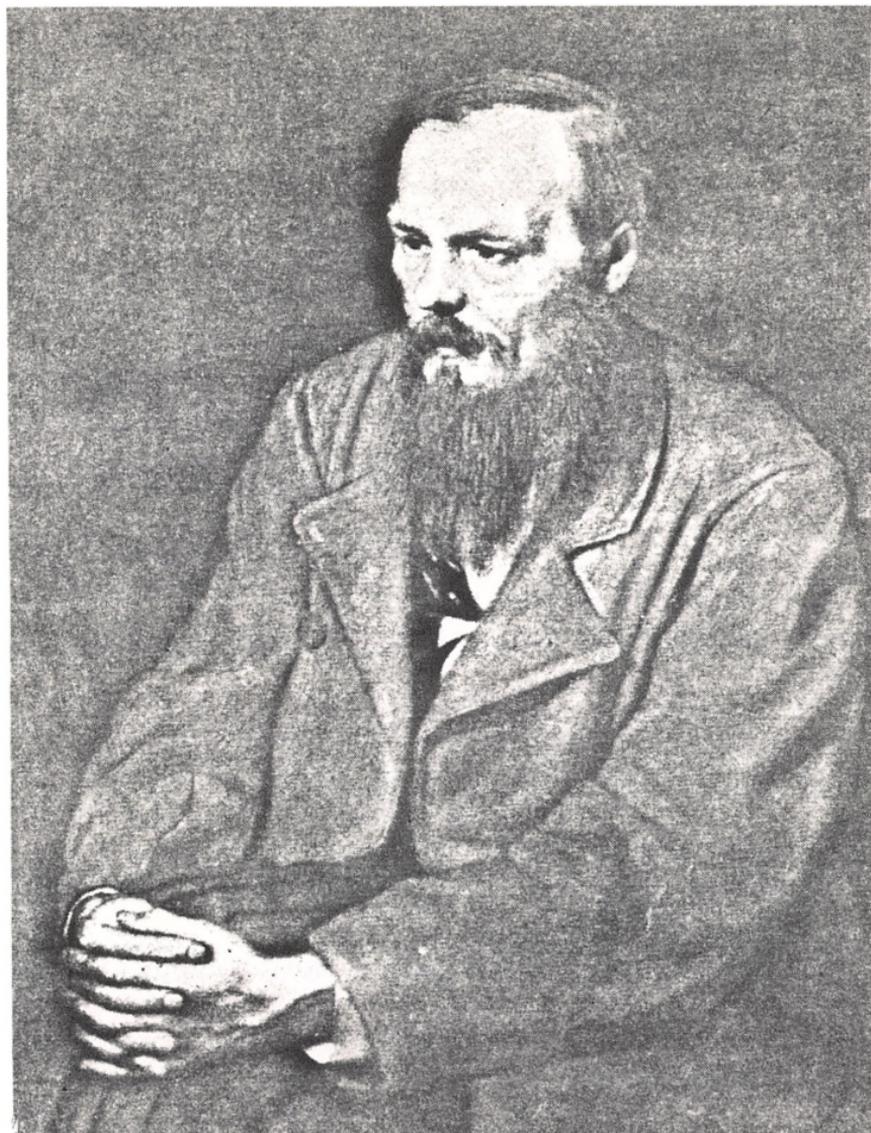
но и один из лучших портретов русской школы вообще”.

Интересно обратиться к истории создания Перовым этого портрета и к оценке современниками художественного воссоздания облика Ф.М. Достоевского.

Чтобы глубже почувствовать, какого именно Достоевского запечатлел Перов и почувствовать глубину художественного проникновения живописца в духовный мир писателя, прежде всего надо вспомнить, кем был Федор Михайлович в 1872 году. Достоевский вступил в пятидесятые годы жизни.

За его плечами годы каторги и ссылки, разочарование в социалистических идеях, несовместимых с христианством, как ему виделось ранее. Неудачный, мучительный и тягостный брак с вдовой Марией Дмитриевной Исаевой. Второй, счастливый, но начатый в трудных материальных условиях брак с Анной Григорьевной Сниткиной. Бегство за границу. Менее года назад он с женой возвратился после четырёхлетнего нелегкого скитания по Западной Европе. Здесь родились две дочери, первая из которых, Сонечка, недолго жила — родилась и умерла в Женеве. Здесь его охватила пагубная страсть к рулетке, к счастью не надолго. Накануне отъезда в Россию он сжигает рукописи "Идиота", "Вечного мужа", "Бесов". Достоевский уже был признанным, крупным русским писателем. Читатели с нетерпением ожидают его будущих произведений. Он — автор "Записок из мертвого дома", романов "Игрок", "Преступление и наказание". Читатели уже получили возможность ознакомиться с первыми главами "Бесов".

История создания Василием Григорьевичем Перовым (1833 - 1882) портрета Ф.М. Достоевского приведена в воспоминаниях Анны Григорьевны

Ф. М. Достоевский
Портрет маслом кисти В. Г. Перова, 1872
Третьяковская галерея, Москва

Достоевской и в 86-м томе "Литературного наследства", в статье "Достоевский и Третьяковы".

Известный русский меценат Павел Михайлович Третьяков обратился к Достоевскому со следующим письмом:

"Милостивый государь, Федор Михайлович,

Простите, что, не будучи знаком вам, осмеливаюсь беспокоить вас следующей просьбой. Я собираю в свою коллекцию русской живописи портреты наших писателей. Имею уже Карамзина, Жуковского, Лермонтова, Лажечникова, Тургенева, Островского, Писемского и др. Будут, т.е. заказаны: Герцена, Щедрина, Некрасова, Кольцова, Белинского и др. Позвольте и ваш портрет иметь (масляными красками); смею надеяться, что вы не откажете в этой моей покорнейшей просьбе и сообщите мне, когда для вас более удобное время. Я выберу художника, который не будет мучить вас, т.е. сделает портрет очень скоро и хорошо... Москва, 31 марта 1872 г."

В двадцатых числах апреля 1872 года В.Г. Перов приступил к написанию портрета. 10-го мая он сообщил Третьякову, что ему, чтобы окончить портрет Достоевского, осталось всего сеанса два. Портрет, по его мнению, оказался удачным. В мае он поступил в состав картинной галереи Третьякова. Живописец получил за картину 600 рублей.

Портрет пришелся по душе самому Федору Михайловичу. Анна Григорьевна в своих воспоминаниях подробно рассказала о сеансах работы Перова, при которых присутствовала.

"П.М. Третьяков, владелец знаменитой Московской картинной галереи, просил у мужа дать возможность нарисовать для галереи его портрет. С этой целью приехал из Москвы знаменитый художник В.Г.

да и вообще находим редко у наших портретистов. Автор "Записок из Мертвого дома" сидит, сомкнув руки на колене, погруженный в безвыходно-скорбную думу... Если бы г. Перов написал один такой портрет, как Достоевского, то его следовало бы уже признать настоящим художником".

П.Н. Петров в "Биржевых ведомостях" отметил: "Портрет Ф.М. Достоевского поражает ...простотою и задушевностью: романист так и вылился из-под кисти Перова, без прикрас (как Погодин) и не рисуясь в позе (как Тургенев)".

Без подписи авторов одна за другой появлялись рецензии и в других газетах и журналах, с высокой оценкой портрета Достоевского кисти Перова. В журнале "Нива" приводится такая оценка этого портрета: "Особенным сходством, типичностью и удачно выбранной обстановкой отличаются портреты М. П. Погодина и Ф.М. Достоевского... Сгорбленная, худоская фигура автора "Записок из Мертвого дома", в сером пиджаке, с болезненным взглядом, впалыми щеками и болезненно же выразительностью всего лица, производит немалое впечатление на зрителя. По художественному воспроизведению характера и необыкновенно верному колориту — это едва ли не самый лучший из всех когда-либо появившихся в залах Академии портретов".

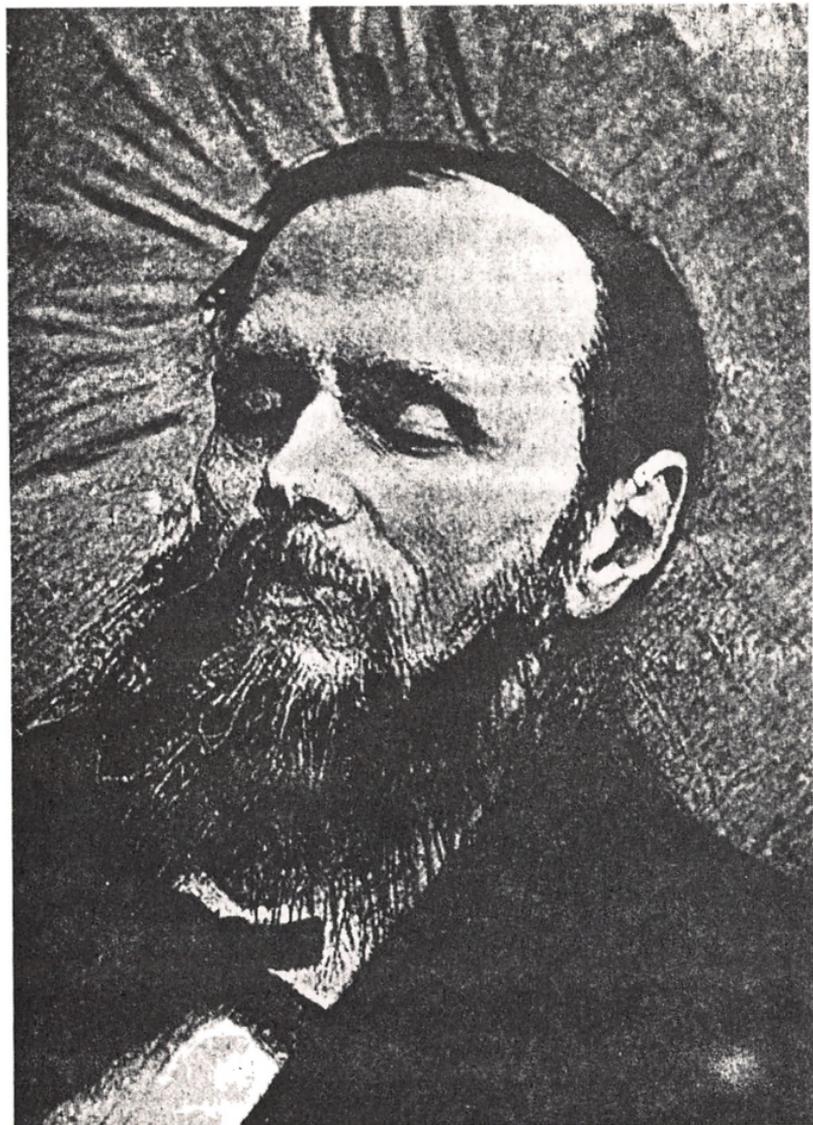
Из неподписанной статьи в "Новом времени": "Очень хорош портрет Достоевского, в бледном и болезненно-утомленном лице которого отражается то нервное и напряженное настроение, которым проникнуты все произведения этого автора".

Во "Всемирной иллюстрации" сказано: "Перов высоко поднялся теперь в портретном роде, и изображение Ф.М. Достоевского — творение во всех частях

Перов. Прежде чем начать работу, Перов навещал нас каждый день в течение недели; застав Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал, вызывал на споры и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно было сказать, что Перов уловил на портрете "минуту творчества Достоевского". Такое выражение я много раз примечала в лице Федора Михайловича, когда, бывало, войдешь к нему, заметишь, что он как бы "в себя смотрит", и уйдешь, ничего не сказав. Потом узнаешь, что Федор Михайлович так был занят своими мыслями, что не заметил моего прихода и не верит, что я к нему заходила. Перов был умный и милый человек, и муж любил с ним беседовать. Я всегда присутствовала на сеансах и сохранила о Перове самое доброе воспоминание".

Портрет Достоевского был экспонирован 26 декабря 1872 года в Петербургской Академии художеств. Все авторы статей о выставке расценивали это полотно как выдающееся создание русской портретной живописи. В.В. Стасов в "С.-Петербургских ведомостях" отметил: "что касается Перова, то лучшим, даже безукоризненно хорошим из всех присланных им портретов следует признать портрет г. Достоевского: свободная посадка фигуры, удачно схваченное выражение и мастерская лепка лица соединились здесь с естественной свежестью колорита..."

Еще восторженней писал П.М. Ковалевский в "Отечественных записках". "Портрет Достоевского кисти г. Перова... вместе и картина. Такой свежей, мягкой и тонкой живописи, при поразительном сходстве и глубокой верности в передаче характера, не только личного, но и литературного, мы не встречали до сих пор у г. Перова,

**Ф. М. Достоевский на смертном одре.
Худ. И.Н. Крамской. 29 января 1881 г.**

капитальное". К этим откликам на выставку портрета Ф.М. Достоевского с самими положительными оценками откликнулись и другие столичные и провинциальные газеты, как об этом упоминает "Литературное наследство".

В Москве 2 апреля 1874 г. открылась Третья выставка передвижников, на которой были показаны работы В. Перова. Г. Урусов, в обзоре выставки подчеркнул, что художник не имеет соперников в портретной живописи, что портрет Достоевского составляет "истинное украшение не только разбираемой выставки, но и вообще области родного искусства". "Особенной силой отличается портрет г. Достоевского. Портрет этот, не говоря уже о сходстве и внутреннем выражении, совершенно живое тело, — красок нет следа".

Через два года, в 1876 году, историк литературы П.Н. Полевой просил Третьякова прислать ему фотографии этого портрета Достоевского для публикации одного издания. Репродукция его помещена была Полевым лишь через три года в журнале "Огонек", одновременно с очерком о Достоевском (1879, № 33-34). В письме к Третьякову Полевой подкреплял свою просьбу ссылкой на слова Федора Михайловича, который сам ему указал "на этот портрет как на *единственный снятый с него в течение всей его жизни*". Вторично сниматься Достоевский не хотел, а Полевому для его труда к биографии русских писателей необходимы были их портреты ("История русской литературы в очерках и биографиях", 3 изд., 1878).

Портрет Ф.М. Достоевского работы Перова экспонировался в 1878 г. на Всемирной художественной выставке в Париже. Он был в числе отобранных для этой выставки лучших произведений портретного искусства Петербургской Академией художеств.

Ф.М. Достоевский на фотографии начала 1860-х годов.

28 января старого стиля 1881 года, в 8 часов 38 минут вечера, Федор Михайлович скончался. На другой день ряд художников и фотографов снимали портрет усопшего писателя. Посмертную гипсовую маску снял скульптор Л. А. Бернштам. Она хранилась у внука писателя, Андрея Федоровича Достоевского до самой его смерти в 1968 году.

Попытки фотографов получить удовлетворительный портрет покойного писателя в маленькой комнате, при слабом освещении и притом, при необходимости, в профиль, совершенно не удались. Успех сопутствовал лишь художнику И.Н. Крамскому. О том, как работала Крамской над портретом, писала Анна Григорьевна в своих воспоминаниях.

Кисти И.Н. Крамского к тому времени принадлежали многие превосходные портреты русских писателей, созданные им для портретной коллекции П. М. Третьякова. Крамской писал с натуры О. Аксакова, И. Гончарова, Н. Некрасова, Л. Н. Толстого и других писателей и общественных деятелей.

Созданный Крамским портрет "Ф. М. Достоевский на смертном одре" был воспроизведен гравюрой на дереве А. И. Зубчаниновым и эта репродукция портрета Достоевского, вместе с заметкой о работе И. Крамского над его созданием, появилась в 3-м номере журнала "Исторический вестник" за 1881 год. Выдержка из этой заметки приведена в комментарии к "Воспоминаниям" Анны Григорьевны Достоевской.

"Уведомленный о смерти Ф.М. Достоевского на другой день рано утром одним из приятелей последнего, Крамской тотчас же отправился на квартиру покойного, устроил там подмости и в несколько часов написал карандашом и тушью портрет, одно из лучших своих произведений. Сходство этого портрета

поразительное... Оригинал портрета Крамской просил вдову покойного принять от него, как слабый дар за те часы наслаждения, которые доставляли художнику произведения Достоевского". Этот посмертный снимок писателя хранится в Пушкинском доме Академии наук.

Анна Григорьевна нашла работу Крамского очень талантливой. "На этом портрете, — отмечает она, — Федор Михайлович кажется не умершим, а лишь заснувшим, почти с улыбающимся лицом, как бы уже узнавшим неведомую никому тайну загробной жизни".

Известный юрист и общественный деятель, А. Ф. Кони приезжал на квартиру Достоевских поклониться праху писателя. У него создалось такое же впечатление о выражении лица усопшего, которое передано Крамским и запомнилось Анне Григорьевне.

"Федор Михайлович лежал на невысоком катафалке, так что лицо его было всем видно. Какое лицо! Его нельзя забыть... На нем не было ни того как бы удивленного, ни того окаменело-спокойного выражения, которое бывает у мертвых, окончивших жизнь не от своей или чужой руки. Оно говорило — это лицо, оно казалось одухотворенным и прекрасным. Хотелось сказать окружающим: "Не плачьте, — он не умер, он только спит" (лат.). Гление еще не успело коснуться его и не печать смерти виднелась на нем, а заря иной лучшей жизни как будто бросала на него свой отблеск... Я долго не мог оторваться от созерцания этого лица, которое всем своим выражением, казалось, говорило: "Ну да! Это так — я всегда говорил, что это должно быть так, а теперь я знаю..."

В. Н. Тростников

ПИСЬМА О БОЛЕЗНИ И ИСЦЕЛЕНИИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ: О ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ОБЪЯСНЕНИИ МИРА

В этой жизни нам даны две реальности — внутренняя и внешняя. Последнюю мы зовем "окружающей действительностью". Работа тысяч людей разных поколений, называемая наукой, используя сложные эксперименты, математику и логику, объясняет нам, как именно устроена окружающая действительность.

Внутренняя реальность дана нам непосредственно: ее мы знаем ежесекундно, за вычетом периодов сна или потери сознания. В нее входят как те чувственные ощущения, которые мы связываем с понятием внешнего мира, так и ощущения, возникающие без видимой причины, как бы изнутри — наши разнообразные эмоции, желания, мысли. Вначале может показаться, что судить о ней проще, чем о внешней реальности, но когда вдумываешься, начинаешь понимать, что это не так. В нашем внутреннем мире далеко не все доступно прямому наблюдению. Каждый из нас может вспомнить такие моменты своей жизни, когда, стараясь вырвать из души какой-нибудь неприятный элемент — например, любовную тоску, — мы неожиданно ощущали, что он уходит корнями во что-то огромное, неподвластное нашей воле и скрытое от нас в непроницаемой тьме. Но хотя об этом таинственном существе мы можем только догадываться, нам ясно, что оно не принадлежит к материальному миру.

Многие люди могут удовлетвориться таким, самым первым и самым приблизительным, разделением всех мировых данностей на две категории. Но тот, кто испытывает потребность в более тонком исследовании проблемы, неизбежно поставит перед собой новые вопросы:

1. Является ли эта двойственность принципиальной, т.е. действительно ли между внешним для нас миром и миром внутренним пролегает непроходимая граница, делающая их совершенно разными частями Бытия, или же такого рода дуализм есть иллюзия?

2. Каким образом внутренний и внешний миры взаимодействуют между собой?

Подробный и обоснованный ответ на эти вопросы должна давать философия, которая, собственно говоря, только для этого и существует.

Когда-то давно, когда она еще не была отделена от религии, ее ответ имел общий характер, но по своей сути был очень ясным. Религиозное мировоззрение не считало оболочку человеческой личности границей, разделяющей две разных категории сущего. Оно утверждало, что сперва материи вовсе не было, а был только Бог, соединявший в себе некие невещественные, идеальные элементы. Евангелист Иоанн говорит об этом так: "В начале было Слово, и Слово было у Бога". В греческом подлиннике сказано "Логос", а это скорее не "слово", а "понятие", "мысль", т.е. вселенская данность, аналогичная тем данностям, которые известны нам по внутреннему опыту, однако существовавшая объективно, до появления людей. Она была первичной, и Тот, кто ее ощущал и ею владел, был Бог. Материальная же вселенная явилась на втором этапе. Бог сотворил ее, как бы отделив от себя, зафиксировав ее. Он сделал это посредством акта *волеизъявления*, произнеся "Да будет

так!". Поскольку *воля* есть элемент идеальной составляющей Бытия, которая первична, то она находилась в распоряжении Бога изначально, и никакой логической неувязки в представлении об ее использовании для сотворения материи не возникает. Материя здесь оказывается ни чем иным, как окостеневшей по желанию Бога Его мыслью. Разумеется, и в дальнейшем Бог может воздействовать на материю, когда сочтет это нужным и в таком направлении, в каком захочет. В человека Бог вложил как идеальное начало (душу), так и материальное (тело), поэтому можно сказать, что и во внешнем и во внутреннем мирах имеются данности обеих категорий, и граница, определяющая дуальность Бытия, пересекает все сущее "наискосок".

Хотя эта общая схема не вызывала особых недоумений, многие детали оставались в ней загадочными, и мало-помалу к ним пробуждался обостренный интерес. Людям хотелось, например, понять, *зачем* Бог создал материю. Исследования такого рода разрослись в специальную область умственной деятельности — богословие. Оно достигло больших успехов в рамках христианской религии в Византии и в Европе. В частности, им были получены следующие результаты:

Создана обширная теория, трактующая идеальные данности, такие, как "любовь", "доброта", "благо" и т.д., как атрибуты, т.е. главные свойства Бога, и на ее основе выработана схема соподчинения этих данностей;

Выдвинут постулат о существовании непознаваемых свойств Бога и из него выведено много конкретных утверждений ("отрицательное богословие");

Детально разработана концепция троичности Бога, указаны ее непознаваемые аспекты, а познаваемые все-сторонне разъяснены;

Основана теория, посвященная вопросам грехов-

ности и праведности, спасения души и ее гибели, и в рамках этой теории освещено соотношение между Божественным Промыслом и свободной волей человека;

Тщательно исследованы космологические функции и другие особенности невидимого соавратителя людей — "князя тьмы", или "дьявола" (демонология);

Развита и обстоятельно аргументирована идея о постоянном вмешательстве Бога в дела материальной Вселенной с помощью актов контрольного наблюдения;

Исследована проблема воплощения Бога в доступные нашим органам восприятия существа или предметы и возможности воспринимать чувствами Бога как такового, вне таких воплощений;

Оформлена в самостоятельное учение проблематика, связанная с концом мира и Страшным Судом (эсхатология);

На основе представления о людях как сынах единого Отца — Бога — сформулированы главные положения христианской морали, сводящиеся к идее братства всех людей.

Как видно даже из этого весьма неполного и конспективного перечня, работа, проделанная христианами богословами, была огромной. Ими, по существу, была создана богатейшая духовная культура, взаимосогласованная в своих частях и связывающая воедино знания, чувства и жизненные установки людей. Эта культура была одобрена внутренним опытом десятков поколений, а в ее теоретическую часть внесли вклад сотни выдающихся и даже гениальных мыслителей. В общих же своих чертах она соответствовала и гораздо более древним, мифологическим, взглядам на мир, выверенным тысячелетиями. И она *работала* — успешно регулировала общественные отношения, цементировала государства, давала индивидуумам ощущение осмыслен-

ности жизни, указывала им цель духовных исканий. Но все же в ней были изъяны. Скажем, вопрос о том, для чего Бог создал материальную вселенную, так и не получил вразумительного ответа. Не была решена и тесно связанная с этим вопросом проблема "теодицеи", т.е. "оправдания Бога", которую можно поставить так: почему Бог, при Его благодати и всемогуществе, допускает существование в мире зла?

Были бы в конце концов ликвидированы эти белые пятна, если бы богословие продолжало развиваться и дальше, сказать невозможно. Его развитие было прервано внешними обстоятельствами. На европейскую сцену выступило естествознание и заняло его место. Оно дало новый ответ на фундаментальные вопросы о структуре Бытия, в своих общих чертах противоположный прежнему ответу.

Естествознание берет за аксиому тезис, что материя является первичной и существует вечно. Она движется во времени и пространстве, и это движение подчинено строго определенным законам, которые тоже существуют вечно. Узнать эти законы — единственная задача науки. Как мы видим, в первом приближении вселенную можно уподобить заведенному ключиком автомату. Однако здесь имеется важное различие. Когда мы видим какой-нибудь автомат — скажем, заводную игрушку, — мы знаем, что кто-то сделал его с определенной целью и в соответствии с этой целью задумал и осуществил особенности его конструкции. В случае же вселенной, как заявляет наука, нельзя говорить ни о смысле ее создания, ни о цели, которой служит ее функционирование. Что же касается нематериальных данностей, то, будучи солидарными в том, что они являются чем-то второстепенным, идеологи естествознания не выработали единой точки зрения на их конкретный

статус. Дело осложнялось тем, что имеется две категории таких данностей — законы природы и психические явления. Первые не доступны нашим чувствам и на уровне обыденного сознания могут не рассматриваться, но без их рассмотрения не может существовать наука. Вторые не нужны науке, но они слишком хорошо известны на уровне обыденного сознания, чтобы науке можно было исключить их из своей картины мира, претендующей на универсальность.

Анализируя все мнения, которые высказывались по этому поводу на протяжении трех с половиной столетий существования естественных наук, их можно свести к следующим основным концепциям:

А) *О законах природы.*

1. Эти законы "встроены" непосредственно в самую материю.

2. Они не находятся в материи в буквальном смысле, а составляют ее *свойство*.

3. Мы не знаем и никогда не узнаем, где располагаются законы природы, поэтому незачем об этом задумываться.

Б) *О психических данностях.*

1. Они сводятся к движению материальных частиц.

2. Они есть *свойство* материи, которое либо в зародышевой форме присуще *всей* материи, либо появляется только на *высших стадиях* ее развития.

3. Они есть нечто иллюзорное, что можно признать как какое-то побочное явление функционирования вселенной, но не следует включать в собственно научные теории.

Подробно мы обсудим все эти точки зрения позже. Пока можно констатировать одно: богословие делало упор на идеальное, меньше интересуясь материальным; наука сосредоточивает внимание на материальном и

почти игнорирует идеальное. Нельзя ли в таком случае считать научное мировоззрение неким зеркальным отражением религиозного мировоззрения, назвать науку "современной религией", которая впала в другую крайность? А если это так, то не поискать ли нам ответа на наши вопросы где-то посередине? Именно на среднем пути предлагает искать истину, например, Солженицын. В своей гарвардской речи от 8 июня 1978 года он призвал человечество к подъему "на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в новейшее время, растерзана наша духовность".

Мысль о том, что научная философия есть нечто симметричное религиозному учению, что они получаются друг из друга простым переворачиванием, высказывалась неоднократно. В "Братьях Карамазовых" мы читаем: "У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью". Эти слова произносит старец Зосима. Он обвиняет науку в том, что она возвеличила материальную составляющую человека и забыла о его духовной составляющей. Но естествоиспытатель с таким же правом может упрекнуть церковников, что они с ненавистью отвергают материальный аспект людской природы. А то, что Зосима считает идеальное "высшим" — это его частное мнение, которое можно оспорить и которое, кстати, противоречит его же собственному определению идеального как "половины". Две половины всегда равновелики.

И все же что-то мешает нам заявить, что научное мировоззрение есть "та же религия, только наоборот", что-то останавливает. Видно, мы чувствуем, что они

отличаются не только знаком, но и всей своей структурой.

Пытаясь разобраться в истоках этого ощущения, мы можем заподозрить следующее: религия и наука внутренне несхожи потому, что первая основана на эмоциях, а вторая — на фактах; первая апеллирует к сердцу, а вторая — к рассудку. Отсюда проистекает коренная разница в методе распространения: проповедники религии выступают горячо и страстно, а популяризаторы науки — спокойно и хладнокровно, оставаясь всегда объективными и терпимыми.

Но даже самое беглое знакомство с историей науки показывает, что нет ничего более далекого от действительности, чем легенда о терпимости и объективности научного взгляда на мир, распространяемая не кем иным, как самими же сторонниками науки.

Познакомимся с документом трехсотпятидесятилетней давности: с полемикой Лейбница и Кларка. Первого представлять не надо, это один из признанных основателей естествознания. Второй — ученик Ньютона, перенявший от своего учителя не только научные, но и мировоззренческие идеи. Эти люди умели смотреть в корень, и весь их спор вращался вокруг самого важного места любой идеологии — роли нематериальных данностей в функционировании вселенной. Лейбниц по этому поводу писал:

”Конечно, по моему мнению, ни душа не нарушает законов тела, ни тело — законов души. Обе находятся только в соответствии друг с другом, при этом, однако, душа действует свободно, следуя правилам целевых причин, тело же — механически, следуя законам действующих причин. Но это не противоречит, как здесь думают, свободе души; ибо каждое деятельное существо, действующее согласно целевым причинам по

выбору, свободно, хотя случается, что его действия согласуются с событиями, обусловленными только действующими причинами и совершающимися бессознательно или механически. Ибо Бог, предвидя, что могла бы сделать свободная причина, устроил свою машину вначале так, что она не может нарушить согласованности с этой свободной причиной”.

Искать в этом отрывке объективное исследование фактов — пустое занятие. Зато в нем ярко продемонстрированы основные приемы софистической техники. Лейбниц хочет утвердить тезис автоматизма мира, но понимает, что натолкнется на сопротивление здравого смысла и христианской доктрины свободы воли. Поэтому он говорит о согласовании свободной души и механически работающего тела, что оно “случается”, из чего можно сначала предположить, будто оно может и не случиться; но через несколько строк оказывается, что согласование абсолютно жестко, так как не может нарушиться. Точно так же усыпляет он тревогу читателя и в другом месте. Он смягчает мрачный вывод о том, что все наши желания предопределены на всю жизнь тем, что эту предопределенность установил сам Бог, вложив в нас “целевые законы”. Но это облагораживание фатальности есть лишь полемическая хитрость. Говоря об этих вещах серьезно (например, в письме к Бурге), Лейбниц выражал сомнение в том, что мир был когда-либо создан Богом и склонялся к мысли, что он существовал вечно.

Идея о том, что “машина”, т.е. все сущее, включая людей и животных, работает как полностью детерминированный автомат, была вообще главной идеей всей жизни Лейбница. Ею он возгорелся смолоду, когда начал искать универсальный мировой алгоритм, и, как мы видим, нисколько не охладел к ней и в год своей смерти (1716). Конечно, с самого начала он понимал не-

обходимость как-то совместить эту идею с ощущением произвольности душевных движений, свойственным каждому человеку. И за пятьдесят лет размышлений на эту тему он не изобрел ничего лучшего, чем то, что содержится в письме Кларку. Лейбниц заявляет, что Бог раз навсегда предопределил деятельность души так, чтобы она протекала в полном согласии с автоматическим движением тела. Но в чем же тогда заключается свобода души, которую он не решался отрицать? В том лишь, что душа подчинена не "действующим", а "целевым" законам? Но если эти две группы законов приведены во взаимно-однозначное соответствие, то какой толк в различии их названий? Поскольку душа по изначальному предопределению следует строго параллельным материи курсам, то она свободна или несвободна ровно в такой же степени, что и материя. Неужели же Лейбниц, который был великим математиком и всегда проявлял высочайшую чувствительность к погрешностям рассуждения, не замечал беспомощности этой своей аргументации? Неужели он не способен был предвидеть того возражения, которое услышал вскоре от Кларка:

"Во власти человека, например, решить и знать на месяц раньше, что он сделает в определенный час в будущем; можно ли в этом случае верить, что человеческое тело действием простой механической силы, приданной материальному миру первично при сотворении, точно подчинится к назначенному времени всем решениям человеческого духа? Согласно этой гипотезе, становятся ненужными все философские доказательства, основанные на феноменах и опыте, ибо, если предустановленная гармония правильна, то человек на самом деле не видит, не слышит и не чувствует и не движет свое тело; ему лишь во сне кажется, что он видит, слышит, чувствует и движет свое тело".

Не будем наивными. Разумеется, Лейбниц прекрасно отдавал себе отчет в убийственности этого возражения против концепции автоматизма вселенной. И не находя никаких контраргументов, он терял самообладание, и его рука в бессильной злобе начинала нащупывать доводы совершенно другого рода:

"Во времена г-на Бойля и других выдающихся мужей, деятельность которых процветала в Англии в начале правления Карла II, никто не осмелился бы предлагать нам такие пустые понятия. Надо надеяться, что это счастливое время вернется при таком добром правительстве, каким является нынешнее; надо надеяться, что тогда все умы, отвлекаемые сейчас из-за неблагоприятных условий, смогут в большей степени заняться развитием основательных знаний. Главная тенденция г-на Бойля всегда была направлена на то, чтобы внушить, что в физике все совершается механическим путем".

Эти апелляции к королевской власти, сопровождаемые лестью, не надо воспринимать как литературный прием. Дело в том, что переписка Лейбница и Кларка шла через принцессу Уэльскую. Выражая надежду, что правительство всерьез займется теми, кто не верит в механистичность вселенной, Лейбниц знал, что он говорит. Не найдя средств убеждения, он вспомнил, что имеются средства принуждения. Обладая сильным аналитическим умом, он отлично сознавал, что тезис автоматизма мира равносителен тезису об отсутствии в мире чудес, а строго доказать *отсутствие* чего бы то ни было чрезвычайно трудно, если не невозможно. Ему было ясно, что одушевленность Бытия можно и должно отменить не экспериментами и логикой, а декретом. Коль скоро такой декрет принят, уже никакие вновь открываемые явления нельзя считать чудесами, ибо они объявляются следствиями *еще не открытых* законов природы. Великий

основатель естествознания не придавал особого значения ни доказательствам, ни экспериментам, на которых, будто бы построено естествознание. В "Новых опытах о человеческом разуме" он бросил упрек Бойлю за то, что тот, "говоря правду, слишком много возится с тем, чтобы из бесконечного количества прекрасных опытов вывести лишь заключение, которое он мог бы принять за принцип, а именно, что в природе все происходит механическим образом". Вещие слова! Лейбниц понимал суть затеваемого им и его единомышленниками дела и хотел, чтобы те, кто это дело продолжит, тоже понимали ее.

Европейская мысль подошла в тот момент к развилке, где нужно было выбирать одну из двух расходящихся дорог. Одна из них взбегала вверх, обещая вывести на какие-то скрытые от взора вершины. Пойдя по этой дороге, пришлось бы квалифицировать естествознание как раздел богословия, как расшифровку той части божественного замысла, которая связана с мертвой материей, т.е. с наиболее примитивной составляющей Бытия. На этот путь увлекали науку Ньютон и Беркли. Вторая дорога спускалась под уклон и пропадала в безмолвной чаше. Сюда звал науку Лейбниц и, боясь, что она прислушается не к нему, а к Ньютону, нервничал и суетился. Этот идеолог предопределенности знал, что в истории все решает свободный выбор человека и что в критический момент человека надо подтолкнуть, обезоружить софизмами, а то и припугнуть, иначе все может двинуться не туда и предприятие может сорваться...

Но может быть именно решительностью момента и оправдывалась страстность и тенденциозность Бэкона, Гоббса, Декарта, Лейбница и других отцов естествознания? Ведь нельзя не учитывать психологических моментов, необходимости расчистить дорогу

правильному мировоззрению теми средствами, которые в то время были наиболее действенными.

Если бы это было действительно так, если бы элемент активной саморекламы и стремления навязать свою точку зрения любой ценой не был *внутренне* свойствен науке и представлял собой лишь дань внешним обстоятельствам, то по мере отмирания "религиозных предрассудков" и выработки у людей привычки доверять только фактам и строгому рассуждению этот элемент стал бы исчезать из науки. Но он не только не исчезал, а все более укреплялся в ней. Мудрая мысль о принуждении, осенившая науку еще в колыбели, уже не забывалась ею, и она никогда не допускала такой наивности, чтобы уповать только на доказательность. Ключевский говорил, что идея становится историческим фактом лишь тогда, когда она подкрепляется общественным мнением, требованием закона или приличия и гнетом полицейской силы. Наука всегда знала об этом и не упускала ни одного из перечисленных средств утверждения своего мировоззрения.

Со школьной скамьи мы впитываем в себя стереотипное представление о распространении науки как о воссиянии света истины, разогнавшем мрак фантастических верований. И нам не приходит в голову простая мысль, которая сразу бы должна была нас насторожить: ведь это представление пропагандируется самой же наукой, а не кем-нибудь сторонним. В одном из черновых набросков Пушкин упоминает четырехлетнего сына своего давнего знакомого. Однажды сынок повторял про себя: "Какой папенька хлаблий! как папеньку госудаль любит!" Мальчика спросили: "Кто тебе это сказал, Володя?" Он ответил: "Папенька". Принимая на веру самоизображение науки, мы уподобляемся этому ребенку. Мы не хотим учесть, что всякий,

кто пришел к власти, обязательно будет облагораживать свое происхождение и свою натуру. А если бы мы не принимали этого на веру и поинтересовались бы фактами, к чему, кстати, нас призывает сама наука, то картина оказалась бы совершенно другой.

Естествознание постоянно высмеивало пережитки "дикости", а дикостью оно называло любые формы допущения свободного одухотворяющего начала Бытия. Им с возрастающей интенсивностью "разоблачалась" мифология первобытных племен, втягиваемых в орбиту европейской жизни, искоренялось шаманство, уничтожались предметы религиозных культов. В школах в обязательном порядке вводилось преподавание мировоззренческих аспектов науки. Там, где нельзя было действовать силой, мобилизовывалось общественное мнение. Пресловутый "обезьяний процесс" был использован для развертывания всемирной травли всех противников дарвиновской теории, стал неким "делом Дрейфуса", снявшим запреты со всех форм подавления оппозиции. В Европе было создано такое положение, что всякий, кто не разделял естественнонаучной точки зрения на Бытие, мог быть безо всякого разбирательства объявлен врагом прогресса со всеми вытекающими отсюда последствиями для карьеры. Когда выдающийся эмбриолог Дриш выступил с глубоко аргументированной критикой концепции автоматического развития зародыша, ему не помогли даже огромные прошлые заслуги перед наукой и он сам стал отверженным. Как он сам писал об этом, не только его, но и всех самостоятельно мыслящих исследователей "охотнее всего запрятали бы в дома умалишенных, если бы "старческое слабоумие" не послужило для них отчасти извинением". Когда психолог Юнг осмелился предположить, что религиозное чувство людей не

исчерпывается трансформированной эротикой, а имеет и более возвышенную составляющую, коллеги со всех сторон начали стыдить его и называли его утверждение "чистейшей теологией". Когда Н. Я. Данилевский опубликовал книгу, в которой на основании обширного палеонтологического материала доказывалась направленность эволюции живого мира, ученые приняли меры к тому, чтобы создать ему репутацию реакционера. Этот прием сработал, и в результате, как пишет Л. С. Берг, едва ли нашлось в России пять-шесть человек, которые прочитали эту замечательную книгу. Заметим, что научная макулатура, которая через год или два утрачивала всякое значение, благодаря широчайшей пропаганде читалась взахлеб миллионами людей. Надо сказать, что Данилевский предвидел судьбу своего труда и в предисловии говорил: "Опыт, и чужой, и личный, и даже несравненно важнейший опыт истории, показывают, что в данное время убеждает не истина сама по себе, а то случайное обстоятельство, подходит ли, все равно истина или ложь... к тому, что величают современным мировоззрением, современной наукою".

Наука любит говорить, что высоко ценит дискуссии, что только в спорах школ и направлений рождается объективная истина, являющаяся ее единственной целью. Направлений в ней действительно много и нередко они грызутся между собою с нешуточной злобой. Но все склоки мгновенно прекращаются и сменяются солидарностью, как только возникает угроза вторжения в картину мира свободного одухотворяющего начала. Тут все ученые дружно набрасываются на общего врага. Марксисты сколько угодно могли поносить фрейдистов, но, когда зашла речь о действительно серьезных вещах, марксист Н. А. Рейснер заявил: "Мы не хотим быть не-

справедливыми: ... лишь благодаря психоанализу и его сексуальной теории мы действительно подошли к тому основному психологическому моменту, который позволяет нам опрокинуть все здание религиозного мышления и культа". Комментарии марксистских философов к переписке Лейбница и Кларка проникнуты симпатией к "идеалисту" Лейбницу и враждебностью к ньютоонианцу Кларку. Философские ярлыки оказались пустяком в сравнении с позицией в вопросе об автоматизме мира. Западные ученые не остаются в долгу. Они великолепно понимают, что разногласия с учеными социалистических стран могут иметь место лишь во второстепенных, технических аспектах. В 1978 году "премия Калинги", учрежденная ЮНЕСКО для "поощрения популяризации научных знаний с помощью средств массовой информации", была присуждена советскому академику А. И. Опарину, написавшему книгу о том, как жизнь сама собою произошла из неорганического вещества. Все знают, что аргументация Опарина такова, что ее невозможно проверить, и даже более того, что она явно противоречит новым данным о клеточных структурах, но это оказалось несущественным, так как у него была правильная идеологическая установка, выражаемая словами "сама собой".

Современные ученые часто цитируют фразу Нильса Бора: "эта идея недостаточно сумасбродна, чтобы быть верной". Этим они хотят подчеркнуть, что наука не только допускает неортодоксальные мнения, но и приветствует их. Но они умалчивают об одной детали: сумасбродность идей допускается лишь в рамках концепции бездуховности мира. Даже в космогонии, где полученные данные о сотворенности вселенной около двадцати миллиардов лет назад, о вероятном изменении во времени мировых констант и законов природы,

о постоянном возникновении материи "из ничего" в центрах галактик и т.д., любой намек на существование в мире разумного начала считается неприличным и встречается ледяным молчанием. Вы можете высказывать на счет мироустройства любые "сумасшедшие" гипотезы, высасывать из пальца самые дикие предположения, но как только вы посмеете высказать самое естественное предположение, что вселенная не есть мертвый часовой механизм, что в ней есть цель и смысл, перед вами закроются все двери к научным публикациям и выступлениям.

Что же касается того мнения, будто движущей силой науки является стремление к окончательной истине, то оно давно уже вступило в противоречие с тем фактом, что через определенный промежуток времени в каждой научной отрасли происходит "революция", и прежние взгляды заменяются новыми, обычно прямо противоположными. Недавно американский философ Т. Кун выпустил книгу, в которой периодическая ломка представлений в науке изображается как неизбежное явление, обусловленное психологическими и социальными причинами. Понимая, что это плохо вяжется с приближением к истине, некоторые наиболее откровенные деятели науки начали смело утверждать, что понятие истины вообще вредно для науки и должно быть из нее изгнано.

Но раз абсолютной истины нет, то требуется другой критерий, позволяющий одобрять одни научные работы и отвергать другие. Им является лояльность по отношению к господствующей в настоящий момент концепции, которая, в свою очередь, определяется убеждениями и привычками стоящей у власти научной администрации. Вследствие этого концепция в любой момент может смениться на другую. В этой связи мне вспоминается время моей молодости, когда при поступлении на работу

мы должны были заполнять анкету на шести страницах, в которой был такой вопрос: "колебались ли вы при проведении линии партии?" Один остроумный человек предложил ответить так: "колебался, но вместе с партией". Так же нужно вести себя в современной науке, иначе тебе не стать ученым. Когда на сессии ВАСХНИЛ 1948 года была "разгромлена" генетика, советские биологи все стали мичуринцами и лысенковцами. Когда в 1960-х годах генетика была Академией наук реабилитирована, те же самые люди стали яростными менделистами и противниками Лысенко. Но тогда возникает вопрос: что же делает науку наукой, почему при всех ее крутых поворотах и возвратах вспять мы воспринимаем ее как нечто определенное и четко отличающееся от любой другой духовной или интеллектуальной деятельности? Что роднит Синтетическую Теорию Эволюции и классический дарвинизм? Теорию систем и редукционистский подход к явлениям? Лапласовскую теорию происхождения планет и современную космогонию? Механистическую физику прошлого века и квантовую теорию нынешнего? Что общего в этих прямо противоположных и взаимно исключающих друг друга построениях? Какой элемент, присутствуя во всех них, дает нам возможность сразу и безошибочно сказать, что все это — наука? Конечно, *тезис автоматизма мира*. Всякий, кто его принимает, кто исходит из убеждения, что движение вселенной детерминировано нерушимыми законами или алгоритмами, становится на научную точку зрения. Остальное неважно. Но именно этот тезис принципиально недоказуем и должен быть принят как догма.

Можно предвидеть возражение, что это не такая уж недоказуемая вещь, что громадные успехи техники и технологии, достигнутые с помощью науки, служат веским аргументом в пользу этого тезиса. Наша жизнь корен-

ным образом изменилась со времени Средних Веков, и это произошло благодаря науке. Но ведь у нас нет оснований утверждать, что исследования простейших форм Бытия развивались бы менее успешно, если бы наука пошла по верхней дороге, не теряя из виду небо, так как исторический эксперимент нельзя проделать вторично. К тому же, далеко не ясно, надо ли нам торжествовать по поводу взлета материальной культуры, поставившего природу на грань уничтожения и сделавшего из большинства людей ни о чем не задумывающихся потребителей.

ПИСЬМО ВТОРОЕ: О СУЩНОСТИ НАУКИ

Итак, наука является не тем, за что она себя выдает. Наука говорит о себе, что она есть исследование действительности. Но еще до начала исследования она уже знает, что является и что не является действительностью. Скажем, "национальный дух", хотя он играет в истории основную роль, она серьезно изучать не будет, а если будет, то сведет его к сумме интересов отдельных граждан. Не станет она изучать и идею эволюции живого мира, несмотря на то, что эта идея явно просвечивает в палеонтологическом материале. Она заранее уверена, что замысла и цели в автоматически развивающейся природе быть не может. Не станет она исследовать истинную природу гипноза, метафизические аспекты шаманского лечения, теоретические предпосылки индийской йоги, сказания о богоявлениях, свидетельства религиозных людей о том, что они общались с ангелами и святыми, и тысячи других вещей, о которых она априорно знает, что их нет, а если и будет интересоваться ими, то сразу переименует,

приспособит к своему ограниченному мировосприятию, выхлостит и загубит. Наука не устает повторять, что более всего чтит "его величество эксперимент", но она всегда имеет наготове такой аргумент в защиту своего основного постулата, который не в силах сокрушить никакие факты. Как только наблюдение или специальный эксперимент с очевидностью показывают, что наш мир не может быть таким автоматом, каким изображает его наука, последняя тут же заявляет, что он является *другим* автоматом, каким именно — это, дескать, будет установлено позже. К этому приему откладывания объяснений на завтра науке пришлось прибегнуть столько раз, что в конце концов под это откладывание была подведена целая философия: было разработано знаменитое учение о бесконечном приближении к истине. Казалось бы, раз истина находится где-то в отдалении, мы не можем знать, в чем она состоит, какова ее природа. Но нет, наука в основных чертах изначально знает эту находящуюся в бесконечности истину: истина есть не что иное, как описание алгоритма, движущего вселенной. Выходит, смысл исследовательской работы ученых заключается только в том, чтобы вписывать детали в ту картину, которая смелыми широкими мазками набросана уже сегодня. Рядовые ученые так и понимают свою задачу, и как муравьи непрерывно вырисовывают мелкие узоры, а потом, когда выясняется, что они не соответствуют фактам, замазывают их краской и начинают выводить новые. Но некоторые догадываются, что относиться к делу уточнения слишком серьезно не следует и лучше всего давать лишь наметки объяснений. Этим достигается сразу две цели: создается *видимость* уточнения и в то же время в руки оппонентов не дается конкретных подробностей, которые они могли бы опровергнуть.

Авторы подобных программ оставляют свои имена в истории науки: Дарвин, Фрейд, Павлов, Винер. Ну, а кто же набросал всю картину в целом и определил таким образом деятельность всех ученых вообще? Конечно, идеологи естествознания, которые не нуждались даже и в наметках, ибо им все главное было известно с самого начала. Об этом хорошо сказал Лев Толстой: "Как ни храбрись привилегированная наука с философией, уверяя, что она решительница и руководительница умов, она не руководительница, а слуга. Миросозерцание всегда дано ей готовое". Когда идеологи объясняют ученым, как надо понимать тот или иной факт, то или иное открытие, ученые посмеиваются: что, мол, они смыслят в нашей области! Но это лишь безобидные смешки раба, который все равно будет выполнять данные ему указания. В начале нашего века затрещали материалистические представления физики, и ученые были в панике. Ленин же не испугался этого и разъяснил, что материя, собственно говоря, обладает только одним свойством: *объективного существования*. Эта фраза гораздо хитрее, чем это может показаться: она использует один из тех "секретов", которые так хорошо были разработаны софистами. Когда мы слышим ее, мы воспринимаем ее в таком смысле: "все, что материально, независимо от того, как оно окажется устроено, существует". Так как это верно, мы спокойно впускаем фразу в свое сознание. Но проникая оттуда в подсознание, она коренным образом меняет свой смысл. На уровне интуиции мы ощущаем, что простая констатация факта существования материи, не отрицаемого почти ни одной философской школой, бессодержательна и хотим иметь тезис, в котором было бы некое раскрытие, т.е. понятие материи выявлялось через ее специфический атрибут.

Поэтому мы внутренне истолковываем фразу как утверждение "все, что существует, есть материя". Не является ли это простой заменой одного слова другим, чисто условным соглашением говорить "материя" вместо "существующее"? О, нет! Дело в том, что термин "материя" прочно связан в нашем подсознании с безжизненностью и автоматизмом, следовательно тезис "все сущее есть материя" означает для нас "все сущее есть автомат". Основное философское положение Ленина, как мы видим, оборачивается нечем иным, как "принципом" Лейбница, за попытку доказать который он сделал выговор Бойлю. Проникнувшись этим убеждением, мы прежде всего становимся атеистами: ведь Бог явно не есть материя, значит Он существовать не может. А попутно нам становятся не страшны никакие факты и явления. Люди видели знамения? Это массовая галлюцинация. Каждый из нас носит в себе нравственное чувство? Это сублимация сексуального влечения. У павлина красивые перья? Это произошло само собой, в результате случайных мутаций и естественного отбора. Замечены летающие тарелки? Это неизвестные пока атмосферные явления. Найдены загадочные памятники древности? Это прилетали инопланетяне. Исчезают самолеты в Бермудском треугольнике? Это следствие особого строения земного магнитного поля. Ответ готов на все, и ничто не может сокрушить фундаментального постулата, что все крутится механически, без цели и смысла, подчиняясь роковым алгоритмам, возникшим неизвестно когда и неизвестно почему.

(Продолжение следует)

Лев Тимофеев

ТЕХНОЛОГИЯ ЧЁРНОГО РЫНКА, ИЛИ КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ

8

Просто удивительно, насколько легко разрешимы любые хозяйственные проблемы у нас в стране. Многим кажется, — и это мнение поддерживается официально, — что нужны годы и годы, чтобы "поднять" сельское хозяйство, нужны крупные капиталовложения, техника, кадры. Днепрогес нужно было возвести, теперь КамАЗ нужно построить, БАМ проложить... Да ничуть не похоже! Все эти сложности накручены лишь для того, чтобы скрыть правду: достаточно освободить колхозы и совхозы от жестоких административных ограничений и запретов, стесняющих хозяйственный маневр, — и тогда крестьянин сам "поднимет" и сельское хозяйство страны и свою собственную жизнь, да и все днепрогесы, камазы и бамы и построятся скорее и с большей отдачей заработают...

Несколько лет назад в стране исчез репчатый лук. Совхозы и колхозы не могли покрыть дефицит. И тогда в некоторых южных областях колхозам разрешили сдавать поля в сезонную аренду приезжим из Казахстана корейцам, мастерам возделывать лук. И что же? Урожай и сборы лука возросли в несколько раз в первый же сезон. Как просто!

Испытывая нехватку рабочих рук, руководители наших среднерусских хозяйств, стали приглашать — с согласия начальства, конечно, — сезонных рабочих из города, гарантируя им твердый и достаточно высокий процент от собранного количества картофеля, овощей или фруктов. Полученные таким образом продукты сезонники продают в городе по базарной цене. Дело настолько выгодное, что привлекает даже хорошо оплачиваемые категории горожан. И что же? Там, где такая система прижилась, картофель больше не уходит под снег, помидоры не гниют в поле, не пропадают богатейшие урожаи яблок. Чего же проще?..

Но почему только приезжих нанимают для такой работы? Почему лишь приезжим сдают в аренду землю? Неужели корейцы настолько лучше лук возделывают, чем русские крестьяне? Неужели какой-нибудь кандидат технических наук копает картошку тщательнее, чем сельский житель? Я спросил об этом одного мудрого председателя колхоза в Тульской области:

— А если мы своим колхозникам землю в аренду сдавать станем или четверть собранного картофеля отдадим за уборку, кто же из них по нарядам работать пойдет? Для кого тогда нормы и расценки существуют? Нам что же, распускать колхозы? Нет, воспитательная атмосфера в хозяйстве будет невыгодная...

Да, мы же совсем забыли! Нас воспитывают.

Социализм воспитывает нового человека — так говорилось и говорится. Подождем, когда воспитает. Но кто же из наших знакомых к идеалу нового человека ближе? Гавря Тюкин и его жена, которые, отработав день в колхозе, последние силы оставляют на приусадебном огороде? Или Афонька-ветеринар и его товарищи, которые верой и правдой готовы служить каждому новому секретарю райкома, пусть бы

он заставлял их делать совершенно противоположное тому, что вчера ими делалось? Может, идеал — Аксинья Егоровна, всю свою жизнь безропотно кормившая чиновников, которые продуманно мешали ей нормально жить и работать, — ее фото только после смерти с Доски Почета сняли? Или сам Леонид Ильич Брежнев — идеал исполнительного чиновника, чье житие подается нам в сусальной обложке?

Уж мы-то точно дальше от социалистического идеала, чем партийные функционеры. В нашей преданности социалистическим идеям начальство не уверено: нам на каждом столбе, на каждой стене висит напоминание: работай лучше... выполни план в четыре года... нынешний год работай за двоих... В цеху, в автобусе, в доме отдыха — всюду. Даже в доме призрения одиноких стариков, где каждое утро двоих-троих в морг несут, и тут прочтете при входе: "Поможем Родине ударным трудом..." Даже в психиатрической больнице.

Но нету лозунгов ни в строгих коридорах обкомов партии, ни в здании ЦК, ни в санаториях, где отрешаются от повседневности высшие партийные чиновники. К воротам их загородных дач не прибьют табличку "Дом образцового быта", какие лепят к стенам нищих деревенских изб. Друг другу они никакими глупостями досаждать не будут. Тут *новые* люди не воспитываются; кто сюда назначается, того и считают *новым*.

Но не надо думать, что они спокойно почивают за высокими заборами своих загородных дач, что размеренно гуляют, обстоятельно питаются удивительнейшей едой из распределителя и в ус себе не дуют, — *НЕТ!* Как они вертятся! Как они работают! Сколько совещаний, предложений, постановлений! А ради чего? Да чтобы с земли, напрямую им подвластной, — с этих 98/100 пахотного клина — получить

хотя бы 2/3 произведенного сельскохозяйственного продукта, — уж хоть бы не меньше!

Они крутятся, не спят ночей, ездят по плохим дорогам, стучат кулаками и ногами, кричат, приходят в отчаяние, заставляя людей трудиться *сознательно* (то есть бесплатно) на этих 98/100 земли. И пока они развивают бешеную деятельность, подкрепляя ее лозунгами, знаменами и газетными статьями, прославляющими социалистический труд, на остальных 2/100 земли, на крошечных участках люди тихо и спокойно работают и кормят *половину* всего населения страны... Но почему же так? Разве трудно представить себе, какого богатства достигнет страна, если снять сдавливающие запреты на хозяйственную инициативу?

Да нет, конечно же не духовный облик народа тревожит распорядителей хозяйственной политики, когда речь заходит об экономической самостоятельности крестьянина. Тут интерес более близкий: быть или не быть государству партийной бюрократии? Самостоятельность хозяйственная грозит стать самостоятельностью политической.

В конце шестидесятых годов, в либеральные времена разговоров об экономической реформе один хозяйственный безумец, чье имя стоит запомнить, Иван Никифорович Худенко, уговорил какие-то советские инстанции пойти на "эксперимент": вместо многочисленных банковских счетов, по которым не только финансируется, но и до каждого чиха контролируется и регламентируется деятельность совхоза, открыли ему один единственный счет и предоставили самому решать, сколько на что потратить следует. И что же? Себестоимость зерна в этом совхозе оказалась в четыре раза ниже, чем всюду, прибыль на одного работника — в семь раз, а заработки — в четыре раза выше, чем в

других совхозах. Производительность сельскохозяйственного труда выросла в три раза... Казалось бы, при наших постоянных хозяйственных трудностях Худенко должен бы стать национальным героем. Но нет. "Нам нужна не всякая производительность народного труда". Худенко умер вскоре, присужденный к трем годам заключения, в лагерях строгого режима.

Судьба его эксперимента поможет нам понять саму суть экономической политики государства. Обратимся к свидетельству участника этой истории, опубликованному десять лет тому назад:

"Я и трое моих товарищей, все инженеры-проектировщики с высшим образованием, встретились с организатором и руководителем эксперимента И.Н. Худенко и предложили свои услуги. Скажу, что нам сначала показалось трудно. Выяснилось, что мы совершенно не приучены и не умеем самостоятельно принимать решения, хотя трое из нас работали в должности главных конструкторов и архитекторов проекта. Какие дома строить, из каких материалов? Как строить, какие механизмы приобретать в первую очередь? Все это мы стали решать сами. А через некоторое время вошли во вкус, почувствовали себя творцами общего дела, настоящими хозяевами.

Я не знаю, сколько существует... соседний овцесовхоз, но водопровода у него нет и по сей день. А проектируют его уже лет пять-шесть, и денег на подрядчиков овцесовхоз потратил уйму. Наше звено строителей проработало в этом поселке меньше года, а вода уже весело зажурчала в кранах наших первых квартир и на все объекты подается. Мы сами построили в несколько месяцев скважину и водонапорную башню — без проекта и без сметы. Смета нам вовсе ни к чему — ведь ни норм, ни тарифов, ни расценок на виды

работ у нас нет и агитировать тут никого не надо: чем меньше будут затраты, тем выше заработок каждого...

Получили мы одновременно с хозяйством обычного типа — Бурундайским откормсовхозом — импортные агрегаты для производства травяной муки. Бурундайцы их еще не пустили, а у нас они уже с середины прошлого года нормально работают и дают отличную продукцию. Дело опять-таки в том, что мы не открывали специального финансирования, не искали подрядчика. Сразу взялись за дело и в срок, за который вряд ли можно было успеть оформить все бумаги, смонтировали агрегаты, наладили и освоили производство. Сделали все быстро, но... с нарушением установленной процедуры. Проектировали механическую часть проектанты, хотя и с разрешения своего руководства, но не по плану — внеурочно. Налаживали автоматику самые квалифицированные специалисты также сверхурочно, привозили мы их к себе в хозяйство на субботу и воскресенье. И платили наличными, по договоренности, без норм и расценок, а так, как считали выгодным для дела. Не скрою, переплачивали, видимо, наладчикам в сравнении с существующими тарифами, но зато завод работает...

Когда мы спрашивали Худенко, можно ли сделать то-то и то-то, хотя это по действующему порядку не положено, он неизменно отвечал: "Делайте так, как это наиболее целесообразно и выгодно с соблюдением государственных и своих интересов. Ошибки могут быть, но за них не убьют..."¹

Убили.

И с точки зрения защитников системы было за что убивать: Худенко *взорвал* чёрный рынок, он пустил в

1. Литературная газета, 18 ноября 1970 г.

него свет и воздух открытых рыночных отношений.

Смета, нормы, расценки — весь этот финансовый механизм, без которого преступно обошелся Худенко, так устроен, что позволяет *бесплатно* отнять у работника значительную часть произведенного им продукта, выталкивая его самого на *чёрный рынок*. При помощи этого механизма правящий класс отнимает у крестьянина необходимый продукт, заставляя добирать в приусадебном хозяйстве. Механизм этот строго охраняется системой запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный манёвр.

Худенко же, связав работника прямым материальным интересом с конечным результатом труда, не оставил в хозяйственной практике места для партийной бюрократии — *запрещать* стало нечего и *отнимать* стало негде.

Совхоз как бы заслонила от внешних административных властей. Хлеб — пожалуйста. Травяная мука — пожалуйста. А с вашим фискальным досмотром, с вашей полицейской опекой — пойдите прочь! "Кушать — кушайте, а к хозяйке на кухню свой нос не суйте!" — говаривал Худенко.

Административные власти могли только одним способом влиять на положение дел в таком хозяйстве, буде "эксперимент" доведен до конца: снижать или повышать цену на технику, материалы, удобрения... **ТОРГОВАТЬ.**

Худенко предлагал партийной бюрократии стать торговым партнером. А стать торговым партнером — значит довольствоваться лишь частью прибавочного продукта, оставляя крестьянину тот необходимый продукт, который сейчас через завышение нормы и занижение расценки попадает в руки партийной бюрократии без всяких торговых церемоний.

Стать торговым партнером — значит выпустить из рук абсолютную привилегию власти. Стать торговым партнером и таковым же сделать крестьянина — значит дать ему свободно дышать, дать ему почувствовать себя человеком, дать ему дорасти до гражданского самосознания — а вдруг и отличного от того образа мыслей, который насаждается партийной бюрократией?

Стать торговым партнером — значит везде и на всех уровнях общественной жизни соревноваться в том, чтобы как можно полнее удовлетворить материальные и духовные потребности народа, *конкурировать...* Но с кем конкурировать?

Стать торговым партнером — значит допустить риск возникновения конкурента, допустить риск проиграть в конкуренции; а учитывая многолетний отбор бездарности в правящую структуру, проигрыш почти неизбежен.

Да кто же согласится на такую судьбу? Худенко был наивным мечтателем, жертвенным героем, которому наши потомки, несомненно, воздадут должное.

Но разве нет у нас колхозов и совхозов, где все банковские счета на месте, а производительность труда лишь немногим меньше, чем у Худенко была? Разве нет у нас отлаженных, производительных хозяйств, добившихся экономического успеха в *границах* существующих административно-хозяйственных порядков? Есть. Но правильно ли мы понимаем, где эти границы проходят?

Приглядимся, — и за гласной хозяйственной жизнью, за жизнью *подставленной* нашему взгляду — с подъемом флага в честь лучшего механизатора, с вручением отрезов дояркам на 8 марта, с трехстворча-

тым шкафом знакомой нам семьи Александровых — не станет ли нам различима иная хозяйственная реальность — тайная, негласная чёрнорыночная.

Что поможет нам добыть строительные материалы сверх мизерного лимита? Все знают: подкуп и спекуляция... Что помогает приобрести запасные части, без которых машинный парк с места не сдвинется? Подкуп и спекуляция. Что поможет приобрести бензин и солярку? Сдать мясо на мясокомбинат? Найти железнодорожные вагоны, лес, солому, нужные породы скота, подрядчика на строительство? Подкуп, спекуляция, коррупция.

О существовании этой сферы хозяйствования все хорошо знают — всех и каждого она хоть и краем, но обязательно касается. Иной раз и пошире откроется в застольных откровениях пьяного председателя или его доверенных лиц. Но охватить ее общие границы — кому сегодня удастся? Кому удастся различить, как сквозь сияющий образ передового колхоза, созданный фотоочерком в "Огоньке", проступает черный задник экономической нелегалщины, тайных хозяйственных махинаций, скрытого обмана?

Впрочем, от кого скрытого? Разве что от нас, читателей центральной и местной печати, которым эти колхозы подаются как высшие достижения *социалистического* хозяйствования. Но не от райкома партии, — отсюда все границы видны.

Партийные органы хорошо осведомлены о чернорыночных операциях — если не по частностям, то в принципе. Где надо, они разрешат обойти запрет, где надо — отвернутся, но как только уровень хозяйственной самостоятельности минует "худенковскую черту" — так и лапу наложат. Они не боятся чёрного рынка. Это не страшно, что кто-то с их ведома обходит

запреты — лишь бы не стремился их вовсе отменить! Лишь бы не *открытый рынок*, лишь бы не административно-хозяйственная самостоятельность.

В условиях открытого рынка партийной бюрократии нечем будет оплачивать свою государственную политику, неоткуда будет изъять те огромные средства, которые практически в любых количествах можно получить через систему тарифов, норм, расценок, культивируя *чёрный рынок* как сферу подконтрольной инициативы.

Чем же чёрный рынок отличается от рынка открытого? В конечном счете тем, что через механизм чёрного рынка финансируется *политика* партийной бюрократии, тогда как механизм открытого рынка в первую очередь подталкивает развитие экономики.

Чёрный рынок — механизм поддержания стабильности политической системы, ее независимости от экономических законов.

Открытый рынок — механизм поддержания стабильности экономической системы, ее независимости от законов политической жизни.

Или рынок или социализм. Или стабильность экономическая или независимая от благосостояния общества стабильная политическая система. А поэтому все разговоры о рыночном социализме — праздное занятие. Наиболее умные представители государства понимают это. Вот почему партийная бюрократия никогда не разрешит широкую аренду земли, вроде той, что открыта корейцам. Вот почему обречен был "эксперимент" Худенко. Вот почему много разговоров, но мало дела вокруг *безнарядной* оплаты труда в сельском хозяйстве и бригадного подряда в строительстве, которые имеют реальный смысл лишь в том случае, если достигнут уровня хозяйственной самостоятель-

ности худенковского совхоза.

Наиболее умные представители государства прекрасно знают, что социалистическая система не тянет, проигрывает в мировом экономическом соревновании с открытым рынком. Это было ясно уже более пятидесяти лет назад — в расцвет НЭПа. Именно этот четко наметившийся проигрыш заставил Сталина понять и изречь то, что еще непонятно было Ленину: "Нам нужна не всякая производительность труда..."

Но нет, обыденное наше сознание никак не может взять в толк — почему *всякую-то* использовать нельзя? Почему же увеличение производства продукции в три, пять, десять раз не радует власть имущих? Нам кажется, все можно объяснить, все понять... Ну, хорошо, — сидят они над нами, и пусть сидят. Никто на их власть не посягает. Пусть только дышать дадут, узду ослабят... Ведь сами же смогут от большого продукта большую часть иметь... Ведь не все же там наверху афони, вроде абрамовского героя, есть же умные, знающие люди, — что же они-то не поймут никак?.. Что же никак не найдут разумную грань между полным отрицанием открытого рынка, написанным на знамени социализма, и его использованием для социализма?

Наше обыденное сознание никак не хочет признать, что в тупик залетели, и все ищет, все ищет, — и не желая принять истинную причину, ссылается на ложные: мол, во всем воровство виновато — воров бы к стенке!.. да нет, во всем виновато засилие нацменов... ищите причину в бюрократизации, в волоките... вредительство... твердолобая старость... В этих суждениях — надежда найти спасительную частность. Пусть, пусть остаются они наверху, пусть только узду ослабят... Думать о переменах страшно. Перемены — с кровью!

До каких же пор в условиях социалистического государства можно освободить рыночные отношения? А насколько можно, настолько они и освобождены — в рамках чёрного рынка. Здесь вполне можно положиться на инстинкт самосохранения партийной бюрократии, вполне можно доверять ее абсолютному нюху на крамолу — экономическую и политическую.

Случай с Худенко и показывает, до каких пор можно снять запреты — "худенковская черта" есть крайняя граница экономической свободы в нынешних условиях. Дальше вроде бы никто не заходил, да и на этой черте мало кто побывал. По крайней мере, нам такое неизвестно...

"Эксперимент" Худенко, продолжавшийся всего только два года, принес государству более миллиона рублей прибыли, но сам организатор дела был осужден за то, что не сумел отчитаться документально за семь тысяч рублей, потраченных на нужды управления хозяйством. Смехотворные обвинения! И это несмотря на то, что "соотношение обслуживающего управленческого аппарата к рабочим в экспериментальном хозяйстве составляет 1:40, а в соседнем хозяйстве 1:3,6".²

В десять раз экономнее! Да разве действительная экономия интересует нашу правящую структуру? Это была та наглядная экономия, которая грозила пошатнуть существующий государственный порядок. Обещая миллионы прибыли, Худенко ставил под сомнение систему власти.

Те, кто в порыве реформенного вдохновения разрешил "эксперимент", в последний момент предали его. Все эти "умные", широкомыслящие, "знающие"

2. Лит. газета. Там же.

партийные работники, которых мы в своем сознании должны противопоставлять пьяному Афоне, отвернулись от него. Мы хорошо знаем, что без санкции партийных органов ни один волос не упадет с головы крупного хозяйственника. Здесь — санкционировали. Называют и фамилию человека, который вначале поддерживал, а потом предал Худенко: член политбюро Кунаев... Нужен был юридический прецедент, чтобы другим неповадно было, — и его создали!..

Слово "эксперимент" я всюду писал в кавычках, потому что какой же это эксперимент? Это как раз естественные хозяйственные отношения, проверенные веками. Все остальное — и есть исторический эксперимент, продолжающийся уже более шестидесяти лет.

9

Думалось кому-то прежде: социализм — царство светлой справедливости. От каждого по способностям, каждому по труду. Вгляделись, а перед нами грандиозный чёрный рынок: ты — мне, я — тебе. И способности нигде реализовать, и труд остается неоплаченным, и жизнь уходит на суету: где бы чего достать съестного — хоть за тысячу верст, — да наготу не мешком прикрыть. Видим: социалистическую страну не накормить без сорока миллионов частных хозяйств. Знаем: заводы встанут без сырья и материалов, если не помогут ловкие толкачи-снабженцы, специалисты подкупа и спекуляции. Да что там — толкачи: в партийный-то аппарат работать не зазовешь, не подкупая доступом в партийный распределитель, внеочередной квартирой и другими привилегиями и льготами.

О таком ли социализме мечталось? Теперь и партийные теоретики проклинаят того простодушного

дурачка, который ляпнул, не подумав: "Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Ладно, коммунизм-то объявить можно. Но жрать-то что при коммунизме будем?

Общеизвестно, что планы по темпам роста сельскохозяйственного производства за прошлую пятилетку выполнены едва на 60%. А дальше — лучше ли? За 1976 год поголовье свиней в стране уменьшилось. В том же году колхозы и совхозы произвели мяса на полтора миллиона тонн меньше, чем в 1975 году. В начале 1977 года в московских магазинах появилась новозеландская баранина, и слава Богу, время от времени появляется вновь и вновь... Публикуя в начале 1979 года ежегодное сообщение об итогах выполнения хозяйственных планов за предыдущий год, ЦСУ вообще опустило какие бы то ни было данные о производстве мяса, молока, птицы... Плохой знак.

На десятую пятилетку запланирован рост производства мяса на 10 - 11%, но даже если запланированный уровень чудесным образом будет достигнут, не вырастут ли более быстрыми темпами потребности населения?

Партийные чиновники пытаются компенсировать органические пороки хозяйственной системы хорошо известными им методами административного давления. Десятки тысяч совещаний проходят ежедневно на разном уровне. Но достаточно послушать, что говорится на одном из них — методы одни повсюду. По воле случая — от одного из очевидцев — мы знаем дословно, что говорилось на весьма высоком уровне: выступая в феврале 1977 года на совещании секретарей обкомов партии, посвященном проблемам сельского хозяйства, член политбюро — ныне умерший — Ф. Кулаков высказывался в том смысле, что "три шкуры

будет драть с тех, кто недостаточно инициативно подойдет к решению вопроса". Столь своеобразное понимание инициативы было высказано в связи со снижением интереса некоторых хозяйств к посевам гречихи, которое произошло из-за того, что закупочные цены и приблизительно не оправдывали затрат на эту капризную и трудоемкую культуру.

Несколько недель спустя тот же представительный политик уже на другом совещании заявил буквально следующее: "Мы вопрос ставим так: "Ты не секретарь райкома, если нет овощей в магазинах твоего района..."

Понятно, что по мере приближения идеи от члена политбюро к непосредственному производителю продукта, распорядительный тон будет становиться более резким. Таков административно-феодалный стиль хозяйственной политики во всей его красе.

Но беда в том, что на самом последнем звене бюрократической цепи — разрыв! Крестьянина так не заставишь работать больше, чем он работает, поэтому мы должны серьезно усомниться, что в магазинах страны появится намного больше, чем сегодня, овощей и гречневой крупы. Впрочем, может статься, что появится гречка, но исчезнет, скажем, пшено или еще какой-нибудь продукт, производство которого в какой-то период времени было упущено из личного внимания покойного Федора Давыдовича Кулакова или его преемников...

Иван Никифорович Худенко мечтал в двадцать раз поднять производительность труда в сельском хозяйстве и знал как это сделать. Знал, как организовать дело, чтобы пять миллионов сельских жителей, которых он предполагал оставить в деревне, — да нет, которые сами остались бы с радостью — кормили бы до сыта всю страну... Все знают, что продовольствен-

ная проблема была бы легко решена... но воспитательная атмосфера будет неблагоприятной.

Да какая там воспитательная атмосфера! Кто же верит этим воспитательным лозунгам и наглядной агитации? Совсем не в воспитании дело: дело в том, что черный рынок грозит перерасти в рынок открытый, где правящая структура уже не сможет с такой легкостью распоряжаться произведенным продуктом.

Нет, "нам нужен не всякой рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда..." Да и вообще, не столько производительность народного труда нам нужна, сколько власть распоряжаться произведенным продуктом. И не потребности народа будут определять хозяйственную политику государства. Нет, наоборот, — политика правящего класса будет влиять на потребности людей, давить их и ужимать.

Уже сегодня потребности населения в мясе удовлетворяются лишь наполовину, и распределение мяса в крупных промышленных центрах (таких, например, как Ростов-на-Дону, Одесса и многих других) происходит строго лимитированно по месту работы главы семьи, то есть являет нам, по сути, замаскированную карточную систему.

Сейчас в стране производится в год на душу городского населения сельскохозяйственной продукции на 390 рублей, а покупается продуктов питания на душу населения в Москве — на 547 рублей, в Киеве — на 415 рублей... а в Одессе — на 286 рублей, в Рязани, Тамбове, Перьми — и того меньше. Одесса все-таки центр той южной степной России, которая должна была, по мнению Сисмонди, — и вполне могла бы, по опыту Худенко, переполнить рынки Европы дешевым

хлебом.³

Но если у крестьянина есть приусадебное хозяйство, где он может добрать необходимый продукт, то как быть промышленному рабочему? А все так же. Все с большей настойчивостью и промышленный рабочий выталкивается на чёрный рынок, понуждается продавать здесь свою рабочую силу, чтобы нормально жить, нормально питаться...

Здесь нужно пожалеть читателя. Это должно быть очень утомительно, когда разговор все о питании, все о пище земной, а не о духовной, все о жратве да о жратве, — все взвешивать да сравнивать, кто сколько съедает, кто сколько потребляет, — кто больше, кто меньше. Не голод же, не катастрофа, не война, — сыты ведь, с голоду никто не пухнет и детей рахитичных не так уж много. Сколько же можно на чужой кусок зариться, в чужой рот глядеть, чужое чревоугодие исследовать? Тут всякий читатель скажет: да хватит уж об этом! — и тот, кто от пуза живет, и тот, кто в ниточку тянется. Оба и скажут: не хлебом единым жив человек... Один заявит, указывая барственно, другой — стесняясь, оберегая свое человеческое достоинство, нищеты — *нищета унизительна*, собственную нищету лучше не замечать, очень уж горько. "Давайте о другом!" — скажут оба.

А это и есть — о другом. Это разговор об унижении, о развращении рабочего человека, который уже сегодня *мог бы* сделать свою страну изобильной. И не наша вина, что разговор об экономике страны все никак не минует тему элементарного потребления. Тем и

3. Приведенные материалы опубликованы в специальном издании "О продаже и ценах на колхозных рынках", М., 1975. Я уже цитировал эту брошюру-справку, но именно здесь уместно сказать, где ее найти: в спецхране "Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки". ДСП № 3762.

живем сегодня, таковы и заботы наши: о куске хлеба заботимся в суете и беспокойстве.

Восемь часов в день должен трудиться рабочий в наше время, чтобы создать все необходимые обществу блага. Шесть или даже пять часов на особо трудных работах. Сорок часов в неделю. Но мы знаем: в стране нет предприятий, где бы рабочие не оставались сверхурочно после двадцатого числа каждого месяца и ежедневно в последние месяцы года. Мы знаем: огромное число рабочих вынуждены искать *левого* заработка, *халтуры* вне завода или стройки.

Во внеурочное время строительный рабочий предлагает населению услуги по ремонту квартир. Во внеурочное время шофер самосвала предлагает населению рейс с грузом песка или гравия. Во внеурочное время его товарищ по цеху разводит в квартире кроликов и выходит с ними на базар, занимая место рядом с крестьянином.

При этом сплошь да рядом продаются не только товар или услуги, но и ворованные по месту основной работы материалы, инструмент, на время украденные механизмы (грузовая машина, украденная на один-два рейса). Да и время-то не всегда неурочное. Сплошь и рядом рабочий научился обманывать начальство, и в цеху, в официальное рабочее время исполняет *левые* заказы.

А как же иначе? Если реальный — на руки — заработок промышленного рабочего 150-180 рублей, а мясо на базаре стоит по 5 рублей за килограмм, картофель — по 40-50 копеек, соленая капуста — и та подорожала со времени, когда к ней приценялась Аксинья Егорьевна, и теперь стоит рубль за килограмм и в будни, — как же иначе? Купить в магазине? Но там не дешевле, поскольку с прилавка в

магазине — нигде, кроме Москвы, — мясо не купишь — дефицит — а если продавцу *на лапу* давать, обойдется как раз по рыночному. Картофель, может, и свободно есть в магазине, но две трети выбросишь при чистке. Может быть, поэтому "в снабжении населения картофелем в Баку, Краснодаре, Армавире, Мичуринске, Запорожье доля колхозного рынка занимала 41-48%, в Днепропетровске, Балашове, Одессе — 66-77%..."⁴

Хорошо, если у горожанина есть родственники в деревне: "Родным (живущим в городах. — Л.Т.) помогают 21% семей без личных хозяйств и 70% семей с наиболее крупными хозяйствами... Участие личных подсобных хозяйств сельских жителей в снабжении городского населения продуктами питания (имеется в виду родственная взаимопомощь. — Л.Т.) пока вообще не учитывается, хотя грубые подсчеты показывают, что объем продукции, перемещающейся по данному каналу, сопоставим с оборотом колхозного рынка"⁵ А если нет ближних в деревне? Если новоиспеченные горожане поторопились выписать в город и стариков, надеясь на лишние метры жилплощади, — как теперь они обойдутся? С базара не проживешь.

Нет, промышленный рабочий или строитель за восемь часов ежедневного труда, оплаченного по существующим нормам и расценкам, не может заработать достаточно, чтобы кормить семью и существо-

4. "О продаже и ценах..."

5. Т.П. Антонова. К вопросу о влиянии размеров личных подсобных хозяйств на занятость сельского населения, досуг и материальное потребление. В кн. Современная сибирская деревня. ч. I., стр. 140 ... И это все с тех же полутора-двух процентов пахотной земли!!!

вать самому. Чтобы купить мясо через заднюю дверь магазина. Или сапоги у спекулянта. Чтобы дать взятку там, где это требуется для обретения элементарных благ. Не может. И тогда *он вынужден* оставаться в цеху сверхурочно. Или, выйдя из цеха, искать дополнительный заработок на стороне. Или воровать. Или тратить время на производство овощей у себя в огороде... Без этой деятельности вне "планового" рабочего времени, без этой торговли собственным трудом на негласной *чёрной бирже* ему не прожить. Да и профессиональным политикам не сохранить стабильность системы, не прикупая труд рабочего вне "плановой" системы — то есть на *чёрном рынке экономики*. (Понятие "плановый" не надо бы вообще противопоставлять чёрному рынку. Все эти чернорыночные отношения тоже *запланированы*. Только, понятно, кто же предаёт гласности такие *планы*?)

Сколько же надо платить рабочему, чтобы он мог заработать за восемь часов труда нормальное существование себе и своей семье? Увы, у нас в стране нет сколько-нибудь реального понятия *о стоимости рабочей силы*. Экономисты, которые пытались ввести это понятие и проанализировать его, проанализировать движение рабочей силы как товара, неоднократно биты защитниками официальных научных канонов и стали едва ли не самыми распространенными *отрицательными* персонажами производственных романов и повестей.

Вот только что опубликованное подцензурное свидетельство: "...Нет ни одной монографической работы, в которой хотя бы предпринималась попытка проанализировать рабочую силу как экономическую категорию в целом и при социализме, вскрыть как материально-вещественное, так и социальное ее

содержание.

Не решены еще и многие частные вопросы, в своей совокупности составляющие проблему рабочей силы. Многие из них пока что едва намечены, а некоторые даже не поставлены. Среди последних — вопрос об особенностях рабочей силы в эпоху развитого социалистического общества.

В научной и учебной экономической литературе на этот вопрос имеется один единственный ответ — она перестала быть товаром. Положение, конечно, бесспорное...”⁶ Признав это положение бесспорным и сам обличитель советской экономической науки ни на шаг вперед не продвинулся.

Рабочая сила — товар. И это хорошо знают те, кто стремится взять ее подешевле. Здесь мы можем привести пример, который косвенно покажет нам отношение советского руководства к стоимости рабочей силы. Речь идет о послевоенном восстановлении завода “Запорожсталь”, с которым связана биография Л. Брежнева: “Многим тогда казалось, что проще и дешевле было бы подорвать уцелевшие конструкции, разобрать их полностью, а затем уже строить завод заново. Так и рекомендовали поступить специалисты из ЮНРРА — международной организации, занимающейся помощью странам, которые пострадали от фашистского нашествия. Побывав в Запорожье, они в один голос заявили, что восстановить разрушенное вообще невозможно, а если кто и решится на подобный эксперимент, то потратит на это больше средств, чем на строительство нового завода. Однако страна остро нуждалась в тонком холоднокатаном листе, производ-

6. Б.Л. Цыпин. Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества. М., 1978, стр. 5.

ство которого должна была обеспечить первая очередь "Запорожстали", и советские люди опрокинули все прогнозы и предсказания иностранных специалистов."⁷

Позвольте, да какие же прогнозы опрокинулись?! Попросту вопрос *дороже* или *дешевле* снимается. Нужно! Потратили больше средств, чем на строительство нового завода? Да каких средств-то? Рабочая сила почти бесплатная ведь.

Иностранные специалисты вообще очень часто попадали впросак, оценивая те или иные экономические возможности нашей страны. Они исходили из факта определенной стоимости рабочей силы. Между тем стоимость рабочей силы в стране на практике оценивается весьма приблизительно и субъективно в зависимости от того, как правящий класс понимает общественную необходимость. Общественно-необходимая норма удовлетворения индивидуальных потребностей в некоторых случаях может понижаться до бесконечности, до лагерной пайки. Оставим при этом в стороне тот аргумент, что, мол, "страна остро нуждалась". После войны все страны остро нуждались, и восстановление хозяйства, скажем, в Западной Германии шло не менее высокими темпами, хотя там рабочая сила — товар отнюдь не самый дешевый. А может быть, как раз поэтому?

Не только в годы послевоенной разрухи, но и до сих пор, будучи полновластными распорядителями *чёрного* рынка, хозяйственные руководители страны вынуждают рабочего продавать свой труд за бесценок, вынуждают его работать значительно больше восьми часов. Причем, приобретая сверхурочный труд рабо-

7. Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1976, стр. 47.

чего, высокопоставленные покупатели так являют дело, что нам кажется, будто бы это сам рабочий плохо работал положенные восемь часов и теперь должен наверстывать упущенное, поскольку "страна нуждается". Достигается это при помощи все тех же норм и расценок: за все труды ему платят столько, сколько должны бы заплатить за восьмичасовой рабочий день. Не останешься сверхурочно — не проживешь. А все попутные лозунги о нуждах страны — это, чтобы суть прикрыть. Если бы действительно нужды страны в расчет брались, все хозяйство иначе организовано было бы.

Нет, производительность неоплаченного труда расти не хочет. Щедрость и многотерпение рабочего не бесконечны. И если рабочую силу регулярно использовать, не возмещая ее общественной стоимости, человек начинает работать значительно ниже своих возможностей. Именно это и происходит у нас в стране, причем так явно, что даже партийные чиновники заметили этот процесс: "Довольно много руководителей указали на то, что за последние 10 - 15 лет изменилось отношение работников к труду. Если критические высказывания о технико-экономических аспектах производства единичны, то об отношении работников к труду доля критических высказываний значительно выше."⁸ Эта обратная связь — пожалуй самая важная черта сегодняшней экономической реальности...

Похоже, что рабочий и крестьянин живут сегодня почти одинаково. Но если жизнь крестьянина мы смогли хоть как-то проанализировать, используя данные и цифры открытой советской печати, то никакой серьезный анализ положения рабочих нам недоступен.

8. Р.В. Рывкина. Мнения руководителей сельского хозяйства... стр. 95.

Один остроумный француз заметил: "Рабочий мир настолько утратил свою индивидуальность, что из всех слоев советского населения о нем мы знаем меньше всего. Нам известны подробности жизни в лагерях, но жизнь на заводах остается почти полной тайной". И это резон сказать не только французскому советологу, но и нам, жителям городских кварталов, вплотную примыкающих к заводским корпусам.

Нигде не найдете вы статистики сверхурочных работ в промышленности и строительстве. Сами эти сверхурочные работы тщательно скрываются. Еще бы! Ведь партийная бюрократия хоть как-то, хоть косвенно может признаться, что крестьянство принесено в жертву интересам пролетарского государства, но кому в жертву отдан сам рабочий, от имени которого правящая структура руководит страной?

Да нет, не в том беда, что социализм выглядит не так, как мечталось: может ли он вообще выглядеть иначе? Беда в том, что перед нами безрадостная хозяйственная перспектива. Посвящая многочасовые говорения на Пленумах ЦК партии тому, в конечном счете, как повысить производительность плохо оплаченного труда, Брежнев никогда не забывает сказать о необходимости для крестьян, а в последнее время и для рабочих, вести приусадебное хозяйство. Но нет, личные хозяйства рабочих и колхозников с их техникой, переделанной из миксеров и пылесосов, с их ворованными строительными материалами не поднимут сельского хозяйства страны. Делая ставку на дальнейшую интенсификацию приусадебных хозяйств, правящая структура вновь устраняется от необходимости радикальных перемен в экономике. Страна нуждается не в "Товариществе огородников и садоводов", а в развитой аграрной индустрии, где сполна оплачивался бы весь

общественно необходимый труд... Впрочем, здесь разговор о нуждах страны заставит нас повторять то, что сказано выше.

* *
*

Простимся с Аксиной Егорьевной.

Ее портрет сняли с Доски Почета. Она свое отработала.

В апреле я, сколько мог, следил за ее домом, старался отвести весенние ручьи, чтобы не залило подвал, даже и в сам подвал слазил, посмотрел, не сочится ли где, а как сошел снег и прошла большая вода, поставил рухнувший было плетень, ограждавший ее огород со стороны улицы, — думал все, что кто-то из ее дочерей придет либо дом продавать, либо еще напоследок огород засадить.

Но не знаю, как это бывает, а без хозяина дом и вправду сирота. То ли я плетень плохо поставил, то ли еще где были дыры, но на участке стали появляться ежедневно чьи-то голодные овцы, бродячие свиньи и целый выводок шумливых гусей. Никто из родственников не ехал, и я уже с печалью предвидел, как на будущий год участок зарастет сорняками, амбар покосится и через огород мальчишки протопчут дорожки по всем направлениям... Но все оказалось иначе.

В середине апреля ко мне пришел колхозный скотник, — он хоть и жил через улицу, но мы были мало знакомы. Я знал только, что у него восемь детей — и всех этих мальчиков и девочек я всегда отличал от других деревенских ребятшек, но не мог отличить друг от друга, такие они все были рыжие и веснучатые — в отца.

— Вы на участок претендуете? — спросил он.

— На какой?

— На Оксин.

— Нет, не претендуем.

— Тогда я его займу, что ли, — как бы безразлично заметил он. Но уходя не выдержал безразличного тона. — Земля тут больно хороша. Раньше конный двор был — на два метра унавожена. Оксе повезло в жизни... Тут картошка пойдет, — и он вышел радостный, что ему досталась такая земля, что ему тоже повезло в жизни.

Москва

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата : 1 год — 36.00 ам. долл.,
6 мес. — 20.00 ам. долл., 3 мес. — 11.50 ам.
долл., 1 мес. — 4.00 ам. долл.

Адрес :

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

Тел. : (415) 921-5380, 5381

В. И. Алексеев и Ф. Ставру

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ

Глава 3. ПРИБАЛТИКА И РАЙОН ПСКОВА

Перейдем к описанию религиозного подъема и восстановления Русской Православной Церкви в оккупированных немцами областях России. К сожалению, этот подъем невозможно описывать без отступлений в область местной церковной политики Рейхскомиссариатов и истории борьбы между различными церковными группировками на оккупированной территории. В предыдущей части мы остановились только на основных принципах немецкой политики в отношении религии и Церкви и видели, что они предусматривали дифференциацию подхода к религиозным организациям в различных областях России. Поэтому при описании положения в этих различных областях неизбежно приходится возвращаться и к особенностям политики в отношении Церкви в отдельных областях.

А. Политика Рейхскомиссариата Ост в отношении Экзархата

Во время занятия немцами Прибалтики Экзарх Московской Патриархии Митрополит Сергей (Воскресенский) вместо того, чтобы бежать с советскими войсками и администрацией, спрятался в под-

вале собора в Риге и таким образом избежал принудительной эвакуации. Бывший глава Эстонской Православной Церкви Митрополит Александр и глава Латвийской Православной Церкви Митрополит Августин, вынужденно подчинившиеся во время советской оккупации Московскому Экзарху, фактически отделились от него, уводя за собой те приходы, которые состояли из прихожан, большинство которых были эстонцы и латыши, в то время как приходы с преобладанием русских прихожан остались в подчинении Экзарха Сергия. Казалось бы сама судьба благоприятствовала церковной политике, предначертанной Розенбергом: Православная Церковь в Прибалтике сама начинала делиться по территориальному и национальному признакам. Однако в связи с дальнейшими планами национал-социалистов в этом районе произошло крупное изменение и смягчение немецкой политики в отношении Церкви. Уже 18 июня 1942 г. (за два дня до официальной публикации — до распоряжения — "Ферорднунга" — от 19 июня 1942 г.) в канцелярии заведующего общим (главным) отделом Восточного министерства ("Министериялдиректор") Лейббрандта¹ было совещание, на котором Лейббрандт заявил, что полное разделение верующих по строго национальному признаку не предусматривается, поскольку главная цель политики (в Прибалтике — авторы) этого не требует. Православные церкви в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русскими культурными учреждениями, чужды концепции жизненного пространства ("Лебенсраум"), и поэтому должны быть перемещены в "Райхскомиссариат Москва". Лейббрандт даже считал желательным, чтобы Православная Церковь в Прибалтике оставалась русской, а не становилась эстонской, латвийской и литовской, впро-

чем, без прямого вмешательства оккупационных властей. В отношении Белоруссии Лейббранд в корне изменял высказанную точку зрения, рекомендуя предохранять православную и католические церкви в этой республике, соответственно, от русского и польского влияния. При этом Лейббрандт прямо упомянул Епископа Виленского, очевидно, Экзарха Сергия, как лицо, могущее оказать нежелательное влияние на Белорусскую Православную Церковь. Зато Православной Церкви в Прибалтике разрешалось действовать в районе Армии Север, т.е. в районе города Пскова и далее, на восток и север.²

Таким образом, Экзархату в Прибалтике удалось сохранить русские православные приходы в географическом единстве, отчасти благодаря немецкой церковной политике в этом районе, зато, в случае победы Германии, Православная Церковь в трех Прибалтийских республиках была бы ликвидирована путем поголовного выселения всех православных в "Рейхскомиссариат Москва". Интересно, что немцы рассматривали православных эстонцев, латышей и литовцев как русских. Очень важно, что немцы решили не препятствовать Экзарху Сергию распространять свою деятельность на район Пскова, чисто русскую область.

Очень вероятно, что церковная политика немцев в Прибалтике в отношении Русской Православной Церкви в значительной мере объяснялась качествами Экзарха Митрополита Сергия (Воскресенского) и его опытом в переговорах от лица Церкви с НКВД, оказавшимся драгоценным при переговорах с немецкими оккупационными властями. Посылка церковной миссии из Прибалтики в совершенно опустошенную в церковном отношении Псковщину, по-видимому, является, в пер-

вую очередь, достижением выдающихся дипломатических способностей Экзарха.

Митрополит Сергей (Воскресенский)

Личность Экзарха вообще представляет для настоящей работы особый интерес: ведь это был один из четырех уцелевших в СССР к 1939 году православных епископов. По своему возрасту он был самым молодым из этих четырех епископов (около 40 лет), т.е. человеком, сложившимся уже во время коммунистической власти. Помимо этого, он был единственным советским епископом нового образца, оказавшимся на оккупированной территории в совершенно новых для него условиях, в положении главы нескольких сот приходов и нескольких епископов, ставших епископами в условиях демократических режимов. Понять психологию этого человека и проследить, хотя бы в общих чертах, за его деятельностью на оккупированной территории, значит получить ключ к пониманию не только того, что происходило в СССР перед Второй Мировой войной и во время нее, но и того, что происходит там в настоящее время. Нет никакого сомнения, что если бы Экзарх Сергей не оказался в 1941 г. в Прибалтике, а оставался бы в Москве, он был бы одним из кандидатов в московские патриархи, одной из главных фигур официальной Православной Церкви в России. К тому же немецкие архивы сохранили много документов, позволяющих охарактеризовать личность и деятельность Экзарха Сергея. Все это вместе взятое и заставляет авторов дать, по возможности, подробную характеристику этого интересного человека. В двух своих опубликованных работах В.А. Алексеев уже дал такую характеристику, откуда мы и заимствуем приводимые ниже факты.³

Будущий Экзарх Сергей, в миру Дмитрий Воскресенский, родился в Москве в 1898 или в 1899 г. в семье московского протоиерея и до коммунистического переворота учился в семинарии, которую не успел закончить. По мнению многих лиц, встречавших Сергия уже в Прибалтике в сане Митрополита, он производил впечатление человека начитанного, но без систематического образования. В начале революции, еще до принятия монашества, Дмитрий Воскресенский был послушником у последнего ректора Петроградской духовной академии Владыки Федора, который в это время жил в Москве в Даниловом монастыре. В 1923 г. Дмитрий Воскресенский принял монашество и стал о. Сергием. Данилов монастырь считался монастырем строгим и молодому послушнику жилось там нелегко. Искренне религиозный, воспитанный в строгой семье, молодой монах, тем не менее, любил жизнь и светские удовольствия, любил выпить и провести время среди молодежи. За эти склонности, проявлявшиеся и после поступления в монастырь, на Сергия неоднократно накладывались монастырские наказания — эпитемии, хотя многое ему и прощалось за ум и способности.

В 1926 г., видимо против желания Владыки Федора, о. Сергей начал работать в канцелярии Московской Патриархии. В 1929 г. он был хиротонисан во Епископа Дмитровского, фактически управлявшего в это время Московской епархией. Таким образом, Епископ Сергей сделался уже в возрасте приблизительно тридцати лет одной из руководящих фигур Патриархии. Надо не забывать, что годы его монашества до хиротонии были годами НЭПа. С материальной точки зрения жизнь в Москве была вполне удовлетворительной. Несмотря на гонения, церковная жизнь тоже была

очень интенсивной. Много епископов собралось в столице: политика советской власти в этот период сводилась к тому, чтобы не пускать архиереев в епархии. Как раз в первые пореволюционные годы русская интеллигенция, разочаровавшаяся в социализме, стала возвращаться в церковь. Москва была полна прекрасными проповедниками, замечательными хорами, протодьяконами с голосами, не уступавшими лучшим артистам Большого театра. Но пышное цветение православной культуры освещалось особым трагическим светом предстоящих массовых гонений. Было много героизма, красоты и величия во всем этом. Торжественные богослужения происходили чуть ли не каждый день. Церкви были переполнены молящимися.

Эти впечатления не могли не отразиться на художественно одаренной натуре будущего Экзарха Прибалтики. Вместе с тем как раз год хиротонии Сергия был годом первой пятилетки, годом ужасов коллективизации, годом начала разгрома внешнего величия православия. Большая часть церковных деятелей погибла или ушла в катакомбы, меньшая еще дальше пошла по пути компромисса, еще больше приспособилась к власти. Среди последних был и Сергей. Его честолюбие и способности направились теперь на защиту того, что еще, казалось, можно было защитить и спасти. Чтобы уцелеть и чего-то добиться от власти, надо было стать для нее своим человеком, частично заимствовать от ее представителей даже внешнюю манеру держаться. С этой задачей было невозможно справиться Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, человеку уже старому и старомодному, маститому иерарху, достаточно покладистому, но слишком привыкшему к хорошему тону. Эту опасную и не-

приятную роль и взял на себя молодой Епископ Сергей. Не в благодарность ли за эту помощь и возникла искренняя любовь Сергея старшего к Сергию младшему, о которой говорили все лица, сколько-нибудь знавшие обоих иерархов?

Линия поведения, взятая Епископом Дмитриевским Сергием, конечно не могла внушить доверия окружающим. В. И. Алексеев, бывший в это время в Москве и интересовавшийся жизнью Церкви, хорошо помнит, что очень многие считали Сергея молодого просто агентом НКВД в Московской Патриархии. Были и конкретные обвинения будущего Экзарха в доносах на духовенство. Насколько правдивы эти обвинения, конечно, в настоящее время установить трудно, но положение, в котором находился Епископ Сергей было таким, что появлению подобных обвинений удивляться не приходится. С другой стороны, из тех же источников известно, что в 1935 г. был арестован отец Епископа Сергея, что, конечно, свидетельствует о том, что связи сына в НКВД оказались не столь уже большими, хотя в условиях Советского Союза и большие связи детей не спасали от арестов и расстрелов их родителей.

Судя по краткому замечанию доктора Хейера⁴, в бывшей Польше московский посланец произвел неблагоприятное впечатление, — не епископа, а "типичного" московского купца. Иначе обстояло дело в Прибалтике. В.И. Алексееву удалось собрать много материала о деятельности Экзарха Сергея в Прибалтике от очень разных лиц. Интересно, что все эти разные лица очень дружно дали Митрополиту Сергию в общем положительную характеристику.

Уже 1 января 1941 г. умер Митрополит Елевферий Литовский, верный сторонник Московской Патриар-

хии, назначенный было Экзархом последней в трех прибалтийских государствах, и его место занял Архиепископ Сергей, возведенный в сан Митрополита.

Вскоре после приезда Экзарха Сергея в Ригу один Протоиерей, человек умный, образованный и наблюдательный, пригласил его к себе в гости на чашку чая. Экзарх охотно согласился. Вообще в нем, по словам Протоиерея, чувствовалась большая жажда всё видеть и всё узнать. На чай Протоиерей пригласил также нескольких друзей, молодых священников. Всем было интересно познакомиться ближе с Епископом из Советского Союза. Сергей держался непринужденно, почти светски и в то же время величественно. Заметим кстати, что и всех других лиц, общавшихся с ним, Экзарх поражал находчивостью и умением держать себя. Однако к величию князя церкви, по мнению Протоиерея, в Экзархе Сергии примешивалась сила лица, имевшего за плечами "солидную командировку". Поздоровавшись с присутствующими, Экзарх увидел радио, открыл его и сразу же показал хорошее знание музыки и имен советских артистов. Впоследствии ближе познакомившись с Протоиереем, Экзарх рассказал, что сам в молодости серьезно думал о карьере певца, но отказался от нее отчасти потому, что слишком большая нервность мешала ему хорошо держаться на сцене. Слишком большая нервность, однако, не помешала Экзарху прекрасно служить в церкви и показывать завидную выдержку в трудные минуты жизни. Тем не менее неврастения у него несомненно была, и обладая хорошим даром слова, Экзарх иногда произносил и плохие проповеди. Протоиерей не мог не заметить с самого начала, что Экзарх не принадлежал к разряду епископов-подвижников, но он сразу почувствовал в Экзархе бытовую наследственную церковность и,

добавим от себя, отпечаток того церковного величия московских богослужений, в атмосфере которого Сергей Воскресенский провел свою молодость.

Приступив к управлению Экзархатом Митрополит Сергей прежде всего начал с подтягивания духовенства в чисто уставном отношении: запретил сокращать богослужения, отпевать протестантов по православному чину (что случалось в Прибалтике) и т.д. Сказывалась как четкая линия, взятая в этом отношении Патриархией, так и собственная московская склонность Экзарха к уставному богослужению. Сам Экзарх служил красиво и истово, хотя, по словам Протоиерея, в алтаре позволял себе вольности, не вязавшиеся с общим взятым им тоном. Духовником своим Экзарх избрал настоятеля Рижского собора о. Василия Евстафьева, человека скромного, но глубоко верующего. Интересовался Экзарх эмигрантской богословской литературой. Один раз Протоиерей застал его за чтением одной книги известного в эмиграции богослова.

— Почему ваш профессор так скомкал Афанасия Великого? — обратился Экзарх недовольным тоном к вошедшему.

Было видно, что Экзарх знает Афанасия Великого и ему не безразлично, как в эмиграции интерпретируют творения святых отцов.

Сам Экзарх воздерживался от расспрашивания подчиненного ему духовенства, стараясь ничем не вызвать к себе подозрения, но в его окружении были лица, взявшие на себя эту неприятную миссию. Постепенно из расспросов выяснялось поведение отдельных представителей духовенства до прихода советской власти в Прибалтику. Проявлялся интерес к составу участников соборов, вынесших решение о выходе из юрисдикции Московской Патриархии. Иногда

чувствовалось, что сам Экзарх не доверяет своему окружению. Разрешая Митрополиту Сергию пребывание в Прибалтике, НКВД, по-видимому, для страховки окружил его доверенными людьми. Кроме того, в Москве в качестве заложницы оставалась горячо любимая им мать.⁵

В таких условиях наступило 22 июня 1941 г. Перед Экзархом встал вопрос об эвакуации. Власти, по всем признакам, получили приказ о его эвакуации во что бы то ни стало. Экзарх спрятался в подвале рижского собора и остался. Есть сведения, что секретарь Экзарха был за это расстрелян.

Почему личный друг Местоблюстителя, сторонник компромисса Церкви с безбожной властью поступил так решительно и определенно, несмотря на опасность, угрожавшую его матери? (О судьбе её у авторов сведений нет).

В июне 1941 г., если не большинство, то очень многие советские люди считали, что коммунистический режим не переживет серьезной войны. Быстрое наступление немецкой армии, паника в советском тылу могли только укрепить эту уверенность. Привычка к разного рода компромиссам, к гибкой тактике могла продиктовать попытку найти компромисс с новой силой — немецкой армией, шедшей на смену силе коммунистической. То, что Местоблюститель Сергей в первый же день войны выпустил в Москве патриотическое воззвание, ничего не значило. Наоборот, тем важнее было Экзарху Сергию попытаться заключить компромисс с немцами. Что поведение Экзарха не было продиктовано соображениями спасения только собственной жизни, показывают все позднейшие его действия. Ведь прятаться в соборе было вдвойне опаснее, чем эвакуироваться. Если бы советские власти

обнаружили спрятавшегося, он был бы расстрелян. Немцы тотчас же по занятии Риги арестовали Экзарха и вполне могло случиться, что он бы не вышел так скоро на свободу, как это оказалось на самом деле. Остается вопрос, знал ли Местоблюстителю Сергей заранее о том, что его Экзарх избежит эвакуации? На этот вопрос едва ли можно дать ответ на основании документальных данных. Во втором послании Местоблюстителю Митрополита Сергея "Православной и боголюбивой пастве московской", выпущенном в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 Октября 1941 г., есть такая фраза:

Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей люди, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви...⁶

Местоблюститель грозит этим пастырям церковным судом, но не называет их по имени.

Как известно, Рига пала уже 30 июня и к 14 октября антикоммунистическая позиция московского Экзархата в Прибалтике вполне определилась. Может быть, его и подразумевал Местоблюститель во втором послании. Характерно, что послание только грозило "изменникам социалистической родины" церковным судом, но не упоминало ни о каких конкретных мерах. Такая умеренность вполне могла объясняться, помимо личных взаимоотношений двух митрополитов Сергиев, также тактикой советской пропаганды, конечно, если не диктовавшей, то контролировавшей патриотические послания престарелого Местоблюстителю.

Мы знаем, что Местоблюститель Сергей был в поезде для эвакуации 14 октября 1941 г., в самый день выпуска второго воззвания, и что на другой день он так разболелся, что температура у него поднялась до 40°. Вполне возможно, что второе послание было вообще

написано не им, а для него. Далее известно, что 15 и 16 октября 1941 г. в Москве была уже паника и осуждение в этот момент одного из виднейших иерархов Московской Патриархии вряд ли было выгодно советскому правительству. Так или иначе, но осуждение Экзарха последовало только 22 сентября 1942 г.,⁷ когда Патриарший Местоблюститель опубликовал "Определение", осуждавшее деятельность Экзарха Сергия и его викариев. Документ был подписан 12-ю "представителями епископата" (очевидно, всеми наличными епископами Патриархии). К этому времени антикоммунистическая позиция Экзарха была такой, что ее нельзя было игнорировать, но самый термин "Определение" свидетельствует об осторожности и мягкости. Документ начинается с заявления, что до выяснения всех подробностей дела Экзарха окончательное решение не может быть вынесено. От Экзарха "Определение" требует объяснений и исправления, о чем Экзарх должен был доложить Патриархии для того, чтобы будущий церковный суд имел все материалы за и против Экзарха. Учитывая наличие фронта, разделявшего Экзарха и Патриархию, все изложенные требования приобретают довольно отвлеченное значение. Как видим, все вышесказанное не дает прямого ответа на важнейший вопрос: была ли какая-нибудь предварительная договоренность между Местоблюстителем Сергием, эвакуированным в Ульяновск, и Экзархом Сергием, оставшимся в Риге и прямо выступившим против коммунистической власти, но зато описанные выше обстоятельства эвакуации Местоблюстителя вполне позволяют допустить мысль, что Экзарх Сергей, делая ставку на победу немцев, думал не только о себе, но и о Московской Патриархии, которую его поступок мог бы спасти от многих не-

приятностей, если бы военные и политические события 1941-1945 гг. пошли по другому пути. Вероятнее всего, что подобные соображения и заставили Экзарха на свой риск и страх остаться в Риге.

Сам Экзарх Сергей в меморандуме, поданном 12 ноября 1941 г. немецким оккупационным властям, затрагивает вопрос о лояльности Московской Патриархии по отношению к Советской власти, и отвечает на него так:

1. Московская Патриархия никогда внутренне не примирялась с безбожной властью.

2. Патриархия только подчинялась советской власти де факто, как реальной власти, и только после победы последней в гражданской войне.

3. "По этой же причине прекратилась обязанность повиноваться советской власти с началом теперешней войны, — поэтому-то я имею внутреннее право выпустить свое воззвание, призывающее к восстанию народы России".⁸

Не разбирая этой точки зрения по существу, можно только сказать, что обосновывая теоретически позицию Экзарха в отношении советской власти, она совершенно не дает ответа на вопрос о том, как сам Экзарх расценивал возможные последствия своих анти-советских выступлений для Заместителя Местоблюстителя Московского Патриарха, которому Экзарх продолжал оставаться верным. Ведь Митрополит Сергей Страгородский от лица Московской Патриархии еще в 1927 г. заявил о своей верности советской власти не за страх, а за совесть. Очевидно эта часть меморандума Экзарха была рассчитана только на недостаточную осведомленность немцев в делах Московской Патриархии.

Так или иначе, но дождавшись прихода немцев в Ригу, Экзарх Сергей сразу повел очень смелую и рискованную игру с оккупационными властями, заняв резкую

антикоммунистическую позицию и в то же время сохраняя верность Московской Патриархии. Надо отметить, что такая линия была необычайно трудной для Экзарха и в чисто личном плане. В Москве оставалась заложницей его мать, которая легко могла погибнуть.

Арестованный в первые же дни появления немцев в Риге, Экзарх, как мы уже знаем, вскоре очутился снова на свободе. Освободившись, Экзарх собрал духовенство Риги в Троицко-Сергиевском монастыре и заявил приблизительно следующее (здесь мы возвращаемся к рассказу весьма осведомленного Протоиерея):⁹

— Отцы и братья, политическая обстановка изменилась. Как же дальше?

Все собравшиеся молчали.

— Я должен вам сообщить, — продолжал Экзарх не дождавшись ответа, — что сам я был и остаюсь послушником Митрополита Сергия Страгородского, а как вы?

Все снова промолчали. Молчал и Экзарх. Наконец один из присутствующих священников поднялся и присоединил свой голос к голосу Экзарха. На том собрание и кончилось. В церквях Прибалтики продолжали поминать Патриаршего Местоблюстителя Сергия.

Есть не вполне проверенные доверительные сведения из вторых рук, что во время ареста Экзарх сумел убедить немцев, что для них политически выгоднее примириться с поминанием главы Московской Патриархии, чем содействовать возвращению Эстонской и Латышской Православных Церквей в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, Экзарх которого находился в это время в Лондоне. Влияния же Лондона в Прибалтике в начале войны с СССР немцы могли бояться больше, чем влияния Москвы. Эти сведе-

ния совпадают со следующей цитатой, взятой нами из упоминавшегося уже "Денкшрифта", составленного Экзархом для оккупационных властей:

Православные епископства в Финляндии, Эстонии и Латвии были переведены в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, что произошло при помощи его Экзарха Архиепископа Германа, имеющего резиденцию в Лондоне; последний находится в известных неясных отношениях с английским правительством.⁸

Вскоре после освобождения из-под ареста Экзарх сумел добиться от немцев разрешения на посылку духовной миссии в опустошенный в религиозном отношении район города Пскова, только что оккупированного немецкой армией. Посылка православных священников из Прибалтики в Псковщину была, наверное, самым хорошим делом, сделанным Экзархом за всю его недолгую жизнь. Для истории русского религиозного возрождения 1941-1943 гг. деятельность Миссии является одной из основных глав, поэтому ей будет отведено нами особое место¹⁰.

Отъезжающим в Псковщину миссионерам Экзарх дал определенные указания поминать на богослужениях имя Митрополита Ленинградского Алексия (позднее Московского Патриарха), к епархии которого принадлежал район Пскова. Только после того как в немецком тылу появились советские листовки, подписанные Митрополитом Алексеем, поминовение его было запрещено местными немецкими властями.

Несмотря на незнание немецкого языка, по словам людей, знавших Экзарха лично, он умел производить впечатление на немцев: устраивал у себя приемы для представителей оккупационных властей и смягчал сердца своих гостей хорошей закуской, завел хороший выезд и автомобиль. Один раз Протоиерей, давший основной материал для настоящей характеристики

Экзарха, присутствовал при очень характерном разговоре последнего с одним из работников Экзарха, старым эмигрантом, хорошо знавшим иностранные языки и поэтому исполнявшим поручения Митрополита Сергия в немецких учреждениях.¹¹

— На это немцы никогда не согласятся, — сказал эмигрант по поводу одного из таких поручений.

— Не таких обманывали! — спокойно ответил Экзарх. — С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно.

И действительно, дело, задуманное Экзархом, благополучно прошло немецкие инстанции.

Сильные выражения, не вполне подходившие к сану православного Митрополита, вообще были свойственны Экзарху. Позднее, когда положение его сильно пошатнулось, когда Экзарх уже, казалось, предчувствовал наступление трагического конца своей карьеры, на одном обеде, на котором присутствовало много эмигрантского духовенства, Экзарх запальчиво воскликнул:

— Если бы и вы, отцы, пережили со мною мою московскую жизнь, если бы и вас поджаривали на сковородке, как нас поджаривали, то и вы бы запрыгали!

Поджаривание на сковородке не кончилось для Экзарха после прихода немцев. Верность Московской Патриархии позволяла обманывать "колбасников" только до поры до времени. Тем не менее, тактика Экзарха в отношении оккупационных властей все время оставалась наступательной. Вот как заканчивает Экзарх свой меморандум, обращенный к оккупационным властям:

В указанных условиях, как мне кажется, очень важно наконец внести ясность в положение Православной церкви в Остланде. С точки

зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы.

1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих православных церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу. Чтобы достичь этого, необходимо мне предоставить возможность встретиться с правящими белорусскими епископами. Тогда мы сможем, воспользовавшись нашей автономией, избрать или же признать (таковым) одного из нас главным руководителем православной церкви в Остланде.

2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках российской Патриархии; позднейший возможный выход ее из Матери-Церкви должен произойти по взаимному согласию с Патриархией.

3) Принцип автономии. — Временно, до окончательного урегулирования отношений Остландской церкви и автокефальной Матери-Церкви (пусть это будет Русская или какая-либо другая), или до возведения Остландской Церкви в степень автокефальной церкви (что кажется менее желательным), Остландская Церковь должна быть автономной, практически независимой ни от какой высшей церковной инстанции; это соответствовало бы и одному из основных принципов Тихоновского церковного уложения.

4) Принцип церковного единоначалия. — Демократические статуты не должны снова войти в силу. Нужно выработать единый статут для Остландской Церкви. Выборы должны быть заменены назначениями. Коллегиальным органам должно принадлежать только совещательное право, но не право решений. Право решений должно быть предоставлено отдельным лицам — священнику в общине, викарному епископу в викариате, правящему епископу в епископстве, экзарху в Остландской церкви. Управление при этом должно быть широким образом централизовано.

В частности, мне кажется целесообразным следующее. Православную церковь в Белоруссии организовать в виде епископства со многими викариатами. В данное время я ничего определенного не могу сказать относительно числа и границ тамошних викариатств; относительно этого надлежит получить совет от белорусских епископов. Православная Церковь в Литве, Латвии и Эстонии должна остаться как епископство с многими викариатами; викариаты могут быть образованы либо по признаку территориальному (Литва,

Латвия, Эстония), либо по признаку национальному; в последнем случае в Литве должен быть русский викариат, в Латвии русский и латвийский, в Эстонии — русский и эстонский. Такое решение проблемы мне кажется самым целесообразным.⁸

Как видим, аргументация документа по возможности приспособлена к тоталитарным взглядам оккупационных властей, но идея централизации церковной власти в руках духовенства свойственна была и тогдашней позиции Московской Патриархии. Особенно интересно явное желание Экзарха подчинить себе и соседнюю Белорусскую Православную Церковь, частично основанное на том, что Белоруссия входила в состав Рейхскомиссариата Остланд, вместе с Литвой, Латвией и Эстонией, центр которого был в Риге. Но мы знаем, что оккупационные власти совсем не собирались отдавать управление православной церкви прорусски настроенному Экзарху. Нет никаких указаний и на то, что организовавшаяся на территории Белоруссии Белорусская Православная Церковь вообще официально общалась с Экзархом, не говоря уже об объединении. В этом вопросе политика расчленения Православной Церкви, сформулированная Розенбергом, не была ни в какой степени исправлена жизнью. Экзарху, стремившемуся как раз к обратному, удавалось обманывать немцев только тогда, когда они имели какие-либо собственные основания согласиться на такой обман, как это имело место в вопросе о православных латышах и эстонцах и их митрополитах, взбунтовавшихся против власти московского Экзарха после ухода советских войск и появления немцев.

С этой же точки зрения надо рассматривать вопрос о возможности создания Православной Автокефальной Церкви, объединяющей Латвию, Литву, Эстонию и Белоруссию. Канонически провести такую автокефа-

лию во время войны было совершенно невозможно. На этом, как увидим ниже, получила поражение немецкая расчленительская политика в Белоруссии. Если оккупационные власти могли и не учитывать невозможности проведения законной автокефалии в условиях войны (как они не учли этого в Белоруссии), то со стороны Экзарха, во всех остальных случаях стоявшего за сохранение единства Русской Православной Церкви, такое предложение надо рассматривать как попытку очередного обмана оккупационных властей.

В том же меморандуме, помимо политических аргументов, Экзарх пользовался и церковно-каноническими:

В Латвии и Эстонии создались маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых синодов, играли ведущую роль в соответствующих церквях и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам. Остальные епископы и миряне стоят далеко от этих групп, а часто настроены в отношении их и враждебно. Названные группы, однако, поддерживаются известными, находящимися вне православной церкви, латышскими и эстонскими кругами, которые менее всего заинтересованы в мирном внутреннем благополучии церкви. Это положение вещей ведет к грустному выводу, что Православная Церковь в Эстонии и Латвии превращается в мячик национально-сепаратистской политики. Эта политика, которая внутри церкви очень слаба, но вне ее, возможно, представлена очень сильно, поставила перед собой следующие цели: 1) Восстановление схизмы; 2) Восстановление прежнего церковного статута; 3) Восстановление враждебной русским политики в православной церкви.⁸

Странно, что такой опытный политик, как Экзарх Сергей, мог обращаться к оккупационным властям с аргументами типа пункта третьего — заблуждение, характерное для большинства русских, не могших себе

представить размаха немецких планов в отношении расчленения и порабощения России в случае победы.

Мы уже знаем, по каким соображениям (выселение православных после победы в Рейхскомиссариат Москва) немцы пошли в последнем вопросе навстречу Экзарху. "Сочувствие" оккупационных властей русским православным в Прибалтике сказалось несколько позднее, в 1942 г., во время регистрации приходов. К концу 1942 г. произошел полный разрыв между Экзархом Сергием и бывшим главой Эстонской Церкви Митрополитом Александром, причем второй православный Епископ в Эстонии Павел Нарвский остался в юрисдикции Экзарха.

Среди немецких документов Еврейского архива в Нью-Йорке имеется указ (Erlass), разъясняющий, как надо проводить регистрацию православных в Эстонии. В документе подчеркивается, что духовенству, верующим и приходам дается свобода выбора между Экзархом и Митрополитом Александром Эстонским. Особенное внимание уделяется тому, чтобы ни немецкие власти, ни местные эстонские не помогали Митрополиту Александру привлечь большее количество приходов. В документе прямо говорится, что целью немецкой политики является регистрация православных приходов в Экзархате, но это должно происходить без вмешательства оккупационных властей.¹²

19 ноября тот же отдел 2 — Политический — снова писал генеральному комиссару в Ревеле. Ссылаясь на только что упомянутый указ, отдел сообщал, что Митрополит Александр так и не подчинился Экзарху, и в связи с этим собор епископов Экзархата 2 ноября 1942 г. запретил ему служить. Отдел подчеркивал, что основная немецкая политика в отношении регистрации остается без изменения, т.е. остается свобода регистра-

ции в Экзархате или у Митрополита Александра. В пункте 4 документа говорится, что Экзарх Сергей был признан Экзархом Латвии и Эстонии, а Митрополит Александр только Митрополитом Ревельским. В пунктах же 2 и 3 упоминается еще Епископ Павел Нарвский (находившейся на территории Эстонии, но подчинившейся Экзарху) и подчеркивается, что власть Митрополита Александра ограничивается только подчиненными ему фактически приходами.¹³

Таким образом, Митрополит Александр в Эстонии открыто порвал с Московским Экзархатом после прихода немцев. Часть эстонских по национальному составу приходов последовала его примеру. Русские приходы в Эстонии остались верны Русской Православной Церкви. В Латвии открытого разрыва не было, но Митрополит Августин, оставаясь теоретически в составе Русской Православной Церкви, порвал лично с Экзархом Сергием, желая самостоятельно управлять латвийским епископатом. В Литве, где немногочисленные православные состояли только из русских, никакого раскола не произошло.¹⁴

Оккупационные власти, по известным уже нам соображениям, держались в общем нейтрально, несколько поддерживая Экзарха. Опасность энергичному главе Православной Церкви в Прибалтике грозила с другой стороны. Кризис его взаимоотношений с немцами наступил, когда 4 сентября 1943 г. Сталин и Молотов приняли в Кремле трех оставшихся в СССР митрополитов, а через четыре дня после этого Местоблюститель Сергей, вернувшийся в Москву из Ульяновска, стал Патриархом Московским. Это значило, что из стихийного подъема религиозного чувства, прорвавшегося на территории, занятой немцами, коммунистическая власть сделала надлежащие полити-

ческие выводы, вырвав этим у Гитлера пропагандную инициативу еще в одном пункте. Характерно, что одним из четырех документов, выпущенных Собором Епископов, избравших Патриарха, было "Осуждение изменников вере и отечеству".

Рядом с отрадными явлениями патриотической деятельности православного духовенства и мирян, — писалось в осуждении, — тем печальнее видеть явления противоположного характера. Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие: встречают немцев как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства, выдавая врагу своих собратьев, например, партизан... Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик лишенным сана.¹⁵

На самого Экзарха "Осуждение", если он только читал его текст, чего могло и не быть, вряд ли могло произвести большое впечатление. Начиная с Декларации 1927 г. люди его типа привыкли не относиться слишком серьезно к подобным документам. Совсем иначе реагировало немецкое командование. 1943 год вообще был уже вполне критическим для оккупантов. Упоминание о партизанах, которыми буквально кишел тыл немецкой армии, могло только увеличить их нервозность. Открытая ставка Кремля на помощь Московской Патриархии, наконец престиж титула Патриарха среди населения, показавшего, как увидим ниже, исключительно сильное стремление к восстановлению Церкви, — все это заставляло принимать решительные контрмеры.

Первое, что сделали национал-социалисты, это вспомнили, что в эмиграции существует Русская Зарубежная Церковь, которая, начиная с декларации 1927 г., не признавала Местоблюстителя Сергия законным главой Русской Православной Церкви. Синод этой Цер-

кви, возглавляемый Митрополитом Анастасием, в начале войны находился в Белграде. В самой Германии Церковь эта имела ряд приходов, возглавляемых Митрополитом Серафимом (Ляде) — немцем по происхождению. До сентября 1943 г. отношение национал-социалистической Германии к Русской Зарубежной Церкви было весьма настроженным. На оккупированную территорию ее представители не пускались и вообще деятельность ее была ограничена. В политической сводке, составленной СД в феврале 1942 г., например, находим такое сообщение:

Митрополит православной Церкви Сергей предпринимал шаги для устранения "Карловацкого" епископа Серафима Ляде, Берлин. Ясно, что после конца большевиков "Карловацкий вопрос" должен быть как-то разрешен; нельзя допустить какого-либо возобновления теократических устремлений, всеобщих в царское время.¹⁶

Как видим, "Карловацкий вопрос" откладывался на послевоенное время, причем предполагалось воспрепятствовать как раз тому, что являлось главным желанием Русской Зарубежной Церкви, т.е. восстановлению в России православного государства.

Итак, выборы в Москве Патриарха заставили национал-социалистов вспомнить о Русской Зарубежной Церкви. С 8 по 13 октября 1943 г. в Вене состоялось совещание православного эмигрантского духовенства, в котором участвовало три митрополита, один архиепископ, три епископа, шесть архимандритов, протопресвитеров и протоиереев и секретарь Синода Православной Русской Церкви Заграницей, как тогда официально именовалась Русская Зарубежная Церковь. Совещание снова подтвердило старую, известную всем, имеющим отношение к этому вопросу, позицию Русской Зарубежной Церкви, не принявшей пути компромисса с безбожной властью, на который выбранный только что в Пат-

риархию Митрополит Сергей (Страгородский) вступил еще в 1927 году.

Первый пункт резолюции совещания гласил:

Избрание Митрополита Сергея на Престол Патриарха Московского и всея Руси является фактом не только не каноничным, но и не церковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти и ее возглавителя диктатора Сталина, переживающих тяжелый кризис во время войны и нуждающихся в помощи ненавистной им и еще недавно явно гонимой Православной Церкви.¹⁷

Далее отмечается:

"Избрание Патриарха и созыв Синода нужны Сталину и его партии как средство для политической пропаганды. Патриарх в его руках лишь игрушка... Пока не было войны, в России невозможно было избрание Патриарха и организация Синода. Но когда над коммунистами нависла смертельная опасность, тогда оказалась полная возможность сделать это самым быстрым и упрощенным способом"¹⁷.

Напомним читателям, что московский Собор 8 сентября 1943 г. был чисто епископским Собором, без участия другого духовенства и мирян, и что на него было собрано 19 епископов. Интересно отметить: что на Венском совещании присутствовал Архиепископ Венедикт, символизировавший связь Русской Заграничной Церкви с Церквями, организовавшимися на оккупированной немцами территории (тот самый Архиепископ Венедикт, который характеризовался в секретной сводке СД от 5 июня 1942 г. как "ревностнейший великорусский организатор", через которого шла связь Автономной Православной Церкви в Белоруссии с русскими центрами в Польше).¹⁸

Таким образом, советский пропагандный маневр с выборами Патриарха так напугал национал-социалистов, что они нарушили свой принцип разделения Православной Церкви на несообщающиеся между собой части.

Экзарх Сергей не был в Вене, что вполне соответствовало не только немецкой политике разделения, но и его собственной позиции в отношении Русской Зарубежной Церкви. Однако перед ним сразу же был поставлен вопрос об отношении к превращению Местоблюстителя Патриаршего Престола в Московского Патриарха.

В "Еврейском научном институте" в Нью-Йорке имеется небольшая папка документов, посвященных Экзарху Прибалтики Митрополиту Сергию (Воскресенскому). Второй документ из одиннадцати, находящихся в папке, — копия донесения "СД Остланд" отделу "Политик" Министерства пропаганды, посланного с препроводительной запиской, подписанной референтом отдела "Ост" Министерства доктором Куртц доктору Мене в отдел Пропаганды того же Министерства. В донесении СД сообщает в очень подробной форме о позиции Экзарха Сергия в отношении Венской декларации. 3 ноября 1943 года "Дейче Цейтунг им Остланд" опубликовала статью под заглавием "Анворт ан Сталин", посвященную выступлению епископов, собравшихся в Вене. В связи с этим и состоялась беседа доктора Куртца с Экзархом Сергием. Более чем вероятно, что Экзарх Сергей был просто допрошен, а, возможно, что представитель СД выступал в роли интервьюера. В обоих случаях Экзарх, весьма искусственный в подобного рода разговорах, конечно, знал, с кем имеет дело и чем грозят ему неудачные ответы. Так или иначе, но документ, составленный СД и разосланный, по-видимому, по всем заинтересованным немецким учреждениям, представляет большой исторический и психологический интерес. Упоминание о психологическом интересе не случайно. От чтения документа остается впечатление, что личность Экзарха очень ярко отражена в подробном и, видимо, точном изложении "беседы" с ним неизвестного работника немецкой тай-

ной полиции. Сергей начал с обычного для него утверждения, что он полностью согласен с политической частью Венской декларации, но он не может принять ее с канонической стороны. Далее он вполне логично заявил, что не имея документов о Московском Соборе, не может осудить его с канонической точки зрения, но тут же, не совсем осторожно, добавил, что не верит в то, что Патриарший Местоблюститель, ставший Патриархом, мог вообще совершить неканонический акт. Далее он сделал выпад против епископов эмигрантов, назвав их схизматиками за оппозицию Московской Патриархии. Разрыв с Московской юрисдикцией, по его мнению, лишал этих епископов права судить о московских делах с канонической точки зрения (как будто бы вопрос о канонах нельзя рассматривать академически объективно, вне юрисдикционной заинтересованности! — Авторы).

Далее начинается исключительно интересная аргументация Экзарха, имеющая целью убедить немцев в правильности его позиции выступления против коммунизма при осторожной защите Московской Патриархии. Аргументации этой никак нельзя отказать в большой изворотливости и верном понимании психологии тоталитарных пропагандистов как немецких, так и коммунистических. Вот как излагает донесение СД эту часть аргументации Экзарха: немецкая пропаганда хочет выставить Патриарха Сергея таким же злодеем, как Сталин, а Сталина нарушителем канонов. Это имело бы смысл, если бы можно было действительно доказать неканоничность выборов Патриарха, но как это сделать, например, без поддержки восточных патриархов, которые могут, наоборот, признать выборы законными. Для России суждение эмигрантских епископов значения не имеет. Большевицкой пропаганде легко показать, что эмигранты — игрушка в руках немцев. Стрем-

ление же немцев показать, что коммунизм так силен, что может контролировать даже Церковь, покажет русским немецкое непонимание и то, что они враги Церкви и России, а не коммунизма. Последние фразы документа достаточно красочны и похоже, что неизвестный интервьюер привел тут подлинные слова Экзарха. Немецкой пропаганде следует показать, заявил последний, "что Советы сейчас вынуждены даже признать главу Церкви как представителя и символ антисоветизма. Ясно, что это делается неискренно. Это означает банкротство большевизма, когда он в своем отступлении вынужден дойти до признания Бога и Церкви".¹⁹

Авторы позволили себе так долго остановиться на изложении этого документа только вследствие его исключительного интереса. В нем мы находим, по крайней мере, две верные мысли: 1. Трюк коммунизма с выборами Патриарха, конечно, предусматривал в теории возможно более строгое соблюдение канонов; это доказывают все последующие события. 2. Конечно, выборы Патриарха свидетельствовали о крахе идеологии атеизма, вынужденного мобилизовать себе на помощь Православие, совершенно так же, как еще перед войной пришлось уже мобилизовать русский патриотизм взамен марксистского интернационализма. Но, конечно, Экзарх не мог опровергнуть того простого соображения, что каноны для Сталина были только прикрытием нового обмана, а Патриарший Местоблюститель, давно отрекшийся от мучеников, т.е. от одной из основ христианской Церкви, при всей своей образованности, вряд ли мог считаться надежным гарантом действительного исполнения канонов в условиях продолжающегося давления со стороны власти. По существу ведь все проблемы Московской Патриархии с 1927 г. по настоящее время могут быть сведены к одной: может ли Христианская Церковь

купить себе право легального существования в атеистическом государстве ценой отречения от мучеников, жертв систематического преследования со стороны этого самого государства? Все тактические выгоды легализации самоочевидны, их никто не может преуменьшить, и если бы Церковь Христова была обыкновенной земной организацией, то можно было бы спорить, что важнее — иметь возможность легализировать вновь 20 тысяч приходов, как это имело место, по данным Московской Патриархии, в период с 1943 по 1959 г. (начало хрущевских гонений), открыть академии и семинарии, воссоздать Синод и совершать богослужения и таинства для миллионов верующих, или же остаться верным памяти многих тысяч праведников, умученных в своем большинстве в первые два десятилетия после революции. К счастью, Спаситель уже ответил на этот вопрос, когда Сатана предлагал все царства мира только за то, чтобы Сын Божий, падши, преклонился перед ним, — пойдя на крестную смерть, Он не только Сам избрал путь мученичества, но и оставлял физически только что созданную Церковь. Ведь ученики не сразу осознали смысл Голгофы, а Петр — камень, на котором создавалась Церковь, был так подавлен этим событием, что трижды отрекся от Христа. И, конечно, не эта временная слабость, а твердость, приведшая опять-таки к мученичеству, сделала Петра камнем, на котором созиждена Церковь. Но вернемся к документам.

Для нацистов каноны Русской Православной Церкви представляли, конечно, не ббольшую ценность, чем для Сталина, но упрек в неправильно начатой пропагандной акции задел их за живое, заставил, как это ни парадоксально, попытаться разобраться и в канонической стороне вопроса.

В przeprowadительной записке к изложению уста-

новок Экзарха Сергия прямо говорится:

В приложении я пересылаю Вам отношение Экзарха Сергия в Риге к Венскому Епископскому Собору с просьбой передать его²⁰ Министерству Церковных Дел, которое в этом деле на Соборе было ведущим, и затребовать его мнение относительно канонической законности затронутых вопросов. Государственный Комиссар Остланд, в районе которого находится Экзарх Сергей, просит соответствующей установки, чтобы препроводить ее снова Экзарху, так как этим может быть изменена его точка зрения. Если же аргументы Экзарха окажутся состоятельными, то пропаганду, которую мы ведем в связи с Венским Собором, надлежало бы перевести в другую колею.²¹

В тот же день тот же референт Куртц обратился с таким же запросом в Антикоминтерн. 18 января 1944 г. д-р Мене, из отдела Пропаганды, в свою очередь переслал запрос по тому же вопросу в "Рейхсминистериум фюр ди Кирхлихен Ангелегенheiten". 7 февраля того же года "Абтейлунг Ост" послал Антикоминтерну напоминание, торопя последний с ответом. 11 февраля Антикоминтерн ответил, что его заключение будет скоро переслано. 14 февраля д-р Куртц из Министерства Пропаганды переслал заключение Антикоминтерна в "Ландспропагандаамт Рига", сообщив в препроводительной, что автор заключения "сам православный священник, который точно знает все, касающееся Церкви и ее развития в Советском Союзе", и что его точка зрения отражает точку зрения Православной Церкви в Германии. Имя этого священника не названо, заключение его в архиве, к сожалению, отсутствует, но точка зрения главы Православной Церкви в Германии Митрополита Серафима известна. Он был в числе подписавших Венскую Декларацию. Значит, эта точка зрения была прямо противоположной точке зрения Экзарха Сергия.

Последний документ в папке содержит новый запрос Рейхскомиссариата Остланд, адресованный д-р Куртцу в Министерство Пропаганды по поводу опубликованной в

Москве книги "Правда о религии в СССР". Запрос излагает соображения Экзарха Сергия по этому вопросу (последний, в частности, советовал сравнить тексты английского и русского изданий названной книги).²²

Почти ровно через два месяца после этого последнего имеющегося в распоряжении авторов документа 28 апреля 1944 г. Экзарх Сергей был убит

Характеристика Экзарха и описание его взаимоотношений с оккупационными властями увели нас от описания религиозного подъема в северной части немецкой зоны оккупации. Вернемся назад к 1941 году, к моменту, когда Экзарх вышел на свободу, освобожденный немцами после непродолжительного ареста. Вскоре после этого он получил разрешение на посылку церковной миссии в оккупированный немцами район Пскова. Многие участники этой миссии находятся в настоящее время в эмиграции, и одному из авторов удалось побеседовать с тремя из них. В небольшом церковном журнале "По стопам Христа", издающемся в Беркли в Калифорнии, в номерах 50-53 за 1954 г. опубликованы "Записки миссионера", написанные Протоиереем Алексеем Ионовым, участником Миссии. Из "Записок миссионера" и устных расспросов о Алексее узнаем следующее. Миссия выехала в Псков в августе 1941 г. Первоначально она состояла из 15 священников. "Громадный край от ст. Сиверской, что под Петроградом, до Опочки, — пишет Протоиерей о. Ионов, — был превращен советской властью в церковную пустыню".²³

Во всем районе действия Миссии не оказалось ни одного открытого храма, в то время, как в одном только Пскове до революции их было 44. (По свидетельству другого члена Миссии, один незакрытый храм уцелел в городе Гдове). В Пскове миссионеры обнаружили только двух уцелевших, но совершенно замученных морально и

физически священников. Первым открытым в Пскове храмом был знаменитый в истории Пскова Троицкий собор, вмещавший несколько тысяч молящихся. Уже на первых богослужениях собор был переполнен. На улицах люди подходили к приехавшим миссионерам и просили благословения. Немедленно же само население стало ремонтировать церкви в пригородах Пскова и просило присылать им священников. Исповедовавшиеся приходили на исповедь сотнями и поэтому приходилось устраивать общие исповеди.

Та же картина повторилась в городе Острове, куда затем попал о. Алексей Ионов. Собор в Острове был занят под склад зерна, осквернен и разрушен; пришлось служить в менее разрушенной кладбищенской церкви. Сотни народа не могли попасть на богослужение из-за малых размеров храма. Когда силами самих верующих был открыт и отремонтирован собор, то за каждой литургией в течение первых месяцев причащалось от 500 до 800 человек. Крестилось часто по 80 детей сразу. Службы обычно начинались в 7 часов утра, потом шли требы, затягивавшиеся до 4 часов дня. При этом, народ наполнял храм задолго до богослужения.

Постепенно в районе Острова было открыто 15 храмов. Тоже наблюдалось и во всем районе действия Псковской Миссии. По приблизительному подсчету, за первые месяцы работы Миссии было крещено около 50.000 детей разного возраста.

Другой священник, о. И., рассказывает следующее:

Когда в августе 1941 г. мы приехали в Псков, на улице прохожие со слезами на глазах подходили под благословение. На первом богослужении в соборе все молящиеся исповедовались. Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников. Среди молящихся преобладали люди среднего возраста, но была и молодежь.²⁴

Вскоре о. И. был направлен в Гдов (около 100 км. севернее Пскова). Ехал он на лошадях в течение двух недель. Посетил около 40 церквей. Все церкви были закрыты и большинство разрушено. Там, где церкви еще можно было восстанавливать, народ их сейчас же восстанавливал. Настроение у населения было такое высокое, что часто думалось, "Да были ли здесь гонения?", и казалось, что сам воздух был насыщен религиозным горением. Молодежь быстро вернулась к вере. Обычно причащения после богослужения продолжались дальше, чем само богослужение, — причащалось по 500 - 600 человек. В Пскове на Крещение в январе 1942 г. в крестном ходу участвовало 10.000 молящихся (из приблизительно 25.000 жителей, оставшихся в городе). Из всего района действия Миссии только в Гдове до начала войны оставалась одна незакрытая церковь.

Служить приходилось обычно с 6 ч. утра и до 10 ч. вечера. Крестили детей до 16-летнего возраста. Одновременно приводили по 25-30 и даже 100 детей. С августа по ноябрь 1941 г. отец И. лично крестил три с половиной тысячи детей.

Девушки, певшие в хоре, приходили в другие приходы, не имевшие хоров, делая иногда пешком по 25-30 верст. То же усердие наблюдалось при ремонте и уборке церквей. Во время проповедей народ вздыхал и плакал, а в конце проповеди вслух благодарил проповедника.

Работа Миссии охватила Псков, Остров, Порхов, Опочку, Гдов и Лугу. Во всем районе было открыто не менее 300 приходов.

Протоиерей Алексей Ионов, как в устных свидетельствах, так и в вышеупомянутых воспоминаниях отмечает, что молодежь не сразу, но очень твердо и искренне вернулась в церковь. Особенно интересно свидетельство обоих опрошенных автором участников Мис-

сии о том, что бывшие советские педагоги, вынужденные в советское время вести антирелигиозную пропаганду, почти все вернулись в церковь. Во многих школах Псковщины было введено преподавание Закона Божия.

Вывод духовенства был таков, что перед возвращением советских войск "религиозная пустыня" Псковского округа была почти полностью христианизирована, и если бы Миссия смогла проработать еще несколько лет, то район Пскова, с точки зрения крепости православия, ничем не отличался бы от времен расцвета русской христианской культуры.

Балевиц, обычно сдержанный в описании работы Миссии, все-таки упоминает, что к августу 1942 г. в Миссии было уже 77 священников, и они обслуживали 200 приходов, а еще позднее он пишет уже о 175 священниках.²⁵

Но все вышеприведенные сведения базируются, главным образом, на показаниях православных священников, членов Псковской Миссии, которые по вполне понятным причинам, могли представить слишком благоприятную для Православной Церкви картину. Попробуем сравнить их впечатление с данными нейтральных, или вернее враждебных православию немецких источников.

В связи с подготовкой Нюрнбергского процесса была собрана масса материалов из немецких архивов. Часть этого материала опубликована, с части только сняты фотокопии, хранящиеся в некоторых больших архивах и библиотеках, в частности в Ейльском университете, в немецком университете в Кельне и в национальном архиве в Вашингтоне.

Среди упомянутых фотокопий представляют большой интерес сводки "Зихерхайтсполицей и С.Д.", дававшие руководству национал-социалистической

Германии систематические сведения о всех оккупированных Германией странах, более же всего об оккупированной части СССР. В этих сводках уделено немало внимания положению Церкви в оккупированных частях России. К сожалению, как раз о Псковщине упомянутые сводки дают мало материала, но то, что все-таки удалось найти, полностью подтверждает картину, нарисованную православными священниками. Уже в сводке от 26 июля 1941 г., после указания, что в г. Острове оказалось много высланных, недовольных советской властью людей, чего нет в г. Порхове, отмечается, что старшее поколение в г. Острове относится положительно к приходу немецкой армии потому, что появление немцев позволило открыто проявлять свою религиозность²⁶.

В сводке № 53 от 15 августа 1941 г. находим аналогичные сведения:

Богослужения в отдельных пограничных городах, среди них в Пскове и Острове, показали, что население почти поголовно стремится в церкви или на открытые места, где происходят богослужения, и явно, что на него можно повлиять через духовенство.²⁶

Сводка № 156 от 16 января 1942 г., отмечая рост интереса населения к Православной Церкви (в русских районах), оговаривается, что это относится в основном к старшему поколению. Аналогичные сведения находим в сводке № 162 от 30 января 1942 г.

В сводке № 165 от 6 февраля 1942 г. упоминается о том, что немецкие власти передали Православной Церкви чудотворную икону Тихвинской Божией Матери и что при передаче присутствовало 2000 молящихся.²⁶

В сводке от 6 ноября 1942 г. сообщается, что с момента занятия Пскова немецкими войсками до 15 сентября 1942 г. в трех церквях было крещено 2000 детей, от новорожденных до шестнадцатилетних, было совершено 600 отпеваний и было 20 свадеб. Возможно, что такое

большое количество отпеваний объясняется тем, что заочно или на могилах совершали отпевания ранее не отпетых. В той же сводке сообщается, что в трех открытых церквях было 10000 прихожан. Сводка перечисляет и открытые церкви: это Троицкий собор и церкви Св. Дмитрия и Св. Варлаама. Та же сводка дает много сведений о юридическом и финансовом положении Миссии. Наиболее важная часть этих сведений следующая: возглавление Миссии было назначено Экзархом Сергием и признано оккупационными властями, поддерживавшими деятельность Миссии. Миссия отвечала за каноническую проверку назначаемого духовенства и его политическую деятельность. Миссия признавалась частью Русской Православной Церкви. У Миссии было право посылать кандидатов в священники в Экзархат для посвящения и обучения в семинариях в Риге и Вильно. Приходы и церковные предприятия освобождались от налогов. Духовенство Миссии не получало никакого жалования и должно было жить только на добровольные пожертвования прихожан. 10% доходов приходских церквей Миссии переводилось в центр Миссии в Пскове. Половину последней суммы Миссия пересылала в Ригу.

В донесении министру занятых областей, составленном д-р Лейббрандтом в ноябре 1941 г., есть сведения о районе, который прямо не указан, но, по-видимому, является районом Пскова. Д-р Лейббрандт отмечает, что великороссы особенно восприимчивы к вопросам религии. Посещение церквей приобрело стихийный характер. Старых священников мало. Новые, охотно называющие себя миссионерами, приехали из Остланда, т.е. это известные нам миссионеры, приехавшие из Экзархата.

В том же документе д-р Лейббрандт, специально обследовавший район с медицинской точки зрения,

пишет о крепости русской семьи и о высокой морали русской женщины, поставившей "в очень трудное положение" немецких солдат и офицеров своей недоступностью.

Надо также отметить, что глава Русской Православной Церкви в Прибалтике Митрополит Сергей (Воскресенский) наглядно показал, что даже епископ советской формации может, в известных условиях, проявлять не только способность к риску, но и готовность к мученичеству за православную веру и русскость. Важно также сказать, что паства русского происхождения в Прибалтике осталась верна Митрополиту, приехавшему из СССР, и после прихода немцев. Все эти факты вместе взятые говорят о том, что даже при разном в разных условиях понимании своего православного и патриотического долга русские люди, как в течение предшествовавших столетий, в минуту кризиса второй Мировой войны стремились к объединению вокруг Русской Православной Церкви, сила которой была подорвана, но далеко не уничтожена десятилетиями господства воинствующего атеизма в СССР.

Примечания к 3-й главе

1. Александр Далин. Немецкая администрация в России, 1941-45. Нью-Йорк, 1957.
2. Рейхскомиссар Восточных областей. Рига, 19 июня 1942. Документ Осс Е (Ch)-4, YIVO, в Еврейском научном институте в Нью-Йорке.
3. Василий Алексеев, Русские православные епископы в СССР, 1941-53. Иреникон 30, 1957.
4. Фридрих Хайер. Православная церковь на Украине. (Кёльн, 1953).
5. Прот. Алексей Ионов. Интервью в 1952 г., архив В. Алексеева.

6. Архиеп. Дмитрий (Градусов) "Послание святейшего Патриарха Сергия" в книге "Патриарх Сергий и его духов. наследство" Москва, 1947.

7. "Определение № 27 от 22 сент. 1942 г... по делу Митрополита Сергия Воскресенского с другими" — в "Русская правосл. Церковь и Великая Отечеств. война".

8. Митрополит Сергий. "Заметка о положении Православной Церкви в Остланд", 12 ноября 1941 г., Рига.

9. Прот. Алексей Ионов, интервью в архиве В. Алексеева.

10. По данным книги Балевица "Православная церковь в Латвии", стр. 28, Миссия выехала в Псков 18 августа 1941 г.

11. Имя этого эмигранта было доверительно сообщено авторам с просьбой его не публиковать.

12. Генерал-комиссару в Ревеле, Указ от 25 августа 1942 г. Документ Осс Е (Ch)-1, YIVO.

13. То же, документ Осс Е (Ch)-1, YIVO.

14. Балевиц, "Православная Церковь в Латвии".

15. "Осуждение изменников вере и отечеству". Журнал Московской Патриархии №1 (1943).

16. СШ национальный архив, № 163 (2 февр. 1942), Катушка 234.

17. Сообщения и распоряжения Высокопреосв. Серафима митрополита Берлинского и Германского. Берлин-Шарлоттенбург, 27 окт. 1943 г.

18. СШ нац. архив, №6 (5 июня 1942), кат. 235.

19. Документ Осс Е (Ch)-3. YIVO.

20. См. статью В. Алексеева "Смерть экзарха Сергия Воскресенского и выборы Московского Патриарха" в журнале "Церковная жизнь", № 7-12 за 1958 г.

21. Документ Осс Е (Ch)-1 в Еврейском институте в Нью-Йорке, YIVO.

22. Документ Осс Е (Ch)-3 там же.

23. Журнал "По стопам Христа" № 50.

24. Запись В. Алексеевым рассказа отца И. — в архиве Алексеева.

25. Книга Балевица.

26. СШ национальный архив, № 34 (26 июля 1941), затем № 53 (15 августа 1941), № 165 (16 января 1942), кат. 233, 234.

(Продолжение следует)

В. З. Сорокин

ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ МОСКВА

Знаменитый норвежский писатель Кнут Гамсун так писал о Москве: "Я видел прекрасные города, громадное впечатление произвели на меня Прага и Будапешт, но Москва — это нечто сказочное. В Москве около 450 церквей и часовен, и когда начинают звонить все колокола, то воздух дрожит от множества звуков в этом городе с миллионным населением. С Кремля открывается вид на целое море красоты. Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город; всё кругом пестреет красными и золочеными куполами и шпицами. Перед этой массой золота, в соединении с ярким голубым цветом, бледнеет все, о чем я когда-либо мечтал. Мы стоим у памятника Александру Второму и, облокотившись о перила, не отрываем взора от картины, которая раскинулась перед нами. Здесь не до разговора, но глаза наши делаются влажными".

А вот заметка наших дней о том, как группа советских реставраторов из груды мусора взорванной церкви, пролежавшей в развалинах почти 20 лет, выбирает куски штукатурки с остатками фресок, чтобы, сложив их, получить изображение, хотя бы деталь, росписи взорванного храма.

Как первая, так и вторая выдержки относятся к той области, которая вот уже более 60 лет вызывает у коммунистических правителей нашей страны самое враждебное к себе отношение. Область эта — религия и всё связанное с ней.

Отделить Православную церковь от истории России немыслимо. Невозможно говорить о Москве не упоминая о ее церквах и монастырях. С этого она началась, этим была знаменита. Видом своих церквей и колоколен вызывала слезы умиления даже у иностранцев. Что осталось от прежнего, сказочного, неповторимого очарования Москвы, до некоторой степени может служить иллюстрацией вторая выдержка, хотя относится она к церкви Спаса на Ковалеве в Новгороде.

На фоне серой однообразной советской действительности, картина Москвы, описанная Гамсуном, кажется видением, чем-то потусторонним, легендарным Градом Китежем. Но это не легенда, а действительность, исчезнувшая на наших глазах. Как же это произошло?

В расчеты коммунистической партии после захвата власти в России входило искоренение из души русского человека всего, что могло бы напоминать ему о вечной России, его родине. Предпринятый поход против общечеловеческих ценностей духовного порядка должен был завершиться торжеством насилия и порабощения личности. Порабощенную личность легко превратить в послушное орудие своего властвования. Для этого нужно ее обезличить, сделать ее безродной — советской. Искоренение из сознания народа причастности его к русской культуре началось с уничтожения памятников старины.

Но поскольку начало и строительство Российского государства неотделимо от православной церкви, то уничтожению, в первую очередь, подверглись памятники религиозного порядка: церкви, часовни, монастыри, кладбища, т.е. все то, с чем была неразрывно связана жизнь нашего народа и его правителей. Разрушения эти можно сравнить только со стихийным

бедствием или приписать их патологическим свойствам коммунистических вождей, иначе они не поддаются анализу здравого рассудка. Каждый разрушенный монастырь или церковь, это вырванная страница из истории русской летописи. Сколько вырвано таких страниц, не поддается описанию. Не пощадили разрушители и гражданских памятников. Исчезли с площадей и скверов монументы выдающимся полководцам, царям, государственным деятелям дореволюционного периода, чьими усилиями и трудами была создана могущественная Российская держава, занимающая одну шестую нашей планеты, доставшаяся нам в наследство. Особенно пострадала в этом смысле Москва.

Здесь, можно сказать, прошел смерч бессмысленного, ничем неоправданного вандализма. За исключением некоторого числа исторических и архитектурных памятников, оставленных в Кремле и на Красной площади, от исторической Москвы не осталось, образно выражаясь, камня на камне. Разрушена живописная крепостная стена Китай-Города, взорваны Воскресенские, Красные и Триумфальные ворота, снесена Сухарева башня. Все это невозместимые потери. Каждое из этих сооружений — наглядное свидетельство целой эпохи, неотъемлемый элемент московского пейзажа, ее исторический облик. Прибавив к этому свыше 400 уничтоженных церквей, во главе с Храмом Христа Спасителя, и 18 монастырей, как правило живописно расположенных, нетрудно представить картину полного разгрома, учиненного коммунистической властью в Белокаменной столице.

Из двадцати монастырей, существовавших в Москве в 1904 году, осталось собственно два, и то, как музеи, в которых уцелели, судя по наружному виду, все церкви: Новодевичий как историко-художественный

музей 16-17 веков, а с 1934 года как филиал Исторического Музея; и Донской как научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Шусева, знаменитого архитектора, построившего до революции здание Исторического Музея на Красной площади, а после революции мавзолей Ленину там же. Как в первом, так и во втором монастырях имеется по одной открытой (действующей) церкви. В Новодевичьем — Успенская церковь, а в Донском — малый собор в честь Донской Иконы Божией Матери, в котором похоронен патриарх Тихон. Состояние нескольких других такое, что их никому не показывают. Это или только стены, как в Симоновом монастыре, или обезглавленные церкви, превращенные в склады или подобные помещения. Из 450 церквей осталось не более 50, из которых десятка полтора действующих.

Интересна в связи с этим следующая деталь. Когда снимался фильм "Война и мир", то при съемках вступления французов в Москву не хватило фона. Известно, что перед въездом в город, Наполеон с Поклонной горы долго любовался его панорамой, с множеством золотых куполов и колоколен. При продвижении войск по улицам Москвы, в фильме нужно было показать крупным планом хотя бы долю ее православной особенности. Поэтому пришлось перенести часть съемок под стены Иосифо-Волоколамского монастыря, на северо-западе от Москвы. Необыкновенной красоты колокольня его была взорвана отступающей Красной армией в 1941 году, но в монастыре сохранилось внешне несколько церквей. Стены монастыря и церкви послужили фоном для съемок. От наблюдательного зрителя, кроме того, не ускользнуло, что большинство съемок в Москве было сделано на фоне Василия Блаженного и Новодевичьего монастыря. На одном

кадре фоном служит сделанный из фанеры одноглавый храм.

Вот, в общих чертах, картина полувекового хозяйничания в нашей стране чужеродной коммунистической власти, создателю которой, Ленину, было, по его же выражению, "на Россию наплевать". Но русским людям судьба России и ее история не безразличны. Потому-то реставраторам приходится выискивать из груды мусора отсыревшие под дождем и снегом осколки штукатурки со следами фресок взорванной немцами церкви,* чтобы восстановить хотя бы крохи из уничтоженного и вернуть их России.

Уничтожение памятников старины, в особенности церквей, сопровождалось зачастую надругательством над чувствами верующих людей, что оставило в душах россиян неизгладимый след. Следствием отрицательного отношения народа к действиям советской власти было полное поражение Красной армии в начале войны с немцами, в 1941 году. Чтобы не погибнуть, власть вынуждена была тогда несколько изменить тактику по отношению к религии и к истории России. Результатом этого и была одержана победа над Гитлером.

Образованное в конце пятидесятых годов "Добровольное общество по охране памятников старины" способствовало реставрации какого-то числа недействующих церквей. Отношение же сов. власти к объектам религиозного назначения остается по-прежнему отрицательным. Все попытки добиться разрешения на реставрацию или открытие церкви за малым исключением остаются втуне. Это каким-то образом не косну-

* Это советское утверждение. Общеизвестно, что в оккупированных во время войны областях Сов. Союза, немцы открывали закрытые коммунистами церкви и передавали их верующим.

лось Московского Зарядья, где построена гостиница "Россия". Благодаря этому сооружению, не то Чечулину, главному архитектору, не то в чисто пропагандных целях, удалось восстановить вокруг гостиницы пять из бывших здесь раньше двенадцати церквей. Кроме того, в связи с олимпиадой, в прошлом году в Москве подновили снаружи какое-то количество церквей и позолотили никогда раньше не бывшие золотыми их главы.

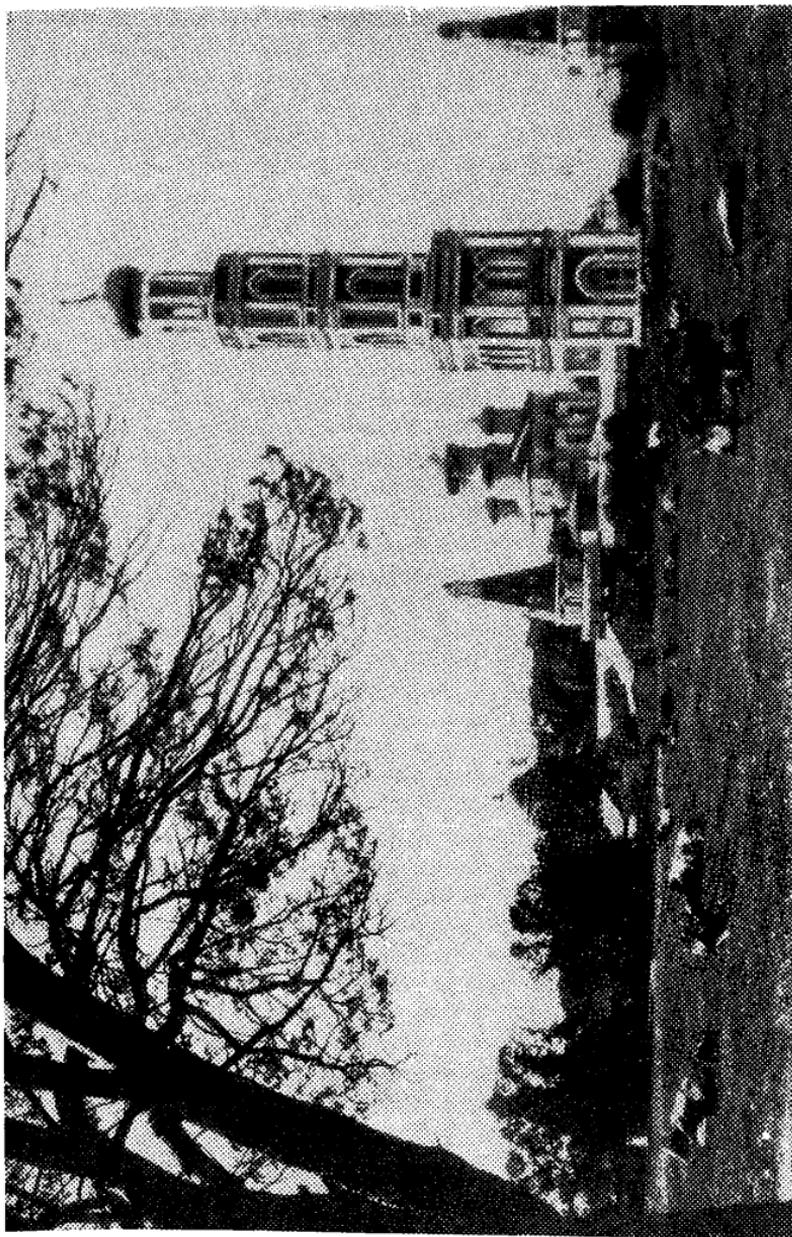
Все это, однако, не снимает ответственности власти за варварское уничтожение народного достояния.

Ниже мы расскажем о некоторых монастырях, церквях в них и просто об исторических памятниках Москвы, взорванных не врагами-нацистами, а "родной" коммунистической партией, и не во время войны, а в мирное время.

Так, в тридцатых годах был взорван один из старейших и богатейших монастырей-крепостей России, Симонов монастырь. Расположенный на левом, высоком берегу Москвы-реки в юго-восточном направлении, монастырь был надежным стражем на подступах к Москве. У стен его не раз происходили жестокие сечи с татарами, с литовскими и польскими войсками. Напоминанием о нем сегодня служат три сторожевые башни. Одна из них, самая большая, носит название "Дуло", по имени татарского предводителя Дула, убитого выстрелом с башни во время одного из бесчисленных набегов на Москву.

Симонов мужской монастырь в честь Рождества Богородицы был основан св. Сергием Радонежским в 1370 году, во время княжения Дмитрия Донского.

В 1379 году св. Федор, племянник св. Сергия и духовник Дмитрия Донского, перенес монастырь на новое место, отстоящее от старого на четверть версты.

Симонов монастырь

Новый монастырь, по значению соборного храма в честь Успения Богородицы, стал именоваться: монастырь Пречистая Богородицы, что на Симонове, от названия одного из сел боярина Кучки, а старый назывался Рождественским, что на Медвеьем озерке, или на Лисьем пруде.

Карамзин это Медвежье озеро или Лисьин пруд переименовал в своей знаменитой повести "Бедная Лиза" в Лизин пруд, в котором она утопилась. Б.М. Федоров сделал из этой повести пьесу "Лиза". Пьеса пользовалась громадным успехом, а актриса Воробьева, в роли Лизы, вызывала неопишуемый восторг. С тех пор пруд этот сделался на долгие годы, до разрушения монастыря, излюбленным местом прогулок влюбленных.

Метрах в 50 от первоначального места монастыря был еще один, довольно глубокий, обнесенный валом, пруд. Это плод труженической жизни Сергия Радонежского, который часто посещал своего племянника и подолгу проживал в обители.

Симоновский монастырь пользовался большим почитанием удельных князей, царей и всего народа. Он считался одним из богатейших в России. Особенно цари Иван Грозный и Федор Алексеевич любили его. До разрушения в стенах монастыря было шесть церквей.

Главный храм монастыря — собор Успения Богородицы. Этот московский храм существовал более 500 лет. Средний купол собора был вызолочен червонным золотом. Внутри стены его покрывала старинная роспись. В главном иконостасе находилась икона Господа Вседержителя древнего письма в очень дорогом окладе. Этой иконой Сергей Радонежский

благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, дав ему в сопровождение братьев Пересвета и Ослябю, иноков Троице-Сергиевой обители. Образ этот после битвы, вместе с телами убитых иноков, привезен был в Симонов монастырь, где Пересвет и Ослябя были преданы погребению в трапезе церкви Рождества Богородицы в старом монастыре. В 500 годовщину со дня Куликовской битвы над их могилами была сооружена металлическая гробница с такой же сенью.

Сегодня в церкви Рождества Богородицы работает компрессорная станция завода "Динамо".

Как известно, перед началом Куликовской битвы Пересвет в единоборстве с татарским богатырем Челубеем победил последнего, но и сам погиб в этом поединке. Ослябя пал в битве на Куликовом поле. Поединок Пересвета с Челубеем увековечен на картине М.И. Авилова, находящейся в Русском Музее в Ленинграде. Картина эта была создана во время Второй Мировой войны, когда призывы к международной солидарности трудящихся не помогали и, чтобы победить захватчиков, пришлось обратиться к патриотическим чувствам народа и его истории.

В связи с 600-летием Куликовской битвы, дата которой приходится на 8 сентября по старому стилю 1980 года, уместно отметить, что на Куликовском поле реставрирован храм преподобного Сергия Радонежского, замечательный памятник церковной архитектуры, спроектированный все тем же академиком Щусевым. Храм воздвигнут у впадения Непрядвы в Дон, на месте захоронения павших в Куликовской битве. Он как бы олицетворяет духовную связь между живыми и мертвыми. Симонов же монастырь, основанный св. Сергием Радонежским и исторически связанный с Куликовской битвой, коммунистами уничтожен.

Это доказывает только степень безрассудства, когда правая рука не знала, что делает левая, руководствуясь единственно злобой и ненавистью к русской национальной культуре и ее носителям.

Вторым замечательным храмом монастыря была Трапезная церковь во имя Тихвинской Божией Матери с двумя приделами, построенная царем Федором Алексеевичем в 1677 году. В этом храме был резной иконостас. Царские врата его обложены серебром и позолоту. Стены и своды покрывала живопись. Вся церковь была выстроена в стиле московского барокко. Над папертью церкви возвышался балкон с прекрасным видом на Москву.

Кроме этих храмов, на территории монастыря было еще четыре церкви со многими приделами.

Две чудотворные иконы, Казанской и Тихвинской Божией Матери, были главной святыней монастыря. Обе иконы находились в Трапезной церкви. Первая в приделе Ксенофонта и Марии, вторая в главном иконостасе храма. Где находится сейчас Казанская икона, неизвестно. Тихвинский чудотворный образ в настоящий момент хранится в церкви села Алексеевского, около сельскохозяйственной выставки, включенной в черту Москвы.

Ограда монастыря, в три с половиной километра и вышиной до восьми метров, с высокими башнями, крытыми черепицей, представляла внушительный вид. В ограде было трое ворот.

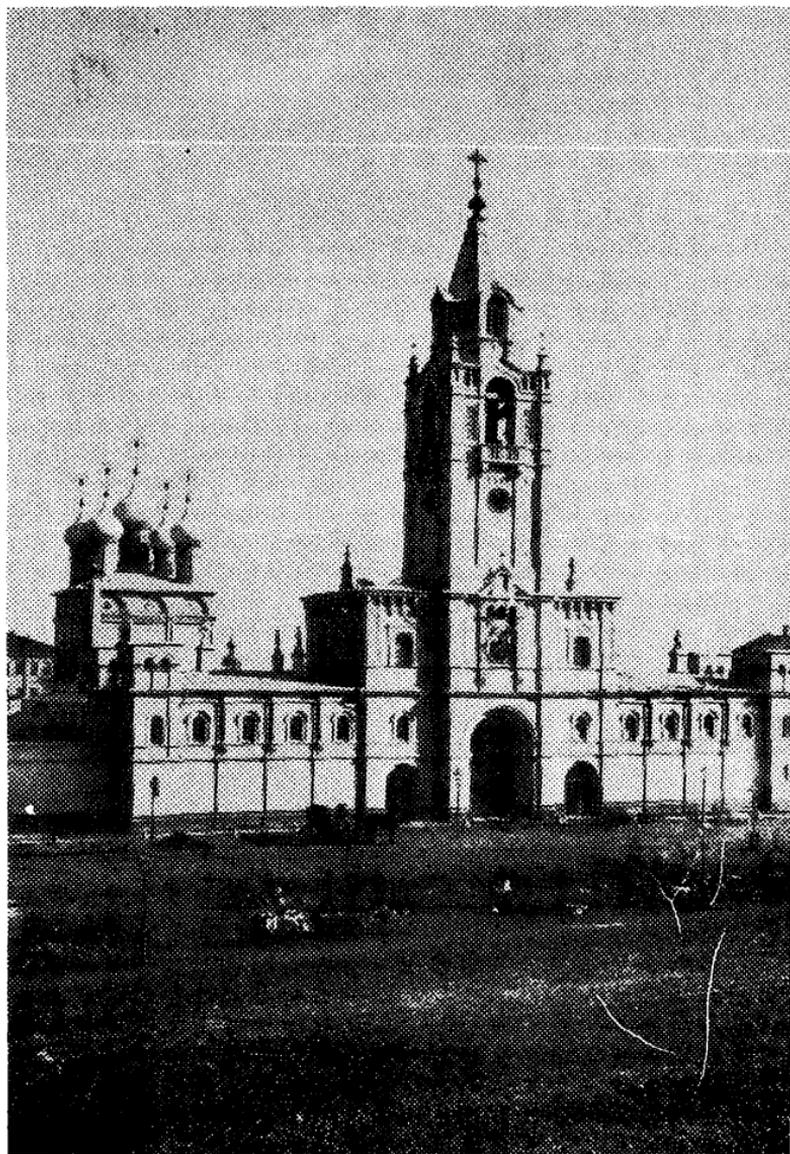
Замечательным украшением Симонова монастыря была величественная колокольня. Построена она в 1839 году на средства купца Ивана Игнатьева, по проекту архитектора Тона, спроектировавшего в свое время Храм Христа Спасителя, а с 1839 по 1849 г. строившего Большой Кремлевский дворец. Говорят, что коло-

кольня эта была выше колокольни Ивана Великого в Кремле. Погибла при ликвидации монастыря и необыкновенно богатая ризница.

В монастыре погребено было много доблестных людей. Среди них: второй сын Дмитрия Донского, князь Константин Псковский, принявший здесь иночество, митрополит Варлаам, царь Симеон Бекбулатович, генерал фельдмаршал Мусин-Пушкин, поэт Веневитинов, писатель Аксаков и многие другие. Кладбище это уничтожено и могилы срыты.

В те же тридцатые годы в центре Москвы на Тверской, теперь улице Горького, разрушили женский Страстной монастырь, который был достопримечательностью города. Обитель эта была основана в половине 17-го века, на месте встречи москвичами Чудотворной иконы Божией Матери Страстная, от которой совершалось много исцелений. Желая воздать благоговейное поклонение иконе, царь Михаил Федорович повелел перенести ее из Нижнего Новгорода в Москву. Икона эта была помещена на месте ее встречи в храме Пресвятая Богородицы, воздвигнутом в ее честь.

В 1654 году, повелением царя Алексея Михайловича, при этом храме устроен девичий монастырь во имя Страстная Божия Матери. До разрушения монастыря Чудотворная икона находилась в этом храме. В центре монастыря красовался пятиглавый собор Страстные Богоматери с нижней церковью и тремя престолами в ней: Архистратига Михаила, Анастасии Узорешительницы и св. Николая. В этой церкви погребены были многие подвижницы обители и многие известные лица: Плещеев, кн. Вяземский, генерал Леонтьев, Чаадаев, кн. Голицын, Волконский и Измайлов. Над входными воротами обители находилась изящно отделанная церковь Алексея Человека

Страстной монастырь

Божия. Церковь и колокольня строились архитектором Быковским.

В 1812 году, во время нашествия французов на Москву, храмы монастыря много пострадали, особенно нижняя церковь, куда солдаты ставили своих лошадей и бочки с вином. Игуменья Тавифа оставалась в обители со священником и некоторыми инокинями. Бесценное сокровище — икону Богоматери — и все драгоценности инокини общими силами убрали в ризницу, находящуюся под крышей главного храма и узкую дверь в нее из алтаря заставили шкафом. Много было усилий со стороны врагов отыскать вход в ризницу. Но Господь ослепил их и они не догадались, что такая слабая преграда, как пустой шкаф, скрывала за собой много драгоценного для обители.

Во время пожара Москвы, когда выгорел почти весь город, Страстной монастырь от огня не пострадал. На третий день после оставления неприятелем Москвы первый звон к благодарственному молебну прозвучал из Страстного монастыря.

В ризнице монастыря хранились редкие достопримечательности времен Алексея Михайловича и Петра Великого, в частности: два воздуха шитых золотом и шелками, плащаница, очень ветхие хоругви того времени, Евангелие 1688 года, золотые ковши, чаши, все вклады царей, их жен и знатных бояр. Было много и безымянных вкладов, ибо народ особо почитал Страстной монастырь и находящуюся в нем Чудотворную икону. Где находится теперь эта икона, неизвестно.

От Страстного монастыря получили свое наименование Страстной бульвар, сохранивший это название до настоящего времени, и Страстная площадь, переименованная сейчас в Пушкинскую. На месте, где находился

Страстной монастырь, построем кинотеатр Россия. Стоявший раньше против монастыря памятник Пушкину перенесен на противоположную сторону площади.

Страстной монастырь после революции был упразднен. В 20-30-е годы в нем находился Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР.

Большинство упраздненных монастырей, а они упразднены в Москве все, представляют сейчас грустную картину. Многие из них приспособлены под хозяйственные нужды: мастерские, склады, заводы и т. п. утилитарные объекты. В одном из них, в бывшем Высокопетровском, как бы в насмешку, помещается "Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры".

Странная участь постигла один из старейших монастырей — Спасо-Андрониев или Андроников. Основанный по обету, иждивением св. митрополита Алексея, 16 августа 1360 года, в день празднества Нерукотворному Образу Спасителя, привезенному митрополитом Алексеем из Царьграда, монастырь этот был особо почитаем народом. Первым игуменом его был ученик Сергия Радонежского, Андроник, чьим именем и названа обитель.

Расположенный на реке Яузе, на высокой горе, монастырь, в котором было 7 церквей и одна из красивейших колоколен в Москве, обнесенный каменной стеной, представлял грандиозную и величественную картину.

Самая древняя постройка монастыря, 1425-1427 гг. — Спасский Собор (Нерукотворенного Спасова Образа Храм). Образ Нерукотворного Спаса находился раньше в иконостасе храма. Собор построен из белого камня и

окрыжен с трех сторон крытой папертью. Паперть эта разобрана при "реставрации памятника", уже в наше время. В этом храме под спудом почивают мощи преподобных Андроника и преемника его Саввы.

Писатель 15-го века, Пахомий Лагофет, повествует, как игумен Александр, а также старец (монах) Андрей, иконописец, "создаста во обители своей церковь каменну зело красну и подписанием чудным своима руками украсиша". Следовательно, этот храм возведен при участии знаменитого иконописца Андрея Рублева, который и похоронен в монастыре. Здесь же похоронен и другой выдающийся иконописец, Даниил Черный.

Андрей Рублев настолько был искусен в иконописании, что в течение 150 лет его иконы служили образцами для других художников. Иконы, написанные по его образцу, слынут и поныне Рублевскими. Можно сказать, что Андроников монастырь был своего рода иконописной академией, рассадником культуры и просвещения. В 14-17 веках он являлся одним из центров переписи книг.

В сороковых и шестидесятых годах прошлого столетия собор был возобновлен "внутренним украшением", по-видимому, во вред старинной рублевской росписи.

Из других церквей следует упомянуть: Архистратига Михаила, теплую, построенную царицей Евдокией Федоровной, урожденной Лопухиной, почему тут были похоронены лица из фамилии Лопухиных; церковь Рождества Богородицы, которая находилась над св. Вратами; церковь Симеона сродника Господня, освещенная в 1803 году, в колокольне. Кроме того, в монастыре имелись еще церкви Алексея Митрополита, Знамения Божией Матери и муч. Евграфа.

В настоящее время от этого величественного ансамбля остался только Спасский Собор с фресками Андрея Рублева, остатки монастырской ограды и трапезная с церковью Архистратига Михаила. Все остальное сравнено в землю. Довершить полное уничтожение монастыря помешала, по-видимому, война. Сейчас в нем организован музей-заповедник древнерусского искусства имени Андрея Рублева и Всесоюзный научный производственно-реставрационный комбинат.

Горькая судьба постигла историческое здание с проездными арками-воротами. Это сооружение не было декоративным, как Красные или Триумфальные ворота, но носило такое же название, Воскресенские или Иверские ворота. Название свое Ворота получили от над-

Воскресенские или Иверские ворота

вратной иконы Воскресения Христова и чудотворной иконы Божией Матери. Воскресенские ворота находились в крепостной стене Китай-Города, около Красной площади, при въезде на бывшую Тверскую, а теперь улицу Горького. Ворота построены в царствование Федора Алексеевича в 1680 году. Сложены они были из крепостного тяжеловесного кирпича с железными связями и закрепами. В толстых стенах у обоих проездов до последнего времени уцелели пробои от двойных ворот. Под зубцами воротных стен были видны осадные стоки, через которые осажденные лили на неприятеля кипяток, расплавленную смолу, серу и свинец.

В двух помещениях (палатках) и двух восьмигранных башнях над ними помещалось огнестрельное оружие, или так называемый огненный бой. Там находились пушкари и стрельцы. Впоследствии амбразуры эти, или пушечные и мушкетные бои, обращены были в окна.

Между проездными арками ворот, со стороны Тверской улицы, находилась часовня с иконой Иверской Божией Матери, присланной в Москву Цареградским патриархом в 1648 году. Икона эта подобие Афонской своей величиной, рисунком и письмом. На правой Ее ланите изображена рана, нанесенная варваром. Из раны этой потекла кровь. Иверская икона очень почитаема и известна была на всю Россию.

Все цари и императоры, въезжавшие в Москву на коронацию, останавливались у Иверских ворот, чтобы поклониться иконе. Петр I празднуя Ништадский мир в 1721 году, торжественно въехал в Москву через эти ворота. Триумфальное шествие, состоявшее из целой флотилии, устроенной на подобие настоящей, с распущенными парусами, прошло под их сводами под

перезвон колоколов всей Москвы.

Ворота эти были снесены при расширении улицы, которую они перегораживали. Иверская икона находится сейчас в храме Воскресения Христова, что в Сокольниках.

Двое декоративных ворот, Красные и Триумфальные, постигла та же участь. Впервые Красные ворота были построены со стеной земляного города и были деревянными. Красными они назывались от цвета, в который были выкрашены. При Петре I они назывались Фроловскими, от церкви Фрола и Лавра, постройки 1657 года, находившейся по соседству.

В царствование этого императора здесь совершалось празднование масленицы. Царь первый выпивал чарку за здоровье своего народа, садился за стол и начинал обед тут же испеченными блинами. Масленичное празднество царь открывал, повертевшись на каруселях с приближенными офицерами.

Снесенные ворота сооружены были в 1742 году, по случаю торжественного въезда в Москву императрицы Елизаветы для коронации. Строил их архитектор Ухтомский, по проекту которого построена знаменитая колокольня в Троице-Сергиевской Лавре. Ворота были выстроены из прочного камня с вызолоченной "Славой" на них. Ни ворот, ни церкви Флора и Лавра больше не существует. Сейчас здесь находится высотное здание и площадь перед ним именуется Лермонтовской. На площади установлен памятник Лермонтову.

Кто в России не слышал о Сухаревой башне? Её, как колокольню Ивана Великого, знала вся страна. Сегодня не все москвичи знают, что это сооружение существовало в их городе, было его достопримечательностью и украшением. Её снесли в те же кошмарные

годы, воспоминание о которых не скоро изгладится из памяти нашего народа.

Интересна история этого сооружения. Во время совместного царствования Иоанна и Петра Алексеевичей был второй бунт, возбужденный царевной Софьей против своего родного брата Петра. Стрельцы, распропагандированные Шакловитым, взбунтовались, но Петр, предупрежденный о готовящемся заговоре, укрылся за стены Троице-Сергиевской Лавры. Полковник Сухарев и его полк, однако, остались верны царю и водворили в Москве порядок.

Сухарева башня — это памятник верной службы и преданности. Наградить полковника за верную службу только дарами и почестями значило наградить его только в глазах современников. А Петр хотел наградить примерно и для потомства.

Так, в 1692 году на месте Сретенских ворот, в соседстве того места, где стоял стрелецкий полк Лаврентия Панкратовича Сухарева, было воздвигнуто в честь его и его полка это необыкновенное сооружение. Это огромное здание, с высокой восьмигранной башней с часами и проездными воротами под ней, было построено по плану и чертежам самого Петра, который, как известно, любил архитектуру и чертил планы многих церквей и зданий в Москве. Когда строилась Сухарева башня, то народ дал ей название "Невесты Ивана Великого".

С самого начала в Сухаревой башне была открыта Петром I математическая и навигационная школа. В числе первых учителей школы был Леонтий Магницкий, составитель арифметики в 1704 году, в которой впервые были употреблены арабские цифры вместо славянских. В этой же Башне, со времен Петра и до Екатерины II, выписанные иностранные актеры пред-

Сухарева Башня

ставляли "комедии". Прочность этого здания была необыкновенна, благодаря глубине фундамента. Вышина Башни, увенчанной гербом в виде двуглавого орла, равнялась 65 метрам.

Много легенд и действительных происшествий было связано с Сухаревой башней. Вот некоторые из них. Знаменитый ученый, граф Брюс, составитель Брюсовского календаря, на этой башне производил наблюдения за движением небесных светил и планет. Народная молва, однако, приписывала ему колдовство, будто он производит там кабалистические опыты и составляет какой-то эликсир бессмертия. Говорили, что в папирном зале бывали заседания какого-то тайного общества "Нептун", в которых председательствовал Лефорт; царь был первым надзирателем, а духовник царский, Феофан Прокопович, оратором. А вот недавно прибавилась еще одна, уже современная, московская легенда о "Черной Книге", хранившейся замурованной в Сухаревой башне до ее разрушения. Легенда состоит из трех сказов. В одном из них говорится, что когда кто прочтет эту книгу, то советской власти придет конец.

После войны 1812 года, как только москвичи стали возвращаться в город и разыскивать свое разграбленное имущество, генерал-губернатор Растопчин издал приказ, в котором говорилось, что "все вещи, откуда бы они не были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и всякий владелец может их продавать, но только раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревой башни". Это положило начало Сухаревскому рынку или "Сухаревке", как его называли в простонародье. "Сухаревка" просуществовала сто с лишним лет. В советское время ее "переименовали" в

Сухаревскую барахолку. Многие москвичи еще хорошо помнят ее.

Триумфальные Ворота, воздвигнутые в честь победы над Наполеоном, находились на Тверской улице (ныне Горького), около Белорусского вокзала. Их снесли при реконструкции города. Тридцать семь лет понадобилось, чтобы понять всю бессмысленность варварского уничтожения этого замечательного памятника. В 1969 году их незаметно восстановили на Кутузовском проспекте.

К уже уничтоженному прибавляются новые разрушения. Один только перечень варварски уничтоженных советской властью исторических объектов и памятников национальной русской культуры составил бы целую книгу — жуткую книгу.

Все народы мира, даже самые отсталые, берегут и ценят свое наследие, доставшееся им от прошлых веков. Нам, от прошлого, досталось немало. Но с приходом к власти коммунистов у нас получается все наоборот. Вместо бережения и почитания — разрушение и поругание, а то и полное забвение даже своего собственного Я.

Все это плоды разрушительной идеологии, вытекающей из интернационального, безродного учения Карла Маркса. Режим, в теперешней России, лучше всего свидетельствует об антинародной сущности советской власти. Все там делается ради торжества великого, призрачного Интернационала и народ незаметно денационализируется, превращаясь в Иванов не помнящих родства. Но не слишком ли рано забывать свое прошлое и отрекаться от памяти отцов? Жить в мире безродными Иванами, когда другие народы с гордостью заявляют о своем происхождении и принадлежности, бывает обидно, а подчас и стыдно.

Ксения Ивановна Сопилко

Из хранения Всероссийской Мемуарной Библиотеки

I. СО СЛОВ ВСЕГДА БЕЗМОЛВНЫХ*

20-30-е годы, Краснодарская область

20-е годы: Сражались мы в Белой армии, отступали и двигались на юг, к морю. А когда подошли к нему, то пароходы уже ушли и мы остались между приближающимися красными и морем. Генерал Морозов должен был сдать со своей ротой, думал этим спасти людей.

Началась совсем иная жизнь. Наш край был богатый: фруктовые сады, пшеница, рожь, поля, да поля подсолнухов, стада овец и коров. Станицы большие, в них каменные дома, школы, церкви. И вот всё стало иначе. Между 20 и 30 годом всё изменилось. Начались бесконечные допросы, аресты, по станицам появились отряды РЕКАКА с подводами, стали забирать скот, вещи, уводить людей... Забрали тестя, братьев мужа, а в 30-м году увели и моего мужа. На допросе спросили его: "Как ты относишься к Ленину?" — "Известно как. Кто против Христа, тот сами знаете кто". После длительного одиночного заключения сослали его на Колыму, и был он в первом транспорте, посланном туда.

А у нас в станице открыли советскую церковь, но люди предпочитали ходить за 15 верст в станицу Мало-

* Повествовательница — малограмотная. Её слова, в 1979 году, были записаны буквально.

росийскую, где находилась "Тихоновская", белая, церковь. Народу там было много, приезжали туда с самых дальних мест, даже из Москвы, такой там служил хороший епископ Леонтий. А закрыли власти церковь ту, после того как однажды после обедни, при выходе епископа Леонтия из дверей церкви, подбежали к нему комсомольцы и облили его кислотой. Он ослеп и его куда-то отослали, а церковь закрыли.

В станице нашей был священник, добрый такой. Звали его отец Петр Кресовальский. Он не хотел служить в церкви, в нашей станице, так как была она советская, а ходил служить в Тихоновскую, до тех пор пока её не закрыли. Чувствовал, бедный, что его арестуют и отослал матушку к родным на Кавказ, а самого его, действительно, скоро увели, как и всех, неизвестно куда.

Ездил я в Краснодар возить мужу передачу. Еду со своей сестрой. Идем по городу, а тюрьма там огромная. Людей сидит много. Рассказывают нам, что моторы в некоторых частях города работают всё время, это всё людей расстреливают.

Видим собор. Большой был собор в Краснодаре, и открытый. Говорю сестре: "Зайдём, помолиться". Входим, смотрю направо, даже дух захватило: висят по стенам голые женщины, а на полу ящики с мертвыми родившимися и не родившимися младенцами, и в алтаре тоже всё стеклянные ящики и там кресты. А какая-то женщина стоит и объясняет громким голосом. Мы в страхе выбежали из собора.

Подводы зачастили в нашу станицу. Стали забирать последнее у людей. И прятать было некуда, брали даже детские вещи. Просишь, оставьте хоть младенцу, — нет, брали всё.

Мужа увели в марте 30 года, а за мной пришли осенью. Детей у меня было четверо: восьми, шести,

четырёх и младенец. Забирают на подводу, а я кричу: "Дайте детей". Кричу, что есть сил. Наконец они берут и кидают мне младенца, а остальных уводят.

И выслали нас на пять лет в Сибирь, в Мариинские лагеря, около Новосибирска. Работала я ночью, в швейной мастерской из-за ребенка. Кормили плохо, хлеба почти не давали, а больше похлебку из желудей. Ребенок — то плачет: — "Мама, дядя хлебушка принес?" А что ему дашь.

В 33-м году пустили. — Не нужны нам, сказали, старухи и женщины с детьми; отправили всех домой.

Путь наш длился 6 месяцев, возили нас из одной тюрьмы в другую. По дороге-то все почти старухи перемерли.

Помню в Сызране тюрьму, стояли там почти по колени в воде. Женщины кричать и протестовать стали, и забрали нас оттуда дня через три.

В Ростове (на Дону) тюрьма огромная, переполненная до отказа, по 50 человек в камере. Кормили плохо, на прогулку водили, то прохожие бросали хлеб нам прямо через забор.

Водили нас из одной тюрьмы в другую только ночью, так часа в два утра. Стыдно было власти, верно, вести старух, да женщин с младенцами под конвоем солдат. То и вели они нас, когда улицы были пустые, окна закрыты и никого нигде не видеть.

И наконец отослали в Краснодар, где я заболела и плохо помню, что было. Отправили с ребенком, Егорушкой, в больницу. А какая это была больница! Сестер и не видеть, помню только одна беременная всё кричала, да кричала и никто не шел. Я пошла к ней, а она лежит на каменном полу и дрожит от холода. Я её чем-то прикрыла, но она вскоре умерла. Сынишка мой тоже заболел и умер. Всё пить просил, да нечего было

дать. А затем в июле меня отпустили. Отправили на станцию. А идти-то я совсем не могу. Воздух опьянил меня, да ноги были страшно распухшие, и живот тоже. Идти-то надо, а не могу.

Спасибо одной землячке, всё поддерживала меня и так довела до станции а то и пристрелили бы. Едва пришли на станцию. Сидим, и сил нет больше идти. Так и просидела на станции дня два. А чем питалась? Да можно было подобрать корку хлеба или остатки какой-нибудь еды. Наконец едем домой. Хочу узнать, что случилось с детьми, с родными, с домом. А в поезде с нами женщина кричит и кричит, чем ближе подъезжаем к станции. Кто она? Да это бывшие людоеды. Едут с Сибири. Когда у них всё забрали и с голоду-то пухнуть стали, то старший сын и говорит: "Видишь, малый-то сейчас помрёт всё равно. Съедем его". Они и жарить стали, а тут нагрянула милиция, да и всех арестовали, и в Сибирь. Вот теперь их пустили. А женщина подъезжает к дому, вспомнила всё и кричит.

Вылезла на своей станции, а до своей станицы еще верст 18 надо идти. С больными ногами далеко не уйдешь, да какой дорогой идти, через какие хутора, куда? Сколько времени прошло, всё теперь иное и незнакомое. Чужие люди, пришлые...

А передо мною желтеют поля, яркие подсолнухи, да знакомый простор... Вижу идут муж с женой куда-то, наверно на хутор, дорогу знают и я за ними... Головы их мелькают в зрелой пшенице и указывают мне путь.

Я спешу за ними, чтобы не отстать.

Из дома вышла женщина: "Откуда идёшь?" Вынесла мне хлеба и квасу. Идти дальше больше не могу. Ноги стали как колоды.

Доплелась до какого-то двора, перелезла через забор и вижу загороженный досками сарай. Забралась и

молюсь Богу: "Лишь бы не нашли". Идти не могу, ноги не двигаются, застыли как колоды.

Вдруг из дома выходит пухлая женщина, чужая, не из наших мест и с собакой. Я сама не своя, что если собака меня заметит. Боюсь теперь людей, никому не верю.

Однако меня никто не заметил. Как только стало светать, пошла потихоньку дальше, да так и добрела до нашей станицы. А своих-то людей нигде и не вижу. Всё чужие, не знаю кто, то ли русские, то ли белорусы. Кто они? Да, возможно, семьи той армии (РЕКАКА), которая забирала все наши вещи, и нас выселяла.

Дошла до дома маминого брата. Стучу. Спрашиваю: "Где Сергей?" — "Такого здесь нет", — был грубый ответ, и дверь захлопнули.

Иду к маминому дому, большой, хороший, каменный, в 14 году построенный. Двери и окна дома настежь открыты. Значит, люди живут и то чужие. Подойти побоялась, и решила пойти к младшей сестре.

Все закрыто и тихо. Постучала. Никто не ответил и не открыл. Решила влезть в окно, чтобы посмотреть, лежат ли еще вещи сестры в хате. Сперва не вижу, а затем слышу чей-то слабый голос. На полу лежит восьмилетняя дочка моей младшей сестры, Еличка. Слабенькая такая, то ли от болезни, то ли от голода. Узнала меня, а я спрашиваю, где мама. "Ушла на колхоз работать. За 15 верст отсюда. Она каждую ночь приходит меня кормить, а дают ей только жменьку проса". Еличка потом так и умерла и хотела, чтобы я осталась, да я не могла. Ночью пришла сестра, и начала рассказывать. Всех, говорит, наших замучили, никого не осталось. Окружили армией, весь скот, продукты и вещи забрали, никуда не выпускали и так люди поумирали с голоду. Мои дети тоже все умерли,

кто заболел, кто с голоду. Сижу и плачу, а надо уходить, комсомольцы поймают, снова засадят. Пошла все же посмотреть свой сад. А сад у нас был большой, красивый, много фруктовых деревьев, черешни, вишни. А сейчас они все в цвету, запах чудный, а я хожу и плачу. Вдруг меня кто-то хватает сзади за руки. Два высоких красноармейца (РЕКАКА), и хотели тут же убить, и говорят: "Видишь, там под деревом закопано уже 50 человек, и тебя туда же положим".

Я стала плакать и просить: "Отпустите, хотела только дом свой увидеть, никогда не приду больше в эти места, сколько жить буду не приду". Пустили. Уходить надо и то ночью, чтобы не увидели. Но куда? Одна кума сказала мне, что в 60 верстах отсюда находится немецкая концессия и там можно получить работу, не имея паспорта. Паспорта ведь мне не дали. А тут вдруг встречаю дочь маминого двоюродного брата. Молодая, а такая страшная, вся черная, как земля. Увидела меня, испугалась и говорит: "Уходи отсюда. Все мы тут погибли".

Добрались мы до концессии. Уже было поздно. А где же, Господи, ночевать? Видим, стоит пустой грузовик, залезли туда. Переспали и на другой день встали в очередь просить работы.

Но кто же даст мне работу? Вид-то у меня какой? Вся распухшая от голода, ноги как колоды, живот огромный. "Помирать тебе, девка, надо, а не работать".

— А что же мне делать, Господи?

На земле, смотрю, яблоки. Рабочие проходят, яблоки покупают. Спросила одну старушку: "Бабушка, а где Казанский базар? А до утра можно мне у тебя пересидеть". Она пустила и хлеба дала. Спасибо, а то есть нечего, обуться не во что.

"Бабушка, говорю, пойду на базар, продам юбку и

куплю яблоки". Яблоки продала, от кого получила деньги, от кого паек, талон на обед. Пошла в столовую, там поела.

А затем когда в грузовике, когда у бабушки переночую, и в конце концов взяли на работу.

Да не долго продолжалась моя работа. В конце 34 года советы забрали концессию, и сказали, что надо получать паспорта по месту рождения. Делать нечего, отправились в свою станицу, очередь стоит огромная тысячи людей, а выдают в сельсовете только по ночам. Так я ходила две недели, пока до меня не дошла очередь.. А секретарь — зверь, не человек. Смотрит на бумаги, на мое метрическое свидетельство и молчит. А там написано, что венчались в Тихоновской церкви (не советской). И я молчу. Помолчал он, помолчал, да так паспорта и не выдал.

Нас тогда 7-8 человек не получили паспорта и мы вернулись в город. Что нам делать. На станции лежим, завернулись в одеяло, которое думали продать. Да вышло не так. Ночью бандиты одеяло украли, хорошо, что не убили. А милиции нигде нет, помощи ждать неоткуда.

Завербовались в Свинсовхоз на работу. Денег не давали, одну сырую кукурузу, наварят, да дают.

А в 35 году вернулся муж из лагеря. Стал искать родных, да нигде никого. Отправились на Кавказ, на рыбзавод месить глину и денег там тоже не платили.

* * *

Александр Судоплатов

II. РУССКАЯ ПЕСНЯ

За 2 месяца до Февральской революции

Мы, группа семинаристов, едем на Рождественские каникулы из Екатеринослава в сторону Ростова. Вагон 3-го класса. Тепло. В нашем купе "для некурящих" так накурено, что сидящие, чтобы лучше разглядеть друг друга, разгоняли рукой табачный дым. Слава Богу, это была не махорка, а Асмолов и Стамболи, хотя махорка признавалась народом "легше для грудей". Над дверью в фонаре коптит стеариновая свеча, освещая на пол-аршина стену вокруг и бросая тёмные тени на сидящих внизу. Углы скрыты в темноте. С нами хорошие певцы (два брата Паторжинских, старший потом гремел в Киевской опере, а младший был дирижёром в Париже).

В отличие от европейцев, которые в дороге разговаривают, — русские, если не едят, не спят, и когда сон ещё не идёт, поют. Русский человек любит песню. Не "унисон", в один голос, как европейцы, а многоголосую. Сколько раз встречались у нас на улице два пьяных. Один заводит песню. Поёт во всё горло. Другой подделывается в терцию выше или ниже. Не выносит русское ухо "унисона", кроме, может быть, монастырского пения, но это другая статья. Ребята давно уже в полголоса напевают, и вдруг высокий тенор Яровицкого (за границей пел у Жарова) зазвенел: "Соловьём залётным юность пролетела"... — "Золотое время было да сокрылось" — подхватил хор. Вагон затих, только равномерный стук колёс на стыках. Пассажиры слушают. Кончили. Гул одобрения.

”Браво”. У нашего купе, в проходе, уже толпа.

”Ой у лузи” — запели мы. ”Заповит, заповит!” — раздались крики. ”Як умру” — выводит бас, — ”тай поховайте!”... Тут уже весь вагон от края и до края подхватил песню. Кондуктор с фонарём шёл проверять билеты. Какие тут билеты. Стал у дверей. Смушковая шапка до бровей. Глаза закрыты. Из-под усов виден открытый рот, подтягивает басом. Под мышкой у него фонарь с оплывшей свечой. Вспоминаются ему родные хаты, вишнёвые садочки, служба в гвардии и вот теперь, как во сне, переживает он всё это.

Любили у нас песню.

1918 год. Другой случай.

Екатерининская железная дорога.

Дрожащий товарный вагон. В германскую войну их называли теплушки, потому что посреди стояла печка железная. Теперь же их называют ”Максим Горький”*. Двери плотно не прикрываются. Крыша дырявая. Во время дождя — на полу лужи. Публика жмётся друг к другу под стенками. В ногах мешки. Везёт барахло в деревню в обмен на еду. В Екатеринославе петлюровцы до черты города, за чертой махновцы, то есть анархия, и так до Донской области.

В вагоне тишина. Слышен шёпот: ”Проехать бы Чаплино, дальше спокойней.. А здесь?.. Здесь самый Махно, отсюда, — показывает рукой рассказчик, — вправо пойдёт Дибривский лес — там ихнее гнездо...” — ”А што разве забирают?” — ”А той как! Месяца два назад, остановили состав, а в нем бывший офицер с

* Так называли товаро-пассажирские поезда, ходившие очень медленно (Ред.).

чемоданом... чудак, хотя бы шинель солдатскую надел, а то хоть и без погон, но шинель офицерская... Сразу видать. Влезит в вагон Маруся Никифорова с матросами... спрашивает документы, а у него даже не спросила.

— Выходи! — кричит на него.

А он побледнел и тихо спрашивает: "Кто это такие?" — чудак, видно к белым пробирался, разве так можно?!

— Ну и что?

— Тут же раздели и пустили в расход!

— Мда! — крикнул кто-то.

— А то вот уже зимой, — продолжал рассказчик, — шёл "шалон" с австрийскими солдатами. На родину возвращались. Махно сам остановил поезд. Ну забрали у немцев какое оружие, а потом Махно говорит, что поезд дальше не пустит. Начали австрийцы его просить. "Ладно, — говорит, — выдайте ваших офицеров — тогда пушу". Тут немцы собрали "митин", галдели, галдели и человек пятнадцать офицеров вывели.

— Ну и что? — раздались нетерпеливые голоса.

— Отсюда версты две, речка Волчья — туда их повели и в прорубь пустили, ракам на закуску... А один был здоровый дядя... его в прорубь головой, а он упёрся руками за лёд и не сдаётся... не хотел видно умирать... тут батько сам лично шашкой ему руки обрубил... Пошёл и он...

Вагон вдруг заскрипел и встал.

— Накаркали! — пробасил кто-то.

"Махно!" — мелькнуло в голове. Сейчас расправа. Мешки подсовывают под себя.

На дворе слышны голоса. Ближе, ближе. Дверь заскрипела...

— Которые за дровами вылази... Дальше не

пойдём. Пару нету...

На дворе уже темно. В хвосте поезда пожар. Загорелась букса. Буксу набивают грязью. Потушили... Люди мчатся к штабелям деревянных щитов, тащат их к паровозу. Тяжёлыми сапогами разбивают и бросают в тендер.

В мирное время на Екатерининской жел. дороге в степи, где местность ровная, зимой по обеим сторонам дороги ставили забор из щитов, чтобы предохранить дорогу от заносов. Летом эти щиты ставились вдоль дороги в штабеля. В революцию заборов не ставили, они служили для отопления паровозов.

Уже тендер набит деревом. Топка паровоза гудит вовсю. Щиты ярко горят.

— Вёрст на двадцать уже заготовлено, говорит кто-то на тендере, утапывая щепки. Люди возвращаются к вагонам.

— Как поедем?.. Там загорелся вагон... букса расплавилась...

— А тебе что? Ведь это в хвосте... чёрт с ними...

Паровоз сдвигается назад... Зазвенели буфера. Состав сжался и потом буксуя двинулся вперёд.

— Поехали... Слава Богу...

Опять уселись на свои места. И вдруг в углу вполголоса затянул кто-то: "Плыве човен воды повен, тай всэ хлюп, хлюп, хлюп, хлюп..." В другом углу подхватили: "Идэ казак до дивчины, та всэ тюп, тюп, тюп, тюп..." И уже весь вагон затянул... и как будто всем стало веселей, теплее и даже светлее. С песней всё забылось.

Та же дорога

Весной 1919 года еду домой на Пасхальные

каникулы. В Екатеринославе на вокзале толпа. В зале 1-го класса люди лежат на полу. Под ногами мешки попеременно с народом. За одним столиком сидит священник в камилавке и с ним штатский. Я удивился: в такую минуту, когда идёт охота на офицеров, духовенство и вообще бывших... этот священник мог бы надеть простое пальто, шапку и не вызывать любопытства людей и не сидеть на виду в 1-м классе.

Не буду описывать давку и толпу, которая лезла в товарные вагоны. Доехали до станции Чаплино. По перрону ходит матрос — комендант станции, видно очень пьян. Из вокзала выходят вооружённые китайцы и становятся вдоль состава.

— Из вагонов не выходи! — орёт матрос. — У одной гражданки украли 2 фунта масла... Будет обыск...

Проходит полчаса. Из одного вагона выводят того самого священника и с ним штатского. Образуется толпа.

— Товарищи! — обезумело орёт комендант. — Вот два белогвардейца пробирались на Дон. В чемодане ихнем найдены офицерские погоны!

Тут же на перроне он приказал им раздеться и стать на колени. Была тишина. И вдруг общий "ох!". Комендант шашкой их обезглавил.

Полчаса, пока поезд стоял на станции, была тишина. У всех было смущение и такое выражение: "А этого не следовало делать".

(среда, Страстная неделя 1919 г.)

Тот же 1919.

После Пасхальных каникул я возвращался в Екатеринослав. На станции Гришино — тьма народу.

Поезда не ходят, никто ничего не знает. У большевиков видно паника. Ясиноватая занята белыми, дорога на Мариуполь отрезана. В конторе вокзала крики. Какие-то солдаты требуют паровоз. Начальник станции исчез. Да и что он мог сделать? Вдруг из дверей станционной конторы выходит матрос с маузером у голенища.

— Слушай мою команду! — орёт он. — Объявляю себя комендантом станции, буду давать пропуска... Без пропусков не пустим в вагоны...

Быстро вытягивается очередь за пропусками.

— На восток пропусков не дадут, — шушукаются в толпе. — Белые уже дошли до Очеретино...

— А на Екатеринослав?

— Туда дадут...

Стоим уже полчаса... час... Но никакого движения. Публика волнуется: в чём дело? почему?

— Пошли искать печать.

Наконец печать принесли. Вхожу в контору. Сидит матрос с папиросой в зубах и видно очень пьян, и с ним какой-то в штатском. Протягиваю ученический билет. Он смотрит на мою форму.

— Студент? Давай!..

Подписывает. Печать приложена. Выхожу на воздух. Смотрю на подпись — каракули, а рядом печать: "Причт Николаевской церкви села Гришино".

1919. Декабрь.

Я в Добрармии. Отступаем из Бахмута. Дорога — грязь невылазная. В поле ещё белеют клочья снега. Ноги у всех натёрты. Еле идём. Очень больно. Портянки прилипают к ранам. Многие садятся у дороги, не в силах идти. Отступаем вторую неделю.

Валяются лошади. Они ведь идут без отдыха из-под Орла. Одна подымает голову. Я вырвал клоч сена из повозки, положил около её рта, но она и не смотрит.

Прошли реку Кальмиус, вступили в Донскую область. Люди здесь не богатые и разговор странный. Солёные помидоры — яблочки, кувшин — махотка. Закрой дверь — закутай дверь.

Идём на Таганрог ещё вёрст 12 и вдруг колонна поворачивает влево. Что такое? Таганрог уже на виду.

Таганрог занят местными большевиками — проносятся по рядам. Люди останавливаются. Прошли сегодня вёрст сорок. Дальше невозможно. Пойдём на Ростов, — несётся по колонне, — ещё усилие... Из Ростова высланы извозчики.

Проходим мокрый Чалтур. Армяне. В дома не пускают. Тиф, говорят. Мы голодные, промёрзшие стоим на улице. Какой-то офицер стоит рядом.

— Вот до чего дошёл, — говорит он. — Первый раз в жизни... — Он отворачивает полу шинели, подолой — курица.

— Уже несколько дней ничего не ел. Товарищи подкармливали. Стало неудобно быть на их иждивении — вот и рискнул...

Подъехали извозчики. Нас на пролётке — четыре человека плюс старик-извозчик и с ним мальчик лет шести. Поехали. Старик всё время кутает ребёнка.

— Ноги не мёрзнут? — непрерывно спрашивает он, обматывая их шалью.

— Что же, отец, ребёнка дома не оставил?

— А на ком я оставлю? Нас-то двое, дома никого...

— Как так?!

— Сына убили на Маныче в прошлом году...

— Кто убил?

— Ваши. Набилизовали... И там его убило... а

невестка больна была тифом... померла... Не холодно тебе? — наклонился он к мальчику.

Полковник Думбадзе, 1920, январь.

Мы стояли в Батайске с конца декабря 19-го года до середины февраля 1920. Вправо от нас, в Ольгинской, стоял Марковский полк, между нами на хуторе Шматов — конница Барбовича. Большевики каждый день расстреливали Батайск из артиллерии и чуть не каждый день пытались наступать. Но их отгоняли. К февралю их силы очень увеличились и нам приходилось туговато. Однажды они ворвались в Койсуг — левее нас. Но их выбили. Нас часто выручала 5-я батарея полковника Думбадзе. Она стояла в Батайске. Полковник Думбадзе был молодой грузин, в пенснэ, нервный, нетерпеливый. Когда красные, часто ночью, приближались к Батайску, он нервничал и просил штаб полка разрешить ему выкатить батарею на передовую линию.

— Я их картечью возьму... Мы здесь как слепые котята. Разрешите хоть одно орудие!..

Ему не разрешали.

Когда у нас была неудержка и цепи наши отходили к Батайску, он открывал беглый огонь по красным.

— Ребята, 5-я батарея бьёт! — кричали в цепи, глядя на облачка шрапнели. — Урра!.. — и цепь неслась вперёд.

Огонь его был удивительный.

После Новороссийской эвакуации мы прибыли в Крым. 5-я батарея оставила орудия и запряжки в Новороссийске. Наш полк поставили на формирование и охрану Керченского района. Так как все орудия в Крыму были на фронте, то полковнику Думбадзе

привезли пушки севастопольской обороны и поставили его в Порт Мама в десяти верстах левее Керчи. Он не обиделся и так выдрессировал батарею, что любо было смотреть!

Однажды ночью из Мама по телефону был слышен его голос.

— Керчь... Штаб обороны... На море замечено судно, идущее в пролив. Наше или неприятельское? Я готов его встретить!..

В это время линия между штабом обороны и морским штабом не работала. В трубке слышны вызовы, но морской не отвечал.

— Наше или чужое?.. — нервничает Думбадзе.

Бум!.. — раздалось в ночи. Не выдержал-таки.

Судно даёт сигналы. "Наше", — передают из Еникале. — "Прекратить стрельбу". Не пришлось полковнику пострелять севастопольскими ядрами.

* * *

Во время Новороссийского отступления нам приходилось очень тяжело. Кухонь, как полагается, не было. Питались тем, что нам давали крестьяне. Чем богаче были люди, тем скупее, а ведь наша армия отступала уже несколько дней. Бывало, заходим в хату, семья сидит голодная. Всё молоко, всю сметану съели. Самим ничего не осталось. Брали у них лошадей, часто с подводчиками. Не желая расстаться с лошадьми, они ехали до самого Новороссийска. Там были брошены сотни коней, часто в упряжке. Тут же околевали. В городе была сладковатая вонь от их трупов. Хозяева жаловались, а мы их часто спрашивали: "Скажите по совести, вы за белых или за красных?" — "Да нам

всё равно, — отвечали они, — белые или красные, лишь бы война эта кончилась...”

Однажды пришли мы в большую станицу. Лучшие хаты позанимали офицеры. Нам, троим солдатам, фельдфебель указал маленькую хатку во дворе. ”Вон в ту халупу!” — указал он.

Мы вошли. Одна старушка, столик и табуретка. Бедность видно. По обычаю задаём вопрос:

— Ну мамаша, у тебя есть, что покушать?

— Есть, дорогие мои, — прошамкала она и сняла с гвоздя торбу.

На стол посыпались ломти хлеба.

— Люди добрые надавали... побираюсь я...

Она достала сурепяного масла. И мы поужинали.

* * *

Остановились в горах в богатом казачьем доме. Казак лет тридцати всё время острит над нами:

— Куда это ваша армия идёт? — подчеркнул он ”армия”.

— На Новороссийск.

— Так там в горах наши зелёные вас, как куропа-ток перебьют. Этой зимой тут у нас они зимовали, у них и артиллерия есть... поворачивайте лучше оглобли!..

— Значит, по-вашему, нам надо сдаваться большевикам?

— А большевики так что? то же люди как и мы...

Мы ложимся на пол, а он раздевается на кровати.

Блестит на столе самовар, в углу швейная машина, граммофон. Очень может быть, всё это благоприобретено во время похода на Москву.

Полковник Новиков, октябрь 1920, Перекоп.

Красные переправились через Сиваш и заходят в тыл Перекопу. Отчаянный бой. Отходим на юг. В Джанкое беспорядок. Грабят интендантство. Какой-то мотоциклист примчался с донесением с фронта. Бросил шинель на машину, помчался в штаб с докладом. Через минуту шинель исчезла. Кто-то пытается завести мотоцикл.

У вокзала стоит группа военных с винтовками и среди них высокий полковник в офицерской шинели Николаевского времени. Это полковник Новиков, говорят в толпе, бравый офицер, его брат, тоже полковник, расстрелян большевиками.

— Господа! — кричит полковник. — Если мы в панике будем отступать, то большевики всех нас перебьют. Кто имеет оружие? Ко мне!.. Заверю вас, мы пробьёмся к морю!..

Я подошёл к нему. Набралось человек двести. Лёгкие пулемёты и винтовки. Мы тронулись на юг. На вокзале шипит паровоз и вытягивает состав с военным снаряжением. Ясно — всё кончено. "Чем идти пешком, — подумал я, — скорее доберусь поездом".

И полез на площадку. Какой-то офицер идёт вдоль вагонов.

— Становись на тормоза! — кричит он. — Два гудка — тормози, три растормаживай.

Два всадника, офицеры в английских плащах, рысью подлетают к площадке.

— Пожалуй поездом доедем быстрее! — Они бросают коней и лезут на площадку.

Наш поезд медленно добрался до Курман-Кельмечи, и вдруг стрельба. Справа по полю рассыпалась красная конница. Они рысью мчатся к паровозу. Рядом

с поездом шла марковская офицерская рота. Несколько залпов. Конница отхлынула.

Поезд дальше не пошёл. Я потерял свой полк совершенно. Двинулся вперёд: где пешком, где на подводах. На второй день поздно вечером прибыл в Севастополь. Ночь и день шла погрузка, к полудню следующего дня суда вышли на рейд. Десятки судов, от океанских транспортов до буксирных пароходов, стали в центре бухты. Всё переполнено людьми, голодными и усталыми.

И вдруг "Ура!" — грянуло на судах. В бухту влетает военный катер, на нём во весь рост генерал Врангель в дроздовской форме. Все почувствовали прилив силы, усталости как не бывало. Вот он.

— Господа! — кричит Врангель. — Я послал радио всему миру с просьбой нас принять, но ни одна страна не ответила на мой призыв. У нас нет провизии и угля. Что будет дальше, не могу обещать. Кто считает, что ему здесь безопасно, — может остаться. Я подам баржу для таких.

Катер подходит к борту каждого корабля. Спрашивает капитанов о положении на борту, но "ура" заглушает его слова. Потом катер пошёл к берегу, генерал выходит на берег и низко кланяется родной земле. Провожающие на берегу машут платками. Катер несётся в бухту и вдруг останавливается. На набережную стройно выходит вооружённый отряд. Катер поворачивает к ним.

— Что за отряд?! — кричит Врангель.

— Ваше высокопревосходительство, полковник Новиков привёл отряд из Джанкоя.

— Много вас?!

— Двести человек!..

Катер медленно движется меж судами.

— Можете ещё принять двести человек?..

— Невозможно — переполнено! — несётся с судов. Катер несётся к берегу.

— Полковник Новиков, я вас возьму, а для людей нет места!

— В таком случае, ваше высокопревосходительство, я не могу оставить людей.

Они ещё несколько минут стояли на набережной, потом повернули в город.

Позже в Галлиполи я узнал, что они в Севастополе сели на брошенных коней, сняли погоны и под видом красного отряда двинулись к Перекопу. Очевидно, полковник рассчитывал выйти из Крыма и пробиться в Румынию. Но на Перекопе их окружили, был короткий бой. Новиков, раненый, и остальные, кто остался жив, были перебиты.

Я часто думаю о сотнях красноармейцев, которых дроздовцы вывезли в Галлиполи, они составляли в полку несколько рот. Их вывезли, а своим офицерам места не нашлось.

Галлиполи, 1920.

Когда-то у Наполеона была старая гвардия, которую звали гроньяр-ворчуны. Это были солдаты, преданные императору, всю жизнь ему прослужили и в конце концов остались бобылями.

Я много видел таких в Добрармии. Эти люди большею частью служили в армии с 1912-13 года, пошли на Германскую войну. С деревней у них связь порвалась. Да и дома о них забыли, особенно в революцию. Они так уже привыкли: их кормят, кое-как одевают, о завтрашнем дне о них нет заботы. Кроме походов, другой жизни не знают. И они были в Добрармии

и воевали как другие. Я думаю, такие были и в Красной армии, хотя у нас они часто вспоминали старые казармы, как лучшие времена. Но когда они очутились в Галлиполи на полуголодном пайке, без дела, они затосковали. Хотя генерал Кутепов приказал: ни одного человека без дела не оставлять, и каждый день были наряды на работы, караулы, ученья, как в мирное время. Они тосковали.

Раз летом ко мне в палатку приходит один из них. Рукавишников.

— Чего тебе, Рукавишников?

— Да вот хочу тебя спросить. Я учился в церковно-приходской школе, прошёл сложение и вычитание... а вот дроби не проходил. Покажи мне дроби... как и что?..

С трудом нашли бумагу, карандаш. Начали заниматься. Сложение, вычитание вышло, хотя получились с общим знаменателем, но когда дошло дело до деления, тут он забастовал. Пыхтел до пота и видимо ничего не понимал. Наконец не выдержал:

— Слушай! Числитель, знаменатель, разность... У меня прямо пошла путаница в голове. Ты говоришь: помножить числителя первой дроби на знаменателя второй... так проще же сказать — верхнее левофланговое помножаем на нижнее правофланговое и выносим на правый фланг...

— Если хочешь, давай так.

Дело пошло.

Двенадцать апостолов. Галлиполи, 1920.

Их было 12 полковников-стариков и их палатку прозвали "палатка двенадцати апостолов". Генерал Кутепов приказал, чтобы люди без дела не болтались.

В наряд на земляные работы они не годились, на строевые занятия тоже, и вот им нашли занятие: в полдень, когда выходит новый наряд на развод караулов, они командовали разводом. Бывало встретится наряд: кавалерия, пехота, справа гвардия. В конце линейки показалась фигура очередного полковника. Надо сказать, что один полковник вывез саблю, и вот они по очереди её носили, причём португеею не перетягивали по росту, так что одному шашка подходила, а маленькому — она волочилась по земле, как в лермонтовские времена.

— Развод, смирно!

Полковник медленно ковыляет и вдруг нагнулся и что-то подобрал.

— Вот глазастый, — бурчит мой сосед, — бычка (окурок) нашел.

Полковник медленно подходит к фронту и останавливается перед одним солдатом.

— Гимназист? — спрашивает он.

— Семинарист, господин полковник!

— М-да... конечно... — бурчит он. — Надо знать "Господи помилуй" и кое-что другое... Что именно? — вскидывает он голову.

— Подай Господи!.. — общий смех.

— Пояс надо надевать, когда идёшь на развод! — зашипел он.

Когда наши солдаты разводили костры, чтобы согреть чаю или сварить мамалыгу, если удавалось "загнать" что-нибудь из одежды, то полковники, перегоняя друг друга, мчались с котелками к костру. Солдаты охотно давали им место.

Но вот однажды наш батальон ушёл в город на работы. Лагерь опустел. Полковники приуныли. Негде чаю согреть.

Однажды наш дневальный Рукавишников развёл костёр. Старики роем помчались к нему.

— Ставьте... ставьте, господин полковник.

Несколько котелков полезли в костёр.

— Послушайте, Пётр Николаевич, куда же вы толкаете мой котелок? это же нахальство!

— Он говорит "нахальство"... Молокосос, вы знаете, что я старшинства 907 года.

— Ну так знайте, что я 904 года... Имею крест за Ляоян...

— Ну господа, — вмешался третий, — если уж пошло на это, то вот видите эту руку... — протянул он руку к костру, — её пожимал сам Михаил Дмитриевич.

...?..

— Михаил Дмитриевич Скобелев! — гордо повторил он.

Котелки почтительно уступили место.

* * *

Я часто попадал под артиллерийский и пулемётный огонь в гражданскую войну. Провёл 1942-45 в Берлине (был взят немцами на работы). Много раз перенёс бомбардировки города и завода, но нигде не почувствовал такого ужаса, как во время крымской эвакуации.

Пароход "Саратов" переполнен. На верху ещё можно найти место где сесть. Но тут холодно, ветер, лёт дождь. Внизу же люди буквально стоят прижавшись друг к другу. Где-то на носу отвели помещение для раненых, больных, для женщин и детей. Пароход торговый, уборных для всех не хватает. И вот команда подвязала к бортам брёвна для этой цели.

Была ночь. Иду по палубе. Очередь. За чем? За

водой? В уборную... Стану и я. Свистит ветер. Вдруг человек, стоявший передо мной, вскрикнул.

— Человек упал за борт!

— Где?.. Куда?..

— Да вот в уборной! Сорвался с бревна!

Все прильнули к борту. Пароход океанский высокий. Внизу темнеет вода. Все всматриваются.

— Что-то не видать! — говорит сосед.

— Да, темно... видно камнем пошёл ко дну...

— И то возможно...

— В мирное время, — говорит сосед, — сейчас бы остановили пароход, спустили бы лодку... а теперь?..

— А теперь человек ничего не стоит... до чего дошло!..

На секунду в голове мелькнул ужас человека, когда тот сорвался с бревна, ужас, которого до сих пор забыть не могу..

* * *

Я спускаюсь вниз. Надежды нет найти кусок пола, где можно сесть. Прохожу по коридору и вдруг вижу ярко освещённый зал, очевидно кают-компания команды. Яркий свет и даже как будто тепло. Я вошёл и сел на полу. На столах сидят какие-то дамы, стоит куча чемоданов, картонок. Сидят штатские и военные, все хорошо и чисто одетые.

В тепле дали знать себя паразиты. По привычке рука лезет за пазуху.

— Владимир Петрович! — позвала какая-то дама.

К ней подошёл офицер в форме, как когда-то до революции, с палашом. Дама что-то шепнула ему, указав глазами на меня. Офицер подошёл ко мне.

— Вы что здесь? Марш отсюда!..

Я встал. На нём шапка белая, вроде кубанка, с большой белой звездой. Таких за всю гражданскую войну я не встречал на фронте. Хотелось ему сказать, что я уже около месяца иду с боями от Токмака, где-то осталось бельё в стирке, что уже третий день ничего не ел и не спал. Но лучше не говорить... Сейчас объявят большевиком, ведь здесь их право. Тяжело стало. Уеду за границу. Будут ещё драться с большевиками, сюда не вернусь. Прощай, Родина.

* * *

Во время кубанского десанта мы разбили бригаду красных, их было 2 бригады, и взяли около 2 тысяч пленных. Когда их поставили в ряд и спрашивали: "Есть ли между вами комиссары или красные командиры?" — то многие из них, думая, что их будут расстреливать, со страху падали на землю. Когда же они услышали, что мы их принимаем в свой полк, они так обрадовались и так нам служили! У них были винтовки со штыками, шанцевые лопатки, у нас этого ничего не было. Когда мы попадали под пулемёт, они никогда не ложились.

— Ложись! — кричим им.

— Чаво там, господин капитан! — отмахивались они.

У нас было много украинцев. Но это были люди, которые больше смотрели назад, где его хата, и часто дезертировали. Эти же сибиряки так дрались, что думалось: за что они так дерутся? Сколько их осталось переранено и перебито. Как они накинудись на арбузы и дыни. У себя этого они не видали.

Среди них был молодой Ушаков. Я с ним дружил. Месяца за два до эвакуации он мне тихонько сказал:

— А знаешь, ведь вы не победите красных...

— Я знаю... — ответил я. — Все мы будем в море...

— Так чего ждать? — сказал он. — Пойдём туда! —

Указал он на север.

— Чтобы большевики расстреляли!

— Я гарантирую. Я... я... — выпучил он глаза. —

Верь мне, — бил он себя в грудь.

”А ты что за авторитет?” — подумал я.

Ночью он исчез, а через несколько дней, когда обнаружилось, что он дезертировал, другие пленные признались: это был политрук 2-й уральской бригады.

Из уличных разговоров

1917 год, август. В Екатеринославе, возле городской думы каждый день шли митинги. Однажды вылез на трибуну солдат — видно большевик, говорил захлёбываясь против войны, грозил буржуям. После него влез офицер, говорил, что если русские бросят фронт, то немцы не только заберут нашу землю, но вместо воли нас сделают рабами.

Какой-то человек низкого роста стоял около меня. Когда говорил первый оратор, он кричал ”браво!”, когда же кончил второй, он тоже кричал ”браво! верно!”

Какая-то дама обернулась к нему:

— Слушайте, товарищ, вот товарищ говорил против войны, вы кричали ”правильно!”, — а теперь вот офицер говорит за войну, вы опять кричите ”правильно!”

— Да, правильно!..

— Да кто же вы? Левый или правый?

— Я?..

— Ну да, вы!

— Я... я беспартийный!

* * *

1918 год. Город занят большевиками. На Соборной площади происходят похороны жертв революции. Над толпой кружится "Ньюпор", всё ниже и ниже.

— Разойдись, очисти место... Лётчик машет рукой... Хочет спуститься...

Толпа быстро раздалась. Самолёт круто нырнул и разбился в центре круга. Видно лётчик был пьян или неопытен.

Общий крик. "Одному красному кавалеристу сорвало голову" — несётся в толпе.

— А лётчик?

— Лётчик убит!..

Передо мной высокий дядя. Он всё видит. — Лётчик убит! — говорит он.

За ним — маленький, тщедушный, чиновник видно.

— Лётчик убит? — толкает он высокого.

— Убит!.. — оборачивается тот.

— До смерти убит? Слушайте, до смерти убит?! — толкает он снова.

"Дядя" оборачивается и медленно отвечает:

— Нет, до полусмерти.

* * *

Вот переворошил в памяти, что осталось за эти 55 лет, и заметил, что всё горькое, страшное осело на дно, а наверху остались эпизоды смешные больше. Постепенно злоба, ненависть притупляются, и думается: пройдёт ещё, может быть, несколько десятков лет, в

России всё переменится. Люди очнутся от кошмара. И когда-нибудь, где-нибудь, хотя бы на том самом Перекопе, соберут кости и белых и красных в одну могилу — безразлично. И над ними поставят крест. Ведь они сражались за счастье родины, только каждый из них понимал это счастье по-своему.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» — «LA PENSEE RUSSE»

Почетный директор Зинаида Шаховская.

Главный редактор Ирина Иловайская Альберти.

Самая большая русская еженедельная газета на Западе.

Выходит в Париже каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

217, rue du Faubourg St, Honore, 75008 Paris.

Условия подписки (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
Франция	45	85	150
Прочие страны	54	95	170

Почт. счет: С.С.Р. 5883-44 К. Paris.

Цена отдельного номера 5 фр.

Г. Андреев

В СЛЕДЫ ПРОШЛОГО И НЫНЕШНИЕ

Записки эмигранта

После второй мировой войны прошло 36 лет. А об одном из самых позорных, последовавших за нею преступлений, — о насильственной выдаче советским коммунистам на смерть бежавших от них сотен тысяч советских же граждан, — западный человек узнал всего года три назад, из двух книг, вышедших в Англии, написанных на основании бывших до того секретными документов. Об этом преступлении давно и не раз говорилось в нашей, эмигрантской печати, — западные "средства информации" упорно молчали.

О судьбе выданных сколько-нибудь точных сведений тоже не было, хотя органы западных правительств, следившие за происходившим в советской зоне Германии, несомненно хорошо об этом знали. Доходившие до нас, эмигрантов, сведения и слухи ограничивались тем, что выданные СМЕРШу западными оккупационными властями советские (и не советские, например, русские эмигранты первых лет власти большевизма, советского подданства никогда не имевшие) граждане в советской зоне помещались в особые лагеря и подвергались там тщательной проверке. Прежде всего выяснялось, как они попали в Германию. Если военнопленные, то при каких обстоятельствах попали в плен, где находились и работали всё время в плену. СМЕРШевцы сразу же завели в лагерях своих осведомителей, собирали доносы стукачей, составляя картину поведения каждого у немцев. Власовцев, т.е. служив-

ших в РОА, в особенности офицеров, часто расстреливали даже и без допросов.

Бывших пленных почти всех отправили в разные "исправ.-трудовые лагеря", со сроками в 10 и больше лет. Очень немногих, может быть три или пять процентов от общего числа, отпустили по домам (наверно "особо заслуживших"). Отправляли в лагеря и "острабочих", которых немцы почти всех привезли насильно (добровольно поехавших в Германию на работы было не так много): из них отпустили по домам тоже очень немногих. Остальных наверно побоялись отпустить: они видели, как живут рабочие, крестьяне в Германии, Австрии и рассказы их об этом коммунистическим властям были нежелательны.

Где, в каких лагерях и как потом содержались выданные, тоже неизвестно. В рассказах новейших эмигрантов, побывавших в лагерях, упоминаний о них почти не встречается. Может быть никто из них и не остался в живых: в 50-е годы доходили слухи, что выданные, осужденные в проверочных лагерях в советской зоне, отправлялись в особые лагеря с предельно суровым режимом.

В конце войны были случаи, когда в немецких частях, попадавших Красной армии в плен, были и русские в немецкой форме, без знака РОА на рукаве. Умея хотя бы немного говорить по-немецки, они выбрасывали свой "зольдбух" (солдатский военный билет у немцев), выдавали себя за немцев и вместе с ними шли в лагерь для немецких военнопленных. После того, как Аденауэр выторговал у Хрущева согласие на возвращение немецких пленных, с ними вернулись в Германию и сколько-то русских, все годы плена пробывших в немецких лагерях. Один из таких псевдонемцев как-то, в конце 50-х годов, рассказывал, что некоторое

время был в лагере на Северном Урале, где по соседству с ними, для работы в шахтах, был "каторжный лагерь", как называли они его между собой. Заключенные были там в полосатой каторжной одежде, с номерами на груди и спине. Выглядели они необычайно изнуренными.

Немецкие пленные на работе встречались с русскими десятниками, нарядчиками и от них узнали, что каторжники — это власовцы, осужденные будто бы пожизненно. Говорили, что они доведены до полного отчаяния, зная, что обречены. Конвой и десятники ходили у них с дубинками и избивали их по каждому поводу и без повода. Обессиленные, работали они под землей кое-как, никогда не выполняя норм, — за это тоже подвергались избиениям.

Но и избивавшие боялись каторжников: доведенные до предела, каторжники иногда бросались на своих мучителей и убивали их. Сбежавшаяся охрана тут же убивала каторжников. Утешения для охранников в этом было мало — и они не отваживались ходить по лагерю в одиночку. Десятники и другие руководившие работами люди тоже не показывались одни, а всегда группой, с двумя-тремя охранниками. И все постоянно следили за окружением, нет ли какой опасности.

У заключенных развился как бы особый вид спорта: гибель всё равно неминуема, так перед ней "захватить с собой на тот свет" одного из охранников. В заключении инстинкт жизни обостряется, самоубийства редки (за восемь лет своего заключения помню всего два случая), — а здесь вроде бы появился смысл в самоубийстве: отомстить тем, что один из мучителей умрет с тобой. Была и игра в карты: платить нечем — ставкой была жизнь одного из охранников. Проигравший выжидал случая — и кайлом или молотом убивал

”проигранного”, тут же отдавая и свою жизнь.

Ни о чем этом ни в западной печати, ни даже в эмигрантской, не сообщалось. Кстати: немцы опросили всех возвратившихся пленных, записав опросы. В 60-е годы записи эти были опубликованы в нескольких толстых томах. Но, как приходилось слышать, они были ”отредактированы” и опубликованы не все или не в том точно виде, как говорили бывшие пленные. Так, по рассказам некоторых немецких журналистов, бывших на опросах и напечатавших тогда же свои впечатления о них, большинство опрошенных говорило о хорошем отношении к ним населения, которое само голодало и всё же помогало пленным — и очень плохо о начальстве и порядках, — эти отзывы будто бы в опубликованные уже при власти социал-демократов тома не попали. Впрочем, уехав в США, я тома эти не видел; может быть, не поинтересовались ими и другие наши эмигранты и сведений о них в нашей печати не появилось...

Всё это, как и многое другое, в страшной истории наших десятилетий осталось не отмеченным, не описанным, хотя данные об этом продолжают храниться в глубинах архивных недр. Но чем дальше, тем больше повсюду распространяется желание поменьше помнить о неприятном в прошлом, мешающем жить беспечно и бездумно. Можно сослаться на пример с теми же вождями китайских коммунистов, ставших желанными гостями нынешних западных правительств. Их наперебой приглашают, радушно принимают. И кто вспоминает, что они — соратники ”великого Мао”, вместе с ним уничтожившие в Китае больше ста миллионов человек, чтобы установить и укрепить свою власть? Зачем помнить о неприятном? Тем более, если и сам в нем виноват?

Не стараются помнить и о причинах начала второй мировой войны. О Мюнхене, о захвате Гитлером Чехословакии, потом Австрии, как и о внезапно вспыхнувшей дружбе между Сталиным и Гитлером есть лишь общие стандартные представления, не подкрепленные основательными исследованиями побудительных всего этого причин. О пакте Гитлер-Сталин исписаны тонны бумаги, — всюду, однако, повторяется одна и та же внешняя канва событий, без вскрытия подоплеки. В сорокалетие заключения пакта, непосредственно толкнувшего Гитлера в войну, даже в эмигрантской печати не было сказано хотя бы о том, как объясняла этот пакт сама "советская власть".

Объяснение между тем было дано, почти сразу после заключения договора с Гитлером о "нерушимой дружбе", вскоре и "скрепленной кровью" (после занятия разделенной Польши), как высокопарно возвестил Молотов. Помнится, он первый и сказал, в объяснение неожиданной дружбы, что Англия и Франция надеялись на то, что "мы будем таскать для них каштаны из огня", — но, торжественно клялся Молотов, делать этого мы не будем. И Сталин тогда много раз твердил: "мы ни для кого каштаны из огня таскать не будем".

Вся эта выпренность оказалась пустым и зловещим хвастовством: как еще пришлось "таскать каштаны" из огня! До того, что и о числе погибших в войну сказать никак не могли решиться. Молотов пробормотал однажды, что потери составили семь миллионов убитыми, — это было явной ложью, которой никто не мог поверить. Хрущев много лет спустя, когда Сталина уже не было, чтобы отвязаться от наседавших на него западных журналистов, крикнул им, что погибло 20 миллионов человек (эта цифра так и осталась в статистике потерь), что тоже было уменьшено

примерно вдвое. Так исполнилось клятвенное обещание "не таскать каштаны для других из огня".

Однажды я писал об этом, давно, повторю еще. Поворот к "дружбе" с нацистской Германией был настолько неожиданным, что в Политбюро очевидно решили всё же его "объяснить народу". Я тогда работал на заводе недалеко от Москвы. Вскоре после подписания договора было объявлено, что после работы состоится собрание. Слухи шли, что будут говорить о новой дружбе. Заводской клуб был полон, парторг объявил, что "товарищ из обкома" расскажет трудящимся о некоторых фактах в связи с заключением договора. Мы насторожились: значит, что-то важное, если говорить будет не какой-то спотыкающийся на каждом слове ванятка из райкома, а специально присланный из обкома пропагандист.

Он оказался весьма "подкованным", свое дело знающим. Вряд ли он сказал больше того, что содержалось в тассовских бюллетенях для партаппарата обкомовского уровня, но для нас и это было материей абсолютно неведомой. Говорил пропагандист хорошо, живо и хорошим языком, без дешевых агитационных приемов.

Начал он, помнится, с того, что еще весной 39 года на одном из больших дипломатических приемов в Берлине к Деканозову, советскому послу, неожиданно подошел Гитлер и любезно поговорил с ним минуты две. Это произвело сенсацию: советский посол никогда прежде вниманием главы нацистской Германии не пользовался. В Кремле жест Гитлера тоже, конечно, не остался незамеченным.

Затем Деканозову передали досье с подробными записями мюнхенских переговоров, дополненные записями разговоров между западными делегациями,

сделанными тайно от них. Стало ясно: гитлеровское руководство желает установить дружеские отношения с руководством сталинским.

Риббентроп первый раз приехал в Москву тоже не с пустыми руками: он привез записи секретных переговоров и копии документов правительств Франции и Англии, в Париже и Лондоне, — гитлеровская разведка не сидела сложа руки. В Кремле, понятно, знали, что симпатий у этих правительств и к коммунистам, и к нацистам быть не может, но большое значение имело узнать об их конкретных планах. В Москве, говорил обкомовец, учитывали, что привезенные материалы могли быть в Берлине как-то препарированы и даже частью сфабрикованы, но в свете постоянно действующих обстоятельств они были вполне правдоподобны. По сути дела, планы Англии и Франции вероятно были направлены на то, чтобы, отведя гитлеровскую угрозу от себя, перенести ее на Советский Союз, с тем, чтобы он вымотал свои силы в борьбе с нацизмом, — они могли питать надежды и на то, что это позволит убрать с мировой арены и коммунистов, и нацистов. Об этом обкомовец, конечно, не говорил, но такое само собой вытекало из сказанного о "кознях капиталистических держав".

Первым следствием ознакомления Сталина и его окружения с привезенными Риббентропом документами было немедленное прекращение переговоров с представителями Англии и Франции о заключении антигитлеровского союза: Гитлер несостоявшихся тогда союзников перехитрил. Через несколько дней договор о дружбе с нацистской Германией был подписан — и Гитлер, обеспечив свой тыл и успокоив этим своих генералов, смертельно боявшихся войны на два фронта, ринулся в войну.

Подобные собрания были проведены в Москве в наркоматах, крупных учреждениях и на заводах, московских и под Москвой. Сообщенное на них показывало оправданность выдвинутого диктаторами нового лозунга: каштаны из огня для других таскать не будем. Вместе с тем это объясняло пакт с Гитлером и отказ от союза с Англией и Францией иначе, чем даваемые до тех пор объяснения.

Такого освещения "дружбы" с Гитлером на Западе не встречалось. Еще никто вероятно не заглядывал в архивы глубже, чтобы изучить материалы, лежащие не только на поверхности. И потому тысячи страниц, посвященных Мюнхену, а затем и началу войны, связанные с ними события освещают только внешне, по принятым схемам. Ничего не найти по этому поводу и в многотомных мемуарах Черчилля о второй мировой войне. Черчилль кстати отметил в них, что одной из главных его задач было предохранить Англию от потери двух-трех миллионов человек. Он считал, что если в войне погибнет столько молодых англичан, Англия перестанет быть империей и великой державой и большой его заботой было не допустить гибели такого числа своих соотечественников. Отсюда легко понять, почему он шел на уступки Сталину и Рузвельту. Вспомним хотя бы его торговлю со Сталиным в Кремле, когда он писал на бумажках, какой процент влияния останется на долю Запада в Румынии, Болгарии, Югославии и т.д., будто не понимая, что если туда войдет Красная армия, то Западу там не останется ничего. Но Черчилля судьба делимых им на "влияния" стран вероятно и не интересовала, главное было — сохранить англичан. Этого он добился: потери в войне у демократических стран были ничтожными. Но Англию от потери империи и былого могущества это не

спасло.

Клятвенное обещание "не будем таскать для них каштаны из огня", показывает "отца народов", "корифея всех наук" и прочая совсем в другом свете. Обычно считается, что Сталин хотел "перехитрить" и Германию, и западные страны, чтобы потом они стали его легкой добычей. В действительности игру вел не он, а его противники и ему, будто бы великому политику, оставалось лишь пытаться как-то не поддаваться им.

Трудно соглашаться и с изображением поведения Сталина перед гитлеровским нашествием. Принято почему-то считать, что Сталин упорно игнорировал все донесения о подготовке гитлеровцев к нападению и ничего не предпринимал для усиления обороны. Но это не совсем так: уже с 1940 года в западные военные округа стали переводить новые и новые воинские части. Фактически проводилась частичная, необъявленная и скрытая мобилизация: были призваны в строй сотни тысяч запасных. Поспешили разоружить укрепления на старой границе, но одновременно возводили новую линию обороны.

Вместе с тем никто лучше Сталина не понимал, насколько Красная армия не готова к большой войне. Никто лучше его не знал, что командный состав уничтожен чуть не полностью, что начатое перевооружение не проведено и на половину, что новую оборонительную линию едва начали сооружать, — и что, наконец, население ждет войну, надеясь освободиться от власти коммунистов, — об этом он тоже знал отлично. Он ведь принадлежал к тем немногим, кто хорошо знал, что все они, как и его "строительство социализма", не очень уютно сидят на бочке с динамитом. Маниакально подозрительный и готовый всюду видеть опасность, он не мог оставлять без внимания

предупреждения о подготовке нацистов, — но что можно было им противопоставить? "Построение социализма" довело страну до того, что ей впору было капитулировать после первых же выстрелов врага.

Надеемся можно было в сущности только на чудо. Авось немцы опять начали стрелять и бомбить по ошибке (в Польше не раз происходили с ними случайные стычки, во время "нерушимой дружбы"), авось время еще не пришло. Поэтому он и приказывал, до последнего, не отвечать на огонь немцев. А когда сомнений уже быть больше не могло, на несколько дней исчез из вида, как об этом впервые открыто сказал Хрущев, в знаменитой речи на XX съезде партии. Он впал в панику, а потом в состояние прострации, — пока политбюровцы не понудили его взяться снова за руль власти...

Получилось так, что еще в начале июня начальство решило послать меня в Рыбинск, где у нашего главка было небольшое предприятие, которое мне предстояло ликвидировать. Война прекратить работу не могла, но выехать я собрался только в самом конце июня. В эти первые дни войны я старался увидеть старшего брата, профессора военной академии, чтобы поговорить, может что узнаю о настроениях наверху. Но никак не удавалось дозвониться: к телефону никто не подходил. Наконец я всё же поймал его и даже на четверть часа заехал к нему на квартиру, в Новинском переулке, в огромном доме Наркомата обороны. Он заскочил домой всего на полчаса, что-то взять. Жену с сынишкой отправил в Сталинград к родителям, на третий или четвертый день войны, — потом, в эвакуационных скитаниях, я помогал им добраться до Самарканда, куда эвакуировали академию брата.

Теперь он почти совсем переселился в Генштаб,

куда его на время взяли и где все работали сутками, там же ели и спали, не выходя из штаба и на час. Он был как в горячке, ничего путного сказать не мог и сказал только, что у них считаются с возможностью отступления за Волгу, за Урал (и это всего через неделю после начала войны!), но что драться будем до последнего. Что же иное оставалось?

В октябре я эвакуировался со своим главком из Москвы. За трое суток добрались до Казани. Перед ней, на правой стороне Волги, по обеим сторонам железной дороги рыли танковые рвы, траншеи-окопы: оборонительные работы были в разгаре. Недели через две спустился по Волге до Сталинграда — там тоже гоняли жителей на оборонительные работы: всё пространство между Волгой и Доном было изрыто окопами, танковыми рвами. А западнее немцы продолжали наступать, они взяли уже Харьков, Ростов и выкопанные всюду и там танковые рвы ни на день не могли их задержать...

Захлебывающуюся речь Сталина, в начале июля — "Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои..." — я слышал по радио в Рыбинске. "Вождь" делал очередной зигзаг, отлично зная, что одолеть гитлеровцев, которым он столько помогал в годы "нерушимой дружбы", можно будет только великими жертвами, гибелью миллионов своих людей, полной горстью "таская каштаны из огня" для союзных врагов коммунизма. Но кровавые просчеты коммунистических вождей были уже привычными.

Они и остаются пока, связанные с началом второй мировой войны, недостаточно изученными и освещенными. Любителей к полному и нелицеприятному освещению их видимо еще не находится...

На новом курсе

В последние примерно два десятилетия получилось так, что дело свободы и порядка в мире оказалось как бы беспризорным и отодвинутым на дальний план. На первый выдвинули защиту прав человека и много о ней вещали, забывая, что без обеспечения свободы и порядка права человека не могут быть защищены. В результате дело защиты свободы и порядка ветшало, слабело, лишалось возглавления, оставалось распыленным и плохо организованным. Этим пользовалось возглавление коммунистического движения: за завесой бесконечных и бесплодных разговоров о разоружении и новой фазе "мирного сосуществования", в условиях мнимой "разрядки", коммунисты резко усилили свои вооружения, захватили ряд территорий в Африке и Азии и активизировали питаемые ими вооруженные набеги в разных частях света, под вывеской помощи "национально-освободительному движению", хотя подлинное это движение в их помощи не нуждается.

Новое правительство в США, президента Рейгена, решило принять энергичные меры по пресечению коммунистической активности, заботясь о быстром увеличении своих вооруженных сил, чтобы иметь возможность в любое время противостоять коммунистическому натиску. Наша эмиграция может только одобрять эти меры и желать успешного их осуществления, — очень надеяться на что, впрочем, пока слишком рано. На Западе много раз объявлялась необходимость усиления своего противостояния коммунистам. Но вскоре западная решимость гасла, из-за недостатка воли к длительному напряжению. И можно только желать, чтобы на этот раз у Запада хватило воли и нервов, чтобы новому курсу не изменять.

Следует одобрять и другой аспект мер нового президента США, во внутренней политике, по оживлению экономической деятельности и сокращению излишних, не вызываемых несомненной необходимостью расходов. После второй мировой войны западные страны скоро привыкли жить не по средствам, за счет будущего. Укрепление потребительского общества привело к росту претензий на постоянное повышение уровня жизни, — встав на этот путь, западные правительства должны были рост этих претензий поощрять. А это стало придавать западному обществу черты общества уже благотворительного, узаконившего, что каждый гражданин имеет право на достаточное обеспечение его жизненными благами и должен их получить, независимо от того, может ли он их себе заработать, как и от того, имеет ли общество достаточную возможность предоставить ему их. Блага эти должен кто-то оплачивать — высокоразвитые страны оплачивают их главным образом за счет будущего, наводняя свои страны новыми выпусками бумажных денег и необычайно увеличивая свой государственный долг.

К чему это ведет, известно по примерам России, Германии: к безостановочному росту инфляции, разрушающему экономику страны и к обнищанию населения. Не желая, понятно, повторения этих примеров, надо отдавать себе отчет в том, насколько рискованно государствам "жить не по средствам", с постоянным бюджетным дефицитом, — жить, по сути дела, в надежде на некое чудо, которое когда-то "спишет" бремя колоссального государственного долга, только проценты по которому составляют ежегодно уже миллиарды долларов. И беспечность, с которой западные страны продолжают эту практику, подгоняя рост долга, не может не вызывать тревожного чувства.

Американское правительство надеется преодолеть трудности с помощью оживления частной деятельности и повышения продуктивности своей огромной промышленности, по праву занимающей еще ведущее положение в мире. Однако в ней наблюдаются явления, вызывающие сомнения: может ли она надежды правительства оправдать? Правительственные эксперты-экономисты по-прежнему считают западное хозяйство частнособственническим, — но разве осталось оно тем высокопроизводительным капиталистическим хозяйством, каким оно было 40 и 50 лет назад?

Тогда оно было несомненно частнособственническим, с открытым рынком, подчиняющимся привычным законам свободной экономики. Например, было еще незыблемо, что цены на товары и услуги диктуются спросом и предложением и корректируются конкуренцией. На рынке выступали тысячи и тысячи производителей благ и услуг — и миллионы потребителей, обладавших заработанными ими своим трудом "покупательными средствами", за которые они хотели получить потребные им хорошего качества товары.

А что представляет собой рынок теперь? В Америке в 60-е годы на рынок хлынул новый покупатель: прозябавшая главным образом на юге беднота "цветных". Ей вдруг объявили, что если у нее нет ни денег, ни работы, она всё равно имеет полное право жить, как все и для этого получать у государственной казны необходимые пособия. Эта беднота, "перебивавшаяся с хлеба на квас", прежде всего хлынула в большие города — в Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Филадельфию, Бостон, может быть опасаясь, что в забытых всеми поселках на юге ее новое право обеспе-

чено не будет. Получив же пособие, бросились покупать, не очень разбираясь в качестве ("дарёному коню" кто смотрит в зубы?).

Армия эта была не малой, в миллионы человек. И она не могла не изменить климат, "психологию" рынка. Претензии у нее тоже вскоре появились, но они всё же не были теми, что у людей, зарабатывающих деньги своим трудом. И первым результатом появления новой армии покупателей было быстрое падение качества товаров и услуг, замеченное в начале 70-х годов повсеместно. А падение качества — значит и снижение в какой-то мере эффективности производства: плохого качества товар вскоре потребует замены, на которую тоже будет израсходован труд, энергия, сырье.

В настоящее время армия покупателей, не зарабатывающих теперь же деньги, сильно возросла: около 30 миллионов пенсионеров, вероятно два-три миллиона безработных, получающих пособия, наконец, несколько миллионов неимущих, "на велфере". Это огромная армия примерно в сорок миллионов человек, — то, чего прежде, во времена классического капитализма, не было.

Не может быть, чтобы значительная перемена в "качестве" покупателей не оказывала сильного влияния на "законы рынка", в частности на ценообразование. Но этот факт, полагаю, ускользает от внимания современных экономистов, хорошо помнящих формулы классической экономики и не имеющих других. Тогда как же они могут надеяться принимать меры, отвечающие требованиям давно изменившихся условий?

В ценообразовании царит полный хаос и подчиненности "спросу и предложению" не видно и тени. Об этом хорошо знают все, кто непосредственно сталкивается с "куплей и продажей", — к ним отношусь и я.

Мы живем в "одноэтажной Америке", — не скажешь "в деревне", ибо наших деревень здесь нет. Можно сказать — "в сельской местности". В нашем "тауншипе" семь-восемь поселков по 50, 100 и больше домов, раскиданных этак на 30-и или больше квадратных милях. До всего не близко: ближайший торговый центр — мили две, почта — три-четыре, — без автомашины жить в одноэтажной Америке немислимо. Жена машиной не правит, — тем самым во всех покупках участвую и я. Удивляться тут есть чему. На днях, скажем, покупали одно и другое, — поехали сегодня: смотри ты, те же продукты, а стали дороже на 20, 30, а то и больше центов. Почему? Не угадаешь. Будто и не было слышно, что подорожают, но вот, подорожали.

Любопытна практика роста цен. Рост расходов при довольно большом обороте торговли, по всем правилам означает повышение цены на реализуемые товары в несколько процентов. Не тут-то было: в американской торговле с какими-то там единичными процентами не считаются — и поднимают цены сразу на 15, 20% и больше. Можете спросить: а как же с ценообразованием? По теории оно должно соответствовать росту заготовительных цен, расходов и т.п.? Но об этом спрашивайте не меня, а американскую торговую сеть.

В 1975 году купили мы новую автомашину, признаться, с расчетом: больше покупать не будем, этой должно хватить "до конца". Но качество машин тогда уже сильно понизилось, и в этом году вижу: не миновать еще покупать. Найти не так-то легко, чтобы и по нашим деньгам и чтоб меньше бензина жгла (автомеханики в один голос говорят: хороших машин теперь нет, не делают). Нашли, наконец, опять ДОДЖ, над которой конструкторы трудились года три, — авось, подумалось, что приличное соорудили (при близком

рассмотрении в багажнике, впрочем, увидели такую несуразность, словно конструкторы выпивши были). Решили: подойдет. И мотор всего четырехцилиндровый, — но что примечательно: мотор Фольксвагена, немецкий. Свой решили не делать: этот, дескать, себя зарекомендовал, чего же лучше. И написано: если хотите мотор немного сильнее, то, за некоторую доплату, поставим другой — японский, Митсубиши.

Что-то невероятное: замечательная американская автопромышленность моторы делать не желает, покупает за океаном! И еще жалуется, защиты просит, что японцы наводнили американский рынок своими автомобилями. В прошлом году, говорят, в Америке было продано свыше двух миллионов иностранных машин! (Первый Форд в могиле небось краснеет от ярости). Спрашивается, а кто же виноват, если не американские же автоконцерны? Как они ухитрились отдать свой рынок чужому дяде? И еще говорят, что сделали это — капиталисты! Но это же на капиталисты, а сапожники! Или им идти улицы Нью-Йорка подметать, а не автопромышленностью руководить! А между тем, их продолжают считать заправскими капиталистами.

Сконструировать хороший автомобильный мотор — надо несколько лет. Тоже и хорошую автомашину. Да, но кризис с нефтью тянется уже восемь лет, — за такое время можно было бы несколько моделей танков сконструировать, целый авианосец с десятком легких крейсеров в придачу. Чем же занимались автоконцерны восемь лет? А они надеялись, что кризис как-то "рассосется" и они снова будут получать большие барыши от "штрассенкрейсеров", как зовут в Европе американские колымаги. Значит, они разучились оценивать верно обстановку, — как и зарабатывать деньги умом и уменьем.

Еще случай с автомашиной. Года три назад не так далеко от нас построили еще один торговый центр, — с размахом, с фонтанами, почитай, дворец. В широких коридорах-галереях устраивают иногда выставки: моторные боты, картины, автомашины. Однажды заметил я там очень ладную машину, среднего класса, просто отличной выделки. Но и цена хорошая: 11.000 долларов. Подумал: обречена стоять. Для среднего покупателя — дорого для такой машины. А для денежного мешка — не репрезентативна, лучше Линкольн себе купит или Мерседес.

На днях опять заехал в тот же центр. Вижу, та машина стоит себе на том же месте. Опять подошел, посмотрел на лист в окне: теперь ей поставили дизель. А цена? Глазам своим не поверил: 23.900 долларов. Рядом смотрел американец. Повернулся, как-то крикнул утробно, выругался и плюнул.

И было с чего. Спрашивается, каким спросом и предложением была продиктована и первая, и вторая цена этой машины? Она явно была взята "с потолка", или по правилу "чего моя левая нога хочет". Как же в таком случае полагаться на законы свободного рынка? На конкуренцию? И не потому ли экономисты-эксперты постоянно ошибаются в своих прогнозах?

Недавно опять ошиблись, с ценами на бензин. Решили отменить контроль цен на местную нефть и эксперты объявили, что это повысит цену на бензин на 3-4 цента на галлон (казалось бы, почему? Ведь расходы компаний от отмены контроля не возросли? Но уже выработалась привычка: поднимать цены по любому поводу). Не успели объявить — на другой же день бензиновые станции продавали бензин на 8 - 10 и больше центов дороже.

Может быть, эксперты считают повышение цен

только нефтяными компаниями? Но потребитель платит не эти цены. У экспертов же постоянно получаются просчеты: они оперируют наверно с некими расчетными, теоретическими ценами, а не реальными. И неизменно ошибаются.

Почему всё это происходит с американской промышленностью, — ответить на это должны эксперты, после тщательного изучения. У меня ответа нет. Могу только предполагать, что главное очевидно в том, что американское хозяйство в большой мере уже не частнособственническое. Совет директоров какой-нибудь огромной корпорации — это не капиталист, а зачастую лишь злая пародия на сборище псевдокапиталистов. Громадные акционерные общества — это анонимный капитал, а не частный, отдельных лиц, умеющих и приумножить свои капиталы, и о снабжении рынка заботиться. Еще какое-то время назад в тех же громадных корпорациях "контрольные" пакеты акций принадлежали бывшим хозяевам заводов и фабрик и они еще могли вмешиваться в руководство ими, — теперь почти не осталось и этого. Руководят всем "управители", — а это не капиталисты, а только служащие.

И будь они семи пядей во лбу, вернуть былое не в их силах. Это хорошо показал случай с главным администратором (назову так: больше отвечает делу) Крейслера Лакоком. На самом верху деловых американских кругов его считают едва ли не гением в руководстве промышленностью. Года три назад, когда на огромной корпорации Крейслера случился серьезный недуг, угрожавший банкротством, его пригласили для спасения гиганта, на котором заняты десятки тысяч рабочих. Лакок энергично взялся за дело. Тогда он еще выступал по телевидению и уверял, что Крейслер

оживет. Как мне говорили, гений, человек очень состоятельный, работал бесплатно: вместо зарплаты он получал символический один доллар в год, так что жажды к наживе тут не было, работал он честно, с идейной устремленностью и бескорыстием.

Результат? Прошлой весной эксперты вынесли приговор: Крейслер один не выживет, ему надо слиться с другой корпорацией.

Главное, говорят, в профсоюзах. Рабочие там получают 20 долларов в час и профсоюзные боссы на меньшее не согласны. Предлагали: если снизить плату до 17.50 в час, корпорация еще удержится на воде и может быть выживет. Но профсоюзники не согласны, может быть считая, что это снизит их престиж. Они привыкли, чтобы зарплата несмотря ни на что повышалась и идут в сущности на шантаж, зная, что правительство закрытия корпорации не допустит: тогда придется огромные суммы платить рабочим по безработице. Профсоюзники и вынуждают правительство выручать безнадежную корпорацию: субсидия на выплату зарплаты всё же даст и какой-то доход, в виде подоходного налога, вычетов на соцстрахование, — а пособие по безработице для правительства будет абсолютной потерей. И правительство гарантировало субсидию корпорации, спасая ее от полного банкротства.

Современные профсоюзы, в особенности в США, стали большим злом, но о них дальше. Насколько можно судить со стороны, в корпорациях дело отравляет и другое большое зло: бюрократизм. Мы привыкли видеть его в государственных и муниципальных учреждениях, но он сковывает дело очевидно и в промышленности, в хозяйстве. Образование огромных корпораций, концернов, казавшееся их организаторам много лет назад очень выгодным, давно уже мстит (они созда-

лись по существу преступно, в нарушение антитрестовских законов, с помощью миллионных взяток) тем, что они сами оказались опутанными внутри неразрубаемыми канатами бюрократического управления, глушащими инициативу и крайне затрудняющими, или даже устраняющими возможность живого руководства делом. Дело омертвляется, становится вялым, неподвижным, что видно в работе и промышленных гигантов, и муниципальных учреждений.

Можно вывести правило: сносно (или даже хорошо, в виде исключения) работают пока в США предприятия, выполняющие правительственные заказы. Всё остальное работает "спустя рукава". И стало совсем не редкостью, что при этом руководители полагаются не на свои силы, а на помощь со стороны. Своего рода вымогательство помощи, субсидий вошло в привычку. Мэры больших городов, губернаторы штатов постоянно паломничают в Вашингтон, умоляя дать им или увеличить субсидии и угрожая в противном случае полным крахом своего хозяйства. Вину за это они возлагают на кого угодно, только не на свою нерадивость. Страсть к иждивенчеству, характерная для "социалистического хозяйства", отравляет теперь и то, которое неосновательно продолжает считаться капиталистическим.

В 1967 году, когда мы окончательно переехали в США, проезд в собвее в Нью-Йорке стоил 15 центов. Стоимость жизни с тех пор поднялась на 250-260%, — а проезд стоит не 40-50 центов, а 60, в четыре раза дороже. И говорят, что, если не дадут субсидии, плату придется поднять до одного доллара, иначе транспорт выйдет из строя совсем. Кто же будет в этом виноват, как не его управление?

Не забудем и правительственные субсидии сель-

скому хозяйству: оно тоже работает хорошо отчасти и за счет субсидий. Субсидии, помощь правительства стала каким-то эпидемическим злом, развращающим ответственных лиц.

Вернемся к профсоюзам. В первый наш приезд в Америку, в 1959 году, я первый раз услышал фразу: профсоюзы погубят Америку. Тогда она показалась мне сильным преувеличением, — теперь такой я её не нахожу.

Профсоюзы давно считаются институцией не только непременной, но и неприкасаемой: любую критику их готовы счесть за критику устоев демократического строя. При этом как-то забылось, когда и для чего они создавались. Профсоюзы стали создаваться примерно сто лет назад — когда рабочий день длился 14 - 15 часов, зарплата была минимальной и за рабочим не признавалось никаких прав. Тогда действительно существовала хищническая эксплуатация — для защиты от нее и стали возникать рабочие организации.

Но то время давно прошло. Право на восьмичасовой (и меньше) рабочий день, на достаточную зарплату, ограждение условий труда, как и права человека не только признаны, но и записаны в конституции и ни отмене, ни нарушению не подлежат. Трудовые конфликты, включая требования на повышение зарплаты, давно могут решаться и без профсоюзов, — положение последних между тем остается таким же, что и сто лет назад: они всё еще будто бы борются с хищнической эксплуатацией, которой нет и проявляют хищничество сами. И отравляют общественный климат созданием фальшивого впечатления, что рабочие чуть ли не по-прежнему подвергаются недопустимой эксплуатации каких-то злостных сил, тогда как сами профсоюзы часто превращаются в деструк-

тивную силу.

Кроме того, они, не только в Америке, а вообще на Западе, вошли в нынешний "биг бизнес" (большой бизнес), с огромными получаемыми с рабочих капиталами и высокооплачиваемыми боссами. Последние иногда даже ищут предлог, чтобы объявить забастовку, по любому и пустяковому поводу. И никто не может сказать, в чью пользу она затеяна: в пользу профсоюзных боссов или даже мафии, крепко опутавшей многие профсоюзы. Меньше всего пользы получают рабочие и еще меньше — вся масса "средних людей". Рабочим прибыли нет: повышение зарплаты будет скоро съедено вызванным этим повышением ростом инфляции.

В этих условиях трудно верить, что инфляция может быть остановлена. Бывший президент США Картер неустанно и бесплодно призывал к жертвенности; Рейген к ней не зовет, но обращается к сознательности, что тоже вряд ли может вести к успеху. И одна из причин — видимо нежелание бороться с инфляцией среднего звена управителей — тех же профсоюзных боссов, средней массы бюрократии. Инфляция им привычна, роста государственного долга, по их мнению, им бояться нечего — и на словах признавая необходимость борьбы с инфляцией, на деле они практически саботируют эту борьбу, — вот так, как в Нью-Йорке, продолжая повышать плату за проезд, что отзовется на кармане миллионов жителей города и будет способствовать инфляции.

Любопытно, между прочим, как действует мелкая бюрократия, обеспечивая своё бытие. Я — домовладелец (такое никогда мне и присниться не могло бы, но в США это одно из условий приличного существования многих пенсионеров), почему мне приходится сталкиваться с нашими управителями.

Крутые меры нового президента по экономии средств вероятно напугали наше "крапивное племя". Но оно крепко стоит на земле и решило от возможных напастей застраховаться. Для этого нужен резерв средств. Главный источник у них — налог на недвижимое имущество, на наши дома и участки. Повысить налог им не разрешат. Они пошли в обход. Получаю письмо: оценка вашего участка и дома повышается на 100%. Понятно: таким образом в будущем году сильно повысят налог. Поехал в управление, спрашиваю, что за новость. А это, говорят, чтобы приблизить оценку к реальной стоимости, — вдруг вы решите продавать дом (они, видите, о нас заботятся! Знакомый мотив). Но я не собираюсь продавать, если вы к этому не принудите. И что такое: вы повысили даже не на 100, а на 138%! Почему? Отвечать ему нечего. И мне больше нечего говорить. Но повезло: перед чиновником лист с описанием нашего владения, с планом дома. Глянул издали — что-то там не то. Позвольте, говорю, это что у вас? А это комната. Но у нас нет тут комнаты, это "порч" (веранда). Смутился малость: бюрократия ошиблась. Разве веранда? Хорошо, пересмотрим, сделаем не 138, а 100%, как у всех. Утешение малое, но что с крапивным племенем поделаешь? В суд разве подавать? Так ведь столько волокиты... А инфляция, борьба с ней — это, они считают, их не касается, пусть борются в Вашингтоне...

Можно бы привести и еще примеры подобной практики, как и сослаться на другие "слабые звенья" в работе современного хозяйства Америки, по старинке продолжающего считаться классическим капиталистическим. Но я не занимаюсь "разоблачением". Можно и уточнить: несмотря на "слабые звенья", американское хозяйство остается мощным, способным выполнять

даже, возможно, любые задачи. Его недуги не означают, что оно находится в кризисном состоянии. На мой взгляд, нынешнее его состояние скорее указывает на то, что оно вынуждено будет изменить некоторые формы своего руководства и деятельности, чтобы они отвечали изменениям последних десятилетий.

О силе его может говорить и такой факт: в Америке ежегодно появляются новые миллионеры. И не из числа игроков на бирже или в рулетку, а по большинству из вчера еще мелких предпринимателей, благодаря своей энергии, уму и способностям добывающихся в экономике высот — и уклоняющихся от растворения в огромных корпорациях, где они лишатся инициативы.

Сохранилось в американском хозяйстве и здоровое соревнование, конкуренция, большей частью на нижнем и среднем уровнях и в некоторых областях деятельности, наверно еще оставшихся свободными от душающих объятий корпораций.

Эти некоторые иллюстрации из жизни самой богатой и мощной в мире страны я привожу вот почему: иногда приходится читать или слышать, что в освобожденной от комдиктатуры России ее хозяйственную деятельность надо будет организовать на американский образец, который предлагающие это считают едва ли не идеальным. Но из копирования чужих образцов обычно мало получается путного, тем более, что и от идеальных они далеки. Свободная американская экономика со временем забрела в дебри, из которых ей предстоит выбираться на простор и как она это сделает, какими путями, пока неизвестно. Повторять ее опыт бесполезно: для этого нужны были бы и все пройденные американские условия, а не наши.

Пока можно предлагать лишь одну общую уста-

новку: хозяйство освобожденной России должно возводиться на основах частнособственнического владения и инициативы, как самых продуктивных и жизненных. Это хозяйство, как показал уже большой опыт западных стран (как и стран "социалистического лагеря", где отказ от этой основы привел к неизживаемой нужде и возрождению самых мрачных форм угнетения), только и способно в наибольшей степени обеспечивать и социальную справедливость, и высокий уровень жизни. Этот же опыт говорит и о том, какие рифы и мели поджидают его в пути, избегать которые каждому приходится на свой лад.

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вышел выпуск 5

За 3 выпуска при подписке:
непосредственно в издательстве долл. 23.-

Цена отдельного выпуска долл. 11.-

"Надежда" составляется и распространяется в России в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить ее распространение на Родине, переиздавая за границей типографским способом. Без помощи читателей за рубежом мы этого издания продолжать не сможем. Уже сейчас издание "Надежды" задерживается из-за недостатка средств, хотя у нас в "запасе" лежит несколько новых выпусков, которых с нетерпением ждут читатели в России

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6320 Frankfurt/M. 80

КАК ЭТО БЫЛО

УПРАЗДНЕНИЕ МОНАРХИИ

Мало осталось тех, кто помнит и знает, как произошла Февральская революция, упразднившая в России монархический строй. Не легко узнать об этом и в литературе, в особенности в нашей стране, где сведения о "Феврале" комдиктатура давно и совершенно искажает. Ниже приводим отрывки из книги М.К. Дитерихса, принимавшего участие в расследовании обстоятельств убийства царя и царской семьи в Екатеринбурге (потом — Свердловск). Книга его — "Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале" впервые была издана во Владивостоке, в типографии Военной академии, в 1919 году. Отрывки взяты из первой главы (Ред).

27 февраля 1917 года, в городе Петрограде, по инициативе представителей народа, в лице членов Государственной Думы, революционным порядком было низложено правительство Императора Николая II. Об этом насильственном событии российский народ был осведомлен особым извещением Временного Исполнительного Комитета, выделенного из состава членов Государственной Думы. Председателем его был Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, и членами избранники народа: Н.В. Некрасов, И.И. Дмитрюков, В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, А.И. Коновалов, М.А. Караулов, С.И. Шидловский, В.Н. Львов и В.В. Шульгин. Мотивом такого чрезвычайного антиправительственного деяния Временный Комитет выставлял тяжелые условия внутренней разрухи страны, вызванной мерами старого правительства. *Но о намерении низложить Главу Государства и принять на себя Верховное Правление*

страной в этом извещении народных представителей ничего не говорилось.

2 марта 1917 года, в особом акте Государь Император Николай Александрович объявил о своем *добровольном* отречении от престола Государства Российского в пользу Брата Своего Великого Князя Михаила Александровича. Мотивом такого решения было выставлено *сознание необходимости перехода к конституционному государственному строю*, почему Государь Император и заповедовал Своему Брату править государственными делами в полном единении с представителями народа в будущих законодательных учреждениях.

3 марта того же года Великий Князь Михаил Александрович объявил народу, что он примет Верховную власть только в том случае, если на вступление его на Прародительский престол Российскаго Государства будет выражена воля всего народа, которая должна была выявиться через его представителей, созванных в специальное для сего Учредительное Собрание. До тех пор Великий Князь приглашал всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, созданному по почину народных представителей Государственной Думы.

Речь идет здесь лишь о формальной стороне актов, объявленных народу, т.-е, о том фотографическом, так сказать, впечатлении, которое должна была получить масса русского народа, могшая знать о чрезвычайных событиях, происходивших в Петрограде, лишь по данным этих официальных доходивших до нее актов.

Так как волеизъявления народа на избрание Великого Князя Михаила Александровича на Российский престол не последовало, как не последовало и самого открытия Учредительного Собрания, то трехсотлетнее

царствование династии Романовых на престоле Российского Государства прервалось фактически событиями, определенными вышеуказанными актами Главы Государства и представителей народа.

Для главной массы населения Российского Государства, повторяем, события представлялись в том виде, духе и характере, как изложены они были в официальных актах. А в этих последних характерно для всех последовавших событий то, что перемена в Верховном Правлении Российской Державы последовала как бы в теснейшем контакте и при обоюдном согласии между Верховной властью Государства и представителями народа, заседавшими в Петрограде в Государственной Думе, во имя блага Государства и народа. Народные представители усмотрели зло в правлении страной, Царь согласился, и обе стороны признали необходимым и соответственным переживаемому времени отказаться от существовавшего самодержавного строя правления и перейти к строю конституционному.

Самодержавие династии Романовых прервалось по решению Главы Дома Романовых и народных представителей, составлявших Государственную Думу.

Но вместе с ним, с Главой, пала и сама династия.

Периоду царствования династии Романовых скромное Московское Государство обязано возвеличением до степени Великой Российской Державы. За эти 300 лет Россия стала величайшей мировой страной, не только по своим размерам, но и по своему государственному и политическому значению. Этим в достаточной мере определяется историческое значение для русского народа периода царствования самодержавной династии Романовых и этого ее значения из истории России ничто исключить не может. Поэтому пред-

ставляется вполне естественным, что народные представители Государственной Думы, почин коих отмечается в движении 27 февраля 1917 года и в последовавшем создании Временного Исполнительного Комитета, являвшиеся образованнейшими и интеллигентнейшими людьми Государственной Думы, не могли себе позволить покуситься официально, перед историей, на самую династию, и ограничились выступлением против правительства Державного Главы династии, и только через две недели, 15 марта, *под давлением обстоятельств*, принося, как члены Временного Правительства, присягу, они клялись перед Всемогущим Богом всеми предоставленными им мерами подавлять всякие попытки, прямо или косвенно направленные *к восстановлению того строя, который создал Великую державу Российскую*, т.-е. восстали и против бывшего самодержавного строя Романовской династии.

В том же 1917 году, последовательным ходом событий, власть пародных представителей Государственной Думы Российской Самодержавной Монархии унаследовали народные представители советов российской рабоче-крестьянской социалистической республики. Если руководителями народных представителей Государственной Думы против старого строя являлся преимущественно цвет российской интеллигенции, то в составе вдохновителей народных представителей советской России главная роль принадлежала еврейской социалистической интеллигенции и той части русской интеллигенции, которая была в оппозиции к большинству руководителей Государственной Думы За народными представителями первой категории пошла ре-

волюционная часть России, создавшаяся из рядов интеллигентного и буржуазного классов и из служилого командного состава армии. Народные представители второй категории опирались на фабрично-заводской контингент пролетариата и на солдат армии, разошедшихся со своим командным составом.

Среди ожесточенной борьбы гражданской войны между этими двумя группами революционной России, около 3-х часов ночи с 16-го на 17-е июля 1918 года, в маленькой, полуподвальной комнате дома Ипатьева в городе Екатеринбурге, был зверски убит отрекшийся от Престола Госудраь Император Николай Александрович вместе со всей Своей Семей.

Убийство это явилось совершенно исключительным, как с точки зрения уголовно-криминалистической, так и исторической. Николай Александрович и все Члены Его Семьи были не только изуверски уничтожены на глазах друг друга при кошмарной обстановке, но еще и сожжены после убийства, дабы даже от Их тел не оставалось никаких следов. Николай Александрович и Его Семья первая из Державных Семей за всю тысячелетнюю историю Российского Государства погибла так непонятно жестоко в среде своего народа и от рук своих бывших подданных. Тем более приходится ужасаться и содрогаться перед этим вечным грехом русского народа, что, в глазах массы русского Православного мира, Государь Император Николай II *добровольно* подчинился воле народных представителей России, стремясь, по собственному Его выражению, облегчить народу в переживавшиеся тяжелые дни теснее объединиться и сплотить все свои силы для достижения "победы, благоденствия и славы".

"Да поможет Господь Бог России", — кончал

Свое обращение к народу бывший Царь, становясь, казалось бы, с этого момента совершенно безопасным для народных представителей новой России.

И тем не менее злое дело совершилось.

Начало ему положили народные представители Государственной Думы, а народные представители советов — его завершили.

6 марта 1917 года *общественный Кабинет Министров, назначенный Временным Комитетом Государственной Думы и санкционированный советом солдатских и рабочих депутатов*, объявил, "во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе", амнистию "по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и т.д.". Но уже 8-го марта этот Общественный Кабинет счел необходимым *без следствия, суда и приговора* арестовать "гражданина Николая Александровича Романова", и не только Его, но и всю Его Семью, заключить их под стражу, лишить свободы и права и, впоследствии, сослать под караулом в Тобольск.

15-го марта члены этого Общественного Кабинета: кн. Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, А.И. Гучков, А.И. Шингарев, М.И. Терещенко, И.В. Годнев, В.Н. Львов и Ф.И. Родичев, принося присягу, клялись преклониться "пред выраженной Учредительным Собранием народной волей об образе правления и основных законах Российского Государства", но в то же время сочли возможным обещать: "всеми предоставленными им мерами подавлять всякие попытки, прямо или косвенно направленные к восста-

новлению старого строя”, т.-е. свергнутого ими самодержавного строя Романовской династии.

Руководясь и под впечатлением доктрин Думских политических партий, группировок и блоков, и преуспев в политическом состязании с *”создавшимся в явочном порядке”* советом солдатских и рабочих депутатов, и получив возможность, по словам декларация, составленной П.Н. Милюковым, *”восстановить некоторый порядок”*, надо думать, что министры Временного Правительства полагали принятую ими политическую деятельность в достаточной мере соответствующей желаниям страны и всего народа. *”Энтузиазм, населения по поводу совершающегося”*, пишет П.Н. Милюков, *”дает полную уверенность не только в сохранении, но и в громадном увеличении силы национального сопротивления”*. *”Не может быть двух мнений”*, говорит профессор К. Соколов, *”насчет того, что представляю собой Временное Правительство такого состава. Это было то самое министерство общественной доверия, которого тщетно добивался от Николая II думский блок. То, в чем отказывало России безумное упорство Царской власти, дала ей политическая мудрость революции”*. *”Наша родина знает людей, подписавшихся под текстом присяги. Она прислушивалась к их голосам и верила им раньше, когда русскую жизнь властно давили мрак и произвол, она верит им и теперь в эту историческую минуту”*, писал журнал *”Жизнь и Суд”*. Такие же суждения можно найти почти во всех других периодических изданиях обеих столиц того времени.

Повидимому либерально-буржуазные круги российской интеллигенции, руководившие с 1905 года политическими настроениями и движением общественной мысли страны, были искренне убеждены, что рус-

ский народ перерос формы своего государственного строя и что он стремится к свободе и самоуправлению в государственном отношении. "Путь, который нужно было пройти обширнейшему в мире государству от военного мятежа в столице до торжественного установления республиканской конституции, казался в первые месяцы революции таким легким и коротким" — такое мнение царило в политиканствовавших кругах буржуазной интеллигенции в первое время революции. Воспитавшись на политических течениях и формах Западной Европы, с увлечением следуя теоретическим доктринам социальных учений различных умов мира, стремясь к приобщению себя к умственной культуре Европы, русская интеллигентная масса в значительной своей части прониклась убеждением, что русский народ уже пережил дух своего неограниченного самодержавного строя, что за период с 1861 года он уже утратил симпатии к монархическим формам и что в уме и сознании народа в достаточной степени культивировались идеи и желания, исповедывавшиеся столичной и подпольной либеральной интеллигенцией. В этом убеждении как бы поддерживала руководителей из народных избранников Государственной Думы и та внешняя обстановка первых дней революции в столице, когда Дума сошла с почвы законности, ослушалась Царя и представилась Временному Комитету центром новой власти, власти революционной, желаемой и поддерживаемой страной и иностранными представителями Европы.

"В тот же день утром нижние чины Волынского и Литовского полков вышли на улицу и устроили ряд демонстраций в пользу Государственной Думы... В короткий срок, при единодушном настроении всей армии в пользу переворота... Рабочее население Петрограда

проявило большое политическое благоразумие и, поняв опасность, грозившую столице и стране, в ночь на 2-е марта сговорилось с Временным Комитетом Думы как относительно предполагаемого направления реформ и политической деятельности последнего, так и относительно собственной поддержки будущего правительства в пределах объявленных им политических намерений... Послы английский, французский и итальянский признали народное правительство, спасшее страну от тяжелой разрухи и восстановившее веру в боевую способность страны и армии... Энтузиазм населения по поводу совершающегося дает полную уверенность не только в сохранении, но и в громадном увеличении силы национального сопротивления". Всё это выдержки из той же декларации Временного Правительства, составленной П.Н. Милюковым, о которой упоминалось уже выше. Декларация, разосланная "всем, всем, всем", свидетельствовала о глубокой вере ее составителей в свои силы, в правоту совершенного переворота, в народоволие проводимых ими политических и государственных принципов и отмечала солидарность с членами Общественного Кабинета Временного Думского Комитета, совета рабочих и солдатских депутатов и всей армии. Иначе говоря, убеждение "народных избранников Государственной Думы" как бы опиралось на тогдашний мозг страны, на ее нервы и ее физическую силу, каковыми являлись: Дума, рабочие и армия.

Укрепившись в своих "убеждениях", 3-го марта новое правительство выступило. В глазах интеллигентно-буржуазно-либеральных избранников Государственной Думы оно было революционным и народным. Его образовали: в качестве органа Верховной Всероссийской власти — Временный Комитет Государствен-

ной Думы упомянутого уже выше состава, и в качестве исполнительного органа — Общественный Кабинет Министров, в который вошли: пять членов партии народной свободы, два октябриста, два беспартийных, один член группы центра, один трудовик, и один прогрессист.

Таков был внешний ход событий революции 27-го февраля и строительство "народной революционной власти" на принципах права и свободы. Посредством нескольких обращений Временного Комитета и декларации Временного Правительства эта внешняя сторона событий, ставшая достоянием "всех, всех, всех", и является *официальной историей начала Великой Российской Революции.*

Из дальнейшей истории семимесячной жизни народного революционного Временного Правительства известно, что через два месяца Общественный Кабинет был заменен *Коалиционным Правительством*, потом его сменило *Правительство Спасения Революции*, за ним пришло *Правительство Спасения Страны*, пытавшееся выявить истинное лицо "земли русской" через Московское Совещание, что однако не удалось, так как "единого настроения" на Съезде не создалось... Тогда Правительство Спасения Страны произвело, если можно так выразиться, новый переворот и, отказавшись от присяги, в коей клялось, что форма правления Российским Государством будет установлена Учредительным Собранием, 1-го сентября *самостоятельно* объявило Россию — *Российской Республикой, возглавляемой директорией "Совета Пяти"* (Керенский, Верховский, Вердеревский, Терещенко и Никитин). С 7-го октября, для поддержки нового по счету, *Коалиционного Временного Правительства Российской Республики*, созданся *Времен-*

ный Совет Российской Республики (Предпарламент), с Президиумом в составе: Н.Д. Авксентьева, А.В. Пешехонова, В.Н. Крохмаля и В.Д. Набокова.

25 октября в Мариинский дворец, где заседал Совет Российской Республики, вошли вооруженные солдаты и матросы и *"честью попросили"* из него г.г. членов Совета. Никто даже не знал толком, по чьему полномочию действовала эта вооруженная сила. "Так просто караульный начальник через пристава предложил председателю Н.Д. Авксентьеву "разойтись" в течении получаса, не ручаясь за последствия промедления. Ультиматум был принят".

Революционный период *власти династии избранников Государственной Думы продержался семь с половиною месяцев.* На своем государственном щите эта династия убежденно носила девиз *"народовластие"*, а на ее стяге ослепительно сверкал лозунг *"свобода и право"*.

Но в действительности это была лишь внешняя, официальная оболочка власти, и роковое заблуждение и самообман тех ее адептов, кто верил в правоту своих убеждений.

С 27 февраля, с момента крушения той формы, которая в представлении либеральной интеллигенции рисовалась деспотическим правлением, Россия неудержимо катилась в бездну...

МАНИФЕСТ ОТРЕЧЕНИЯ

Полный текст манифеста императора Николая II об отречении от престола теперь тоже найти не легко — приводим его ниже. Обстоятельства принятия его были следующие:

3 марта 1917 года в Ставку Верховного Главнокомандующего, в Пскове, прибыла делегация Государственной Думы, принятая Государем в салон-вагоне. Делегация, в составе которой были Гучков и Шульгин, доложила о тяжелом, даже грозном, по ее словам, положении в столице и о том, что члены Государственной Думы считают наилучшим выходом из этого положения — отречение царя от престола. Делегация даже привезла с собой проект манифеста об отречении и передала его Государю. Взяв от Гучкова листки бумаги с этим проектом, Государь сказал, что он уже думал об этом и решил отречься от престола, но не в пользу своего сына, с которым он не может расстаться, а в пользу брата. Делегаты Думы не знали, как ответить: они были уполномочены просить отречения в пользу сына.

Государь между тем, взяв бумажки с проектом, вышел из салон-вагона. В своем вагоне он сам написал черновик манифеста и через некоторое время вернулся в салон-вагон и предложил Гучкову и Шульгину прочесть. Шульгин просил только вставить, что новый император должен принести на верность конституции "всенародную присягу". Государь взял черновик и дописал: "Принести ненарушимую присягу". Манифест гласил:

"Во дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого нашего отечества

требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимою присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародного испытания и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Николай II

г. Псков

2 марта 15 часов 1917 года”.

ОБРАЩЕНИЕ К ПАСТВЕ

Возлюбленные братья и сестры во Христе, каждый день приносит нам, с нашей несчастной родины, новые и новые печальные сведения о судебных процессах, арестах и преследованиях верующих. Каждый день в стране воинствующих безбожников — новые слезы, новые страдания, новая горе, не только арестуемых и осужденных, но и их родителей, жен, детей и родных!

”Доколе Господи”? вопиют страдальцы земли нашей и этот вопль болезненно отзывается и в наших сердцах! Большинство из нас были в храмах на молебнах о плененных исповедниках веры православной. Бывая в воскресные дни на литургиях, мы участвуем в молитвах Церкви за них, словами: ”верных рабов Твоих, Господи, от уз и горькия беды избави, молим Тися, Избавителю Милостивый, услыши и скоро помилуй”! Молимся за всех и за тех, кои не выдержали искуса до конца, страдающие от этого еще больше.

Но часто ли мы в церкви, всегда ли слышим молитву о заключенных и участвуем ли в ней всем разумением и сердцем?

В ответ на каждодневные муки нужна каждодневная молитва, непрекращающийся вопль к Богу всех чад Церкви, всех без исключения! Апостола Петра Ангел избавил из темницы, потому что ”многие собравшись молились о нем” (Д.Ап. 12, 12).

И нам надлежит собраться на ежедневный молитвенный подвиг. В начале каждого дня, дня страшного, голодного, изнурительного для наших заключенных в лагерях, вознести, хотя бы краткую, молитву за них. В начале каждой ночи помолиться за тех, для которых она будет страшной, бессонной, томительной, в одиночных ли камерах, на допросе ли у безжалостного

следователя, у себя ли дома в безысходной тоске за обреченных на страдания родных!

Прибавим все, без исключения, к нашим утренним и вечерним молитвам, несколько слов за них, слов нашего общего молитвенного вопля:

”Призри милостивно, Человеколюбче, на рабов Твоих (имена их, по желанию), от человек безбожных и лукавых люте страждущих, ниспосли им руку помощи, яви им свет Лица Твоего, утеши и возвесели их благодатию Святого Духа, Всеблагий Господи, услыши и помилуй”!

”Упокой, Господи, души раб Твоих (имена их, по желанию), за веру и правду Божию убиенных и умученных и без молитв Церкви погребенных, наипаче же за Церковь Христову венец мученический приявших, молим Ти ся, услыши и помилуй”!

”Боже милостиве буди нам грешным”!

Молитвенно вспоминая каждый день наших страдальцев, мы не будем забывать о том, что им нужна и наша материальная помощь...

Братья и сестры, в нашем благополучии не забудем страждущих, да бы знали они, что имеют любящих их братьев и сестер во Христе!

В первую очередь обращаюсь к пастырям Церкви, да бы воодушевили паству на ежедневные молитвы за современных мучеников и исповедников и на помощь им!

Архиепископ Антоний.

Женева, 12-го ноября 1980 г.

Собранные средства прошу направлять на имя диакона Николая Семенова, казначея Православного Дела, по почте или чеками.

? Адрес monsieur Nicolas Semenoff

1, rue Delaporte. 94700 Maisons-Alfort.

France

А. Солженицын

**КОНФЕРЕНЦИИ ПО РУССКО—УКРАИНСКИМ
ОТНОШЕНИЯМ В ТОРОНТО**

**ГАРВАРДСКОМУ УКРАИНСКОМУ ИССЛЕДОВА-
ТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ**

Многоуважаемые господа!

Сердечно благодарю Вас за приглашение на конференцию. К сожалению, уже многие годы интенсивность моей работы не позволяет мне выезжать и принимать участие в общественных мероприятиях.

Но Ваше приглашение даёт мне повод и право высказать некоторые соображения письменно.

Я совершенно согласен, что русско-украинский вопрос — из важных современных вопросов, и во всяком случае решительно важен для наших народов. Но я считаю губительным тот накал страстей, ту температуру, которая вокруг него вздувается.

В сталинских лагерях мои русские друзья и я всегда были заедино с украинцами, и мы стояли одной стеной против коммунизма, и между нами не возникало упреков и обвинений. А в последние годы созданный мною Русский Общественный Фонд широко помогает энкам украинцам или литовцам, никак не меньше, чем русским, — да не знает он национальных различий, но только — жертвы коммунизма.

В нынешней повышенной страсти — нет ли

эмигрантской болезни, потери ориентировки? Против коммунизма реально делается очень мало (да и большие группы эмиграции всё ещё отравлены социалистическими утопиями), а вся страсть кидается на обвинение братьев. Я предлагал бы не преувеличивать, насколько эмиграция понимает и представляет истинные настроения своей метрополии, особенно кто от туда давно или даже родились за границей. И если Ваша конференция начинает основательный диалог о русско-украинских отношениях, то надо ни на минуту не потерять из виду: отношения между *народами*, а не между эмигрантами.

И обидно, что этот спор быстро теряет всякую нравственную высоту, всякую мыслимую глубину, все исторические объёмы, а сводится только к лезвию: сепаратизм или федерация (как будто по ту сторону этой струны уже не будет ни одной проблемы). Может быть, и от меня хотят услышать только этот единственный ответ?

Я неоднократно высказывался и могу повторить, что никто никого не может держать при себе силой, ни от какой из спорящих сторон не может быть применено насилие ни к другой стороне, ни к своей собственной, ни к народу в целом, ни к любому малому меньшинству, включённому в него, — ибо в каждом меньшинстве оказывается своё меньшинство. И желание группы в 50 человек должно быть так же выслушано и уважено, как желание 50 миллионов. Во всех случаях должно быть узнано и осуществлено *местное* мнение. А поэтому и все вопросы по-настоящему могут быть решены лишь местным населением, а не в дальних эмигрантских спорах при деформированных ощущениях.

Эта здешняя искажённая атмосфера, увы, уже известна. Но приведу характерный пример. Год назад в

американском журнале "Форин Афферс" я напечатал статью, всё содержание и смысл которой был: упасти Запад от того, чтобы величайшее интернациональное и уже полуторавековое (если не двухвековое, от якобинцев) зло коммунизма успокоительно понимать как русское национальное явление. Я подчёркивал, что в се народы, захваченные коммунизмом в любое десятилетие и в любой части планеты, являются (и могут стать) *жертвами* его. Казалось бы, в наше время, когда коммунизм уже гнойно роится на четырёх континентах и захватил полмира, среди *каждого* народа найдя себе и добровольных слуг, — такое ложное предубеждение не могло бы держаться, и особенно у людей и наций, близко коснувшихся коммунизма. Но к изумлению моему некоторая часть украинской общественности в Соединённых Штатах реагировала на мою статью (не содержащую ни слова худого об Украине) — бурно враждебно и совершенно парадоксально. Укажу например на статью Л. Добрянского, помещённую в "Конгрешенал Рекорд", июль 1980, затем брошюрку "Порабощённые нации в 1980", изданную американским комитетом Украинского Конгресса. За то одно моё утверждение, что русский народ *как и все остальные* порабощён коммунизмом (и никаких претензий на особенные в чём-нибудь права русского народа), — *только* за это я был осыпан вереницей обвинений в "воинствующем национализме", "русском шовинизме", и даже подведен под "коммунистического квислинга". Статья Добрянского переполнена исступлённой, навязчиво-повторительной ненавистью к русским, предлагает понимать Россию по Марксу, а нынешний коммунизм называет *мифическим!* Так же и брошюра использует о России ходячую ленинскую формулу. Авторы брошюры и сегодня настаивают, что например

континентальный Китай и Тибет захвачены русскими, и русский народ является всеобщим в мире поработителем (очевидно сам от того процветая?). Летом 1980 в Баффало на украинском митинге в "Неделю поработщённых наций" ведущий оратор развивал это так: Солженицын безучастен к поработщённым народам, он *больной, нуждающийся в лечении* (хорошая советская формулировка!). *Коммунизм это миф!* — возглашал он. — Весь мир хотят захватить не коммунисты, а русские. (Чья рождаемость подорвана ниже критического уровня, миллионные массы бедствуют от голода, а старателей религиозного и национального самосознания бросают в тюрьмы.).

Эти настойчивые возглашения, что "коммунизм — миф", могут только всех нас сделать рабами на 5 континентах и на 10 поколений вослед. Протрезветь Америке о мировом коммунизме оказывается не надо, и проблемы самой нет.

Да, господа, в *такой* атмосфере, в *таком* ослеплении — ничего нельзя обсуждать, и бесплодны будут всякие диалоги и конференции. Прочный анализ современности и будущего может зиждиться только на понимании того, что коммунизм есть зло интернациональное, историческое и метафизическое, а не московское. (И всякий социалистический аспект — всегда прикрывает и смягчает злодейскую необратимость коммунизма.)

Слушаешь этих самоуверенных нападчиков и изумляешься: правда ли, что они причисляют себя к христианам? Но сеять ненависть между народами — не приведёт к добру никакую сторону. Взаимная доброжелательность должна опережать и превышать всякую остроу доводов. Никакой постановки никакого национального вопроса нельзя признать вне принципа

самоограничения и раскаяния.

Мне особенно больно от такой яростной нетерпимости обсуждения русско-украинского вопроса (губительной для обеих наций и полезной только для их врагов), что сам я — смешанного русско-украинского происхождения, и вырос в совместном влиянии этих обеих культур, и никогда не видел и не вижу антагонизма между ними. Мне не раз приходилось и писать и публично говорить об Украине и её народе, о трагедии украинского голода, у меня немало старых друзей на Украине, я всегда знал страдания русские и страдания украинские в едином ряду подкоммунистических страданий. В моём сердечном ощущении нет места для русско-украинского конфликта, и если, упаси нас Бог, дошло бы до края, могу сказать: никогда, ни при каких обстоятельствах, ни сам я не пойду, ни сыновей своих не пушу на русско-украинскую стычку, — как бы ни тянули нас к ней безумные головы.

Но в толще населения, ежедневно страдающего от коммунизма, *нет* взаимной нетерпимости, все вопросы видятся и глубже, и ответственней. И наши взаимные проблемы XX века не решаются единственно тем, что когда-то одна наша ветвь подпала под господство татарское, а другая под польское, или выяснением, кто же был Илья Муромец на службе в Киеве — русский или украинец. Русско-украинский диалог не может идти лишь по одной линии различий и разрывов, но и — по линии трудно отрицаемой общности. Из страданий и национальных болей наших народов (всех народов Восточной Европы) надо уметь извлечь не опыт раздора, но опыт единства. Шесть лет назад я уже попытался выразить это в обращении к страсбургской конференции народов, порабощённых коммунизмом, я прилагаю сейчас его дополнением и прошу Вас также

огласить на Вашей конференции.

Вот — всё, что я мог бы сказать в предлагаемой Вами дискуссии.

Это письмо я считаю открытым.

С самыми добрыми пожеланиями,

А. Солженицын

Апрель 1981

Приложение

А. Солженицын

**КОНФЕРЕНЦИИ НАРОДОВ, ПОРАБОЩЁННЫХ
КОММУНИЗМОМ (СТРАСБУРГ)**

Шлю мою дружескую поддержку вашей попытке выразить слитный голос Восточной Европы в парламентском центре Западной, ещё удерживающей свою шаткую свободу. Единство народов Восточной Европы — быть может последняя надежда этого континента. Ещё не рухнувший Западный мир в своей устоявшейся надменности не замечает, как опускается и опускается он со всех ступеней реальной силы и умственного влияния, развиваясь в провинциальный угол планеты. Вот уже и голоса Восточной Азии добавились к голосам Восточной Европы — но мир, не изведавший глубин страдания, — глух, пока удары этого истребления не поразят его самого наповал.

Мы с вами знаем, что коммунизм не есть чьё-либо национальное изобретение, но — органическая гангрена, заливающая всё человечество. Беспечной и безграмотной подменой слова "советский" на слово "русский" ещё и сегодня относят преступления и новые замыслы мирового коммунизма к народу, пострадавшему от коммунизма раньше всех, дольше всех и

вместе со своими тесными братьями по горю, народами СССР, потерявшему от насилия *шестьдесят шесть миллионов* человек! (Не считая *сорока четырех миллионов* — от пренебрежительного ведения войны. Курганов.) Наученные муками, не дадим нашим национальным болям превзойти сознание нашего единства! Настрадавшись от лютого насилия — никто из нас никогда да не применит его к соседям; будем искать формы отношений выше, чем знает современный мир: не взаимного терпения, но — взаимного великодушия.

Я желаю вам успеха в этом сплочении угнетённых наций и в расширении числа тех, кого вы представите в будущем. Даже только эмиграция из порабощённых стран составляет — миллионы. Соединясь друг с другом при полном доверии, не позволяя себя усыпить расслабляющей эмигрантской безопасностью, никогда не забывая наших братьев в метрополиях, — мы составим и голос и силу, влияющую на ход мировых событий.

27 сентября 1975

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка : страны Бенелюкса 450 б. фр., Франция 60 фр. фр., Германия 40 марок, США и Канада 15 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

В. Orekhoff, 26 avenue Everard,

В 1190 Bruxelles (Belgique)

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ИСЦЕЛЕННОВА

"Какая это была необыкновенная судьба, что возрождение понимания русской иконы произошло как раз накануне революции. В этой судьбе есть свой тайный смысл, который мы теперь уже угадываем, но который, конечно, станет ясней будущим поколениям".

Н.И.И.

Н.И. Исцеленнов ушел от нас в тот лучший мир, реальную невидимость которого он так глубоко чувствовал в русской Иконе. Вечная Память ему.

Родом из Иркутска, Н.И. окончил в свое время Императорскую Академию Художеств в С. Петербурге, став архитектором. Студентом, в период подготовки празднования 300-летия Дома Романовых, сотрудничал он с П. Покрышкиным и Н. Милеевым (специалисты-реставраторы), а так же с приехавшими из Палеха и Мстеры иконописцами, в реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме (1911 г.). Эта работа вдохновила Н.И. посвятить свою жизнь древнерусскому искусству и строительству православных храмов. Ему открылся свет божественной красоты, и пришло сознание того, что Россия обладала в течении многих веков великим духовным искусством. Как говорил Н.И. "там мне пришлось быть свидетелем незабываемого явления, — красота древне-русской иконы и росписи как бы пробуждалась от сна к новой жизни".

Заканчивая Академию, Н.И. становится помощником выдающихся архитекторов того времени, В. Покровского и А. Шусева, строивших новые храмы в новгородском стиле в С. Петербурге и Москве.

Оказавшись после революции в Париже, Н.И. примыкает к группе известных людей — Н. Билибина, Д. Стелецкого, П. Муратова, Н. Лихачева, С. Маков-

ского, кн. Щербатова, А. Бенуа и графа Ширинского-Шахматова, начавших еще в России работать над "ОТКРЫТИЕМ ИКОНЫ", с желанием возродить русское искусство, опираясь на красоту древне-русской Иконы. Таким образом, под председательством В.П. Рябушинского, в 1925-1927 годах основывается в Париже Общество "ИКОНА" — это период создания, в традиции общества, иконостаса в церкви Сергиевского Подворья в Париже, а так же по проекту Н.И. иконостаса храма Знамения Божией Матери в Париже.

В 1951-м году Н.И. становится председателем Обва "ИКОНА". Свою деятельность он посвящает ее изучению и правильному пониманию богослужебного назначения Иконы. Усилия талантливой его природы, оставались крепко связаны с лучшими устоями православного русского искусства.

Свидетельством его пути в изгнании остается воздвигнутый им "Храм-Памятник" Царю мученику и всем русским людям в смуте убиенным, построенный в Московском стиле 16-го века, в Брюсселе. Храм этот считается достопримечательностью Брюсселя.

Обаятельность Н.И. как человека была велика, всеми чувствовалась вдохновленная его даровитость, чуткость, человеколюбие, многосторонность общей культуры и большая эрудиция.

Драгоценны по своему высокому качеству и своеобразию идеи оставленные им труды по "Истории русского иконостаса" и "Истории мирового строительства храмов". Работы эти основаны на мысли, что особое выявление полноценной красоты было достигнуто *христианским искусством, как никаким другим.*

Николай Иванович скончался на 90-ом году жизни 24-го февраля 1981 г. в Париже.

Председатель общества "Икона" в Париже

З.Е. Залесская

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

АВСТРАЛИЯ:

Сидней — Mr. M. Serebriakov, Lot 2, Old Kent Road, Kentlyn N.S.W., Australia 2560.

Мельбурн — Mr. A. Soupronovich, 11 Chel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида — 1. Mr. S. Komarovs, 4 Devon Street, Mile End, S. Australia 5031. 2; Mr. N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth Street, Croydon, S. Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ: Herrn M. Artzimovitsch, Promenade 26, 6380 Bad Homburg, W. Germany.

КАНАДА: Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescent, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк — 1000th Anniversary Committee, 322 W. 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025, U.S.A.

Сан Франциско — Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Cal. 94121.

ФРАНЦИЯ:

Париж — Melle N. Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons-Alfort, France.

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год с пересылкой простой почтой **24 ам. долл.**

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами):

«1000 Anniversary Committee», 322 W. 108 St. New York, N.Y., 10025, USA

В Европе и Австралии — у наших представителей

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Солженицын:</i> Из УЗЛА III "Март семнадцатого" ..	5
<i>А. Климов:</i> Своевольный Лазарь	27
<i>Н. Первушин:</i> Заход солнца	52
<i>Н. Натов:</i> История двух портретов Ф. М. Достоевского .	59
<i>Н. Тростников:</i> Письма о болезни и исцелении	70
<i>Л. Тимофеев:</i> Технология чёрного рынка или крестьянское искусство голодать	92
<i>В. Алексеев и Ф. Ставру:</i> Русская православная церковь на оккупированной немцами территории	118
<i>В. Сорокин:</i> Обезглавленная Москва	155
Говорят свидетели: <i>К. Сопилко</i> — Со слов всегда безмолвных	177
<i>А. Судоплатов</i> — Русская песня	184
<i>Г. Андреев:</i> В следы прошлого и нынешние	205
Как это было: Упразднение монархии и Манифест об отречении императора Николая II	231
<i>Архиеп. Антоний:</i> Обращение к пастве	244
<i>А. Солженицын:</i> Обращение к Конференции по русско- украинским отношениям	246
Памяти Н. И. Исцеленнова	253

Обложка работы художника А.В. Русака
Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в
Кожевниках (Новгород) 1406 год.